

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

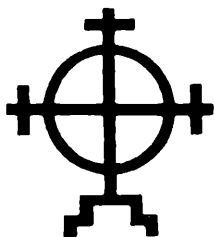

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1986 (III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 35

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

НЬЮ-ЙОРК · МОСКВА · ПАРИЖ

1986 (III) ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД № 35

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

- 1978 Журнал, по благословению Русской Православной Церкви за рубежом, был основан протоиереем о. Александром и К.И. Киселевыми, Н.Ф., И.Э. и А.Н. Федоровыми
- 1978-79 Главный редактор – кн. С.С. Оболенский
- 1980-81 Главный редактор – Г.А. Хомяков
- 1982 Редакция: К.И. Киселева, Т.А. Родзянко (секретарь), З.В. Трифунович, М.А. Холодная (заместитель г. редактора), О.П. Ильинский

Члены редакционного совещания:

В.И. Алексеев (США); З.Е. и Ю.П. Залесские (Франция);
Е.Н. Казанская (Австралия); А.Е. Климов (США);
Н.П. Полторацкий (США); Прот. В. Потапов (США);
Г.А. Рар (ФРГ); Дьякон Н. и Н.Г. Семеновы (Франция);
Прот. А. Трубников (Франция); А.Н. Федоров (Франция)

Корректор – Г.В. Крыжицкая

Ответственный редактор № 35 – Др. Л.А. Ткачевская

Всю переписку, рукописи и подписную плату просим посылать по адресу издательства:

V. Rev. A. KISELEV
Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025 USA
Tel.: (212) 663-9093

Помещаемые в журнале статьи не обязательно выражают взгляды редакции, считающей, что тема русского возрождения должна обсуждаться возможно более свободно и широко.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Казначей журнала – И.П. Холодный

Ревизионная комиссия:

Е.А. Александров, Н.В. Казякин, А.Д. Кулеша

© 1986 by Russkoe Vozrozhdenie – St. Seraphim Foundation, Inc.
(ISSN 0222-1543).

*Обложка – крест из церкви свв. апостолов Петра и Павла
в Кожевниках (Новгород), 1406 г. – работы
художника А.В. Русака*

Задачи Журнала

Журнал РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ставит себе задачу быть собирателем и глашатаем духовных чаяний нашего народа в годы, предшествующие тысячелетию его крещения (988-1988).

Воспринимая православное христианство и национальное самосознание как основные элементы нашего отечественного бытия, мы утверждаем необходимость их историософской неслиянности и нераздельности в нашем историческом будущем.

Мы исповедуем Православную Церковь не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории.

Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли.

Основываясь на православном и национальном самосознании, журнал будет бороться с клеветой, столь часто возводящейся на русскую нацию, на ее духовные устои, историю, культурные и государственные традиции.

Всё, что духовно созвучно вышесказанному, что отражает процессы происходящего у нас на родине возрождения, – литература, философия, история, проблемы государственной жизни или вопросы веры и Церкви, вопросы национального бытия и всё, что с ними связано и из них вытекает, входит в круг интереса журнала.

Журнал будет освещать проблемы современного Запада в свете русского исторического опыта. Он будет блюсти чистоту русского языка, как в моральном, так и в литературном смысле.

Мы – дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой любви, нашему братству.

С верой в правоту дела и надеждой на помощь Божию, мы приступили к изданию журнала, долженствующего отражать и осмыслять в канун тысячелетия крещения наше РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Издание субсидируется следующими русскими церковными и общественными организациями:

Академическая Группа в США – Американско-русское просветительное Общество «Родина» – Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей – Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терека – Гарнизон 297 им. ген. Турчинова – Западно-Американская и Сан-Францисская Епархия – Кадетское Объединение – Комитет защиты гонимых православных христиан – Комитет объединенных русских организаций в Лос-Анжелесе – Конгресс русских американцев – Национальная Организация Витязей – Национальная Организация русских разведчиков (НОРР) – Организация Российских юных разведчиков – Западно-Американский отдел ОРЮР/НОРС – Общество «Отрада» – Обще-Монархическое Объединение в Монреале – Общество «Икона» в Париже – Православное Братство во имя всех Святых Земли Российской – «Православное Дело» – Русско-Американское просветительное общество в Детройте – Женское общество помощи Австралийской Епархии – Русский центр в Сан-Франциско – Св. Серафимовский Фонд – Австралийско-Новозеландская Епархия – Ставропигиальный Св. Троицкий Монастырь (Джорданвилль) – Союз русских инженеров – Св.-Петропавловский кафедральный собор – Российское национальное объединение в Германии – Братство Святого Креста в Австралии – Общество друзей скита на военном кладбище в Мурмелоне, Франция – Фонд Блаженной Ксении Петербургской, США – Фонд Царя-Мученика – Православное братство всех Святых, США – Восточно-Американская и Нью-Йоркская Епархия – Владимирское братство, США – «Русский очаг», Аргентина – Толстовский Фонд – Ставропигиальный Храм-Памятник Св. Кн. Владимира, Джаксон, Н. Дж. – Церковь во имя Преп. Сергия Радонежского, Валлей Коттедж, Н.Й. – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Скенектади, Н.Й. – Богоявленская церковь, Бостон, Масс. – Новое Дивеево, Спринг Валлей – Храм Покрова Пресв. Богородицы, Наяк, Н.Й. – Церковь Преп. Серафима Саровского, Си-Клиф, Н.Й. – Церковь Св. Иоанна Предтечи, Вашингтон, Ди. Си. – Церковь Св. Александра Невского, Лейквуд (Хауэлл), Н.Дж. – Успенская Церковь, Ричмонд Хилл, Н.Й. – Благовещенская церковь, Флошинг, Н.Й. – Церковь Св. Серафима, Нью-Йорк, Н.Й.

Этот список будет пополняться по мере выражения другими русскими организациями желания в нем участвовать.

ОТ РЕДАКЦИИ

Нет нужды говорить о том, как страшна, как ужасна жизнь современного мира, какой леденящий страх охватывает при мысли о завтрашнем дне. Однако все это не должно затмевать нашего сознания и рассудительности. «Мир во зле» еще не значит, что сам мир есть зло. «В мире, рядом с грехом, посреди греха, наконец, в грехе, есть нечто бесконечно драгоценное – человек – создание Божие, образ Божий».

Противостояние злу, освобождение себя из-под власти зла и помощь в этом другим, есть первейшее дело христианина в этом «прелюбодейном и грешном» мире.

В настоящем номере в нескольких статьях мы коснемся жгучих вопросов современности. О том, что убивается еще не родившаяся, но в утробе матери уже начавшаяся человеческая жизнь. О том, как, если дожил человек до старости, происходит его кончина. О том, каковы те условия, в которых десятилетиями протекает жизнь многих из нас...

Как ни прекрасен мир по своим возможностям, жизнь в нем сплошь и рядом ужасна. Что же можем делать мы, со своими ничтожными возможностями, перед гигантом многоголового зла современности?

Не имея достаточно сил, чтобы преодолеть всю мощь зла, мы можем протянуть руку сочувствия, руку сердечного участия, мы можем быть теми,

Кто поверженному скажет: – Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!

Известен случай, когда, по окончании Второй мировой войны, друг разыскивал друга, сидевшего в немецком концлагере. Найдя его умирающим от истощения, лежащим уже без сознания, пришедший взял и держал руку друга в своих руках... Умиравший друг потом рассказывал, что это прикосновение любящей руки остановило его неминуемый уход из жизни... Как много содержалось в этом малом братском деле – держании руки.

Сейчас мы являемся свидетелями ядерной катастрофы в Чернобыле. Можно ли нам, русским за рубежом, быть только свидетелями этого? Не наш ли долг на сердечной глубине, братски, переживать смерть, увечья и все бедствия там пострадавших соотечественников наших?

Много может братская рука. Сильна движимая любовью молитва. Мы приводим молитву неизвестного автора, словами которой некоторые за рубежом молятся за пострадавших в отечестве:

«Братий наших, в отечестве нашем от воспламенения стихии ядерной энергии люте пострадавших, пощади и помилуй, Господи. Нас же всех бедствием сим вразуми памятовати словеса их же Сам рекл еси: 'взявший меч мечем и погибнет'. Умилосердися, Преплагий Господи, над родом нашим человеческим – строптивым и развращенным – да не до конца, грех ради наших, погибнем, но да избавимся Тобою от бед».

БРАК И ЦЕРКОВЬ. *

Христианское учение о браке связано с догматом Церкви, который в свою очередь основывается на догматике Троичности. Троица есть метафизическое основание нравственного долга любви. По подобию Троицы, нераздельной и неслиянной, образовано новое существо – Церковь единая по существу, но множественная в лицах.¹ Что жизнь Церкви должна быть отображением жизни Троицы, об этом молится ее Основатель в своей Первосвященнической молитве (Ио. 17. 11, 21). Неоднократно встречаем мы эту мысль и в церковных канонах. Говоря о согласии епископов с первоиерархами и единомыслии их между собою, как основе церковного устройства, 34 апостольское правило так обосновывает это требование: «Ибо таким образом явится единомушье и прославится Бог через Господа во Святом Духе, Отец, Сын и Святой Дух». Веру в единство и нераздельность Св. Троицы ставит в основу церковного устройства и 2 правило Карфагенского Собора.

Но если семья является лишь подобием Св. Троицы, связанным с божественною жизнью благодатиею Божией, то отношение семьи к Церкви еще более тесно. Семья не есть лишь подобие Церкви. Такое воззрение было бы ложным омиусианским учением. Нет, по своему идеалу семья есть органическая часть Церкви, есть сама Церковь. Так же, как кристалл не дробится на аморфные, уже некристаллизованные части, а дробится лишь на части омиомэрные или

* Сноски на странице 29.

подобно целые, и мельчайшая часть кристалла будет все же кристаллом, семья, и как часть Церкви, есть все же Церковь.

Климент Александрийский называет семью, как и Церковь, домом Господним,² а Златоуст прямо и точно называет семью «малою Церковью».³

Райская семья совпадает с Церковью, ибо другой Церкви человечество тогда не имело, а христианская Церковь есть продолжение Церкви райской, причем в ней новый Адам-Христос заменяет Адама Ветхого (I Кор. 15. 22). Этим объясняется, почему Новый Завет и древнейшая христианская литература, изречения Св. Писания, имеющие отношения к браку, относят к Церкви и наоборот.

С давних пор пытаются толковники провести границу в послании к Ефесянам между учением апостола Павла о браке и учением о Церкви, но безуспешно, так как по апостолу христианская семья и есть в ее идеале Церковь, часть тела Христова именно на этом обосновывает он строгие моральные требования в отношении к браку. Христианин, входя в единство Церкви, есть храм Св. Духа, почему всякий осквернитель своего тела отделяется от Церкви и таким образом разрушает ее (I Кор. 6. 9, 15, 19). Поэтому же он называет обычно христианские семьи «домашними Церквами».⁴

То же мы видим и у древних христианских писателей. Ерма и Климент Римский учат, что Церковь существовала даже раньше создания человека и что не Христос является образом Адама, а Адам образом Христа и Ева образом Церкви. «Церковь, – пишет св. Климент, – создана прежде солнца и луны. Церковь живая есть тело Христово, ибо Писание говорит: создал Бог человека, мужа и жену. Муж есть Христос, жена – Церковь».

Церковь, будучи духовной, явилась нам в теле Христовом, поучая нас, что если кто из нас соблюдает ее в теле и не осквернит, он получит ее во Святом Духе. Ибо сама плоть есть символ (χ'vtitu von) духа и никто, исказивший символ, не получит оригинала (το αυ'θενιχοv).

Итак (Христос) говорит следующее: «соблюдайте плоть, чтобы быть участниками духа. Если же мы говорим, что плоть есть церковь и дух есть Христос, то оскорбивший плоть, оскорбил церковь; таковой не получит духа, который есть Христос».⁵

Точно также и Ерма утверждает, что Церковь Божия сотворена прежде всего, а мир сотворен для нее,⁶ что «Бог сотворит из не сущего все сущее ради Святой Церкви Своей, и что всякая похоть есть прежде всего грех против Церкви».⁷ Образ Божий (данный Адаму) есть образ Христов, говорит Тертуллиан, и выводит отсюда, что плоть есть истинная невеста Христова, которую должно любить больше всего, после Бога.⁸

Игнатий Богоносец, как и апостол Павел, обосновывает половую нравственность на мистическом единстве Церкви с телом Христовым, говоря, что соблюдающий целомудрие делает это в честь плоти Господа.⁹ На этом же основании тождества семьи и Церкви Климент Александрийский обетование Христово о присутствии Его в Церкви относит к присутствию Его в семье.¹⁰ «Во всяком браке почитается Христос в муже и Церковь в жене», говорит Св. Григорий Богослов.¹¹

Внутренним единством семьи и Церкви объясняется и тот факт, что в Св. Писании обычно церковные отношения рисуются в терминах семейного быта. Такие термины не какие-то поэтические метафоры, как иногда думают, а имеют для себя основание в

объективном существе вещей. Отношение Бога и ветхозаветной Церкви обыкновенно рисуются под образом брака, жениха и невесты, мужа и жены.¹² И в Новом Завете Христос постоянно говорит о Себе, как о Женихе.¹³ Женихом называет Его и Иоанн Креститель,¹⁴ а Церковь постоянно является по отношению к Нему в образе Его жены или невесты.¹⁵ «Скажу еще и то, – пишет Златоуст, – что это (т.е., брак), есть таинственное изображение Церкви».¹⁶

Сама Церковь есть «дом Божий» (I Тим. 3. 5), «дом Христов» (Евр. 3. 6), дом духовный (I Петра 2. 5) и сопоставляется с домом семейным (I Тим. 3. 4). Деятельность Церкви называется домостроительством (Еф. 2. 22). В этом доме апостолы и пастыри Церкви – отцы (I Кор. 4. 15), члены Церкви – их дети (Римл. 8. 29, Еф. 6. 23, и др.). Самое название Церкви¹⁷ по более вероятному словопроизводству (от *χουρ αχ ου*) означает «дом Господень», как бы вид дома семейного.

И не только райская и христианская семья является Церковью. Таковою же была, по крайней мере в своем идеале, и семья в иудействе и даже язычестве. Об этом мы должны говорить подробнее, ибо в этом вопросе православные богословы часто отделяются общими неопределенными фразами или повторяют положения инославного богословия.

Райская Церковь не была уничтожена грехом, а продолжала существовать, и семья была именно тем островом, который не захлестывали окончательно волны греха. Прежде всего мы должны указать на ошибочность принятого католическою Церковью и часто повторяемого православными богословами учения, будто таинство брака установлено только Христом.

Что Св. Писание видит в браке таинство, установленное Богом в раю,¹⁸ это ясно для всякого, кто

будет читать его без предубеждения. На всем протяжении Нового Завета мы не найдем ни одной строчки об учреждении Христом или Его апостолами таинства брака, ни одного слова о той или иной обязательной для христиан форме его совершения. Когда заходит вопрос о браке, как Христос (Матф. 19. 3-6) так и Его апостолы (Еф. 5. 31) отсылают к Ветхому Завету, к библейскому повествованию об учреждении первобытного брака, при существовании которого самый вопрос представляется излишним. «Разве вы не читали?» – спрашивает Христос вопрошающих о браке фарисеев.

В отношении брака, прекрасно говорит Климент Александрийский: «Сын только сохранил то, что установил Отец» и выясняет, что брак, как таинство, существовал в Ветхом Завете, так как, если свят ветхозаветный закон, то свят и ветхозаветный брак, и что апостол лишь поставил в связь это таинство с таинством союза Христа и Церкви.¹⁹ Говорит он и о благодати райского брака (της του γαμου χαριτος).²⁰ Точно так же Ориген говорит о благодатности всякого брака. Он ссылается на апостола Павла, который в I Кор. 7. 7-9, называет брак, как и девство, χαρισμα и говорит, что, так как в браке соединяет двоих в одно Бог, то соединенным Богом присуща благодать.²¹

Как на доказательство установления таинства брака Христом, ссылаются иногда на евангельское повествование о чуде на браке в Кане Галилейской. На самом деле это повествование доказывает как раз противоположное, доказывает, что Христос признал брак именно таковым и по форме и по существу, каковым он был до Него. «Христос пришел на брак и принес дар, даром почтив дело», пишет Златоуст.

Величайшее значение этого события, подчерки-

ваемое четвертым Евангелистом, (Ио. 2. 11), повидимому, неясно представляли даже остальные Евангелисты, не упоминавшие о нем в своих евангельских повествованиях, и потому о нем можно лишь догадываться. Чудо в Кане было первым чудом Христовым. Здесь впервые Христос выступил уже не только, как учитель, но и как создатель Своей Церкви, поскольку всякое чудо есть предвосхищение той победы духа над материей, которой будет характеризоваться жизнь будущей Церкви. Еще ближе указывает на это характер чуда, предзнаменовавший центральное таинство Церкви – евхаристию.

Правда, «час Христа тогда еще не пришел» (Ио. 2. 4), почему основание совершается лишь в вере учеников, только и именно с этого момента уверовавших в Него (Ио. 2. 11), но для них важно, что это символическое основание Церкви совершается в семейном доме и именно во время брачного торжества.

Браком начинается история Церкви в раю, браком начинается и история Церкви новозаветной. И на этом брачном торжестве Христос не выступает в качестве активного участника брачного обряда. Напрасно говорят о благословении брачующимся, Им преподанном. В евангельском тексте для этого нет ни малейшего основания.

«Он присутствует здесь, – справедливо говорит проф. Павлов, – как званный на брачное торжество, происходившее уже *по совершении брака*, и Своим присутствием свидетельствует, что брак, заключенный по законам и обычаям еврейского народа, есть брак истинный, богоугодный».²²

Действительно, на браке в Кане никакого участия в совершении брака Христос не принимал и не указал каких бы то ни было нововведений в нем, и лишь чудом претворения воды в вино символически указал,

какое высокое религиозное одушевление²³ должно быть присуще христианскому браку.

Но если Евангелие молчит о каком-либо вмешательстве Христа в брачный обряд, оно, выражаясь словами древнего оратора, «*dum tacet, clamat*». Также, как и прямые слова Христа (Мф. 19. 6), это молчание показывает, что и в дохристианском браке Христос видел творимый Богом таинственный организм единой Церкви, так что Его миссия состояла не в том, чтобы создать какой-то новый институт брака, брака как таинства, как учат католики, а лишь в том, чтобы очистить брак от чуждых его богоданной природе греховных элементов.

В виду такого сходства семьи и Церкви Христос посылает апостолов именно в достойные дома (Мф. 10. 11-14) и история апостольской проповеди доказывает, что она обычно так и начиналась и при таких условиях была наиболее успешной.

Суровые евангельские выражения об отказе от семьи для Царствия Божия (напр. Мф. 10. 37; Лк. 12. 51-53), служат не опровержением, а подтверждением единства семьи и Церкви.

Ведь христианин должен для Царствия Божия отказаться не только от семьи, но и от самого себя. И если отказ от себя не есть самоубийство, а лишь отказ от эгоизма и перестройка всей личной жизни на началах любви, то и отказ от семьи не есть ее разрушение, а перестройка ее на христианских началах, когда брак становится браком «в Господе». И если для служителей Церкви это требование иногда и фактически означает отказ от семейной жизни, то ведь с евангельской точки зрения это есть лишь расширение более узкой сферы деятельности на более широкую без изменения ее сущности, ибо если семья есть малая Церковь, то и Церковь есть большая

семья (I Тим. 3. 5).

Указывают в доказательство христианского установления брака на слова апостола Павла: «тайна сия велика есть, Аз же глаголю во Христа и во Церковь» (Еф. 5. 32). Повидимому, действительно, апостол указывает, что основание брака, как таинства, лежит в отношении его к другому союзу, союзу Христа и Церкви, т.е. Церкви только христианской и след., пока не было христианской Церкви, не могло быть и брака, как таинства. Но понятие после и потом, – понятие времени, не решает вопроса догматики. Христос, родившийся после Адама хронологически, был прежде его метафизически (Иоанна 8. 58), чем и обуславливается возможность спасения ветхозаветных праведников и распространенность «единой Церкви», (а символ веры знает только таковую) и на Ветхий Завет,²⁴ и на райскую жизнь. По справедливой мысли древнейших церковных писателей (Климента Римского, Ермы, Тертуллиана)²⁵ не Христос есть образ Адама и Церковь – образ Евы, а наоборот, – Адам создан по образу Христа и Ева по образу Церкви, а потому и брак первых людей в раю также был образом союза Христа и Церкви, как и брак членов исторической христианской Церкви, и потому был таинством. Так именно и учила древняя Церковь. Что она не причисляла брак к таинствам, установленным впервые Христом, видно из того, что во всех древних перечнях христианских таинств, таинство брака не упоминается.²⁶ На то же указывает и самый чин венчания. В молитвах этого чина упоминается лишь о ветхозаветном учреждении таинства и перечисляются лишь ветхозаветные святые. На это обращает внимание, напр., св. Симеон Солунский. Говоря о браке, он пишет: «Священник в своих молитвах не упоминает о ком-либо из новозаветных (праведников) со-

стоявших в браке, так как брак не есть для христиан предпочтительное дело. Конечная цель Евангелия есть девственность и целомудрие».²⁷

Наконец, в авторитетных памятниках православного учительства прямо говорится, что брак именно как таинство установлен в раю, а в Новом Завете лишь подтвержден. Так, патриарх Иеремия II в своем ответе протестантским богословам, приведя из книги Бытия слова об установлении брака в раю, продолжает: «Таким образом это таинство передано свыше, а *подтверждено* в Новом Завете». Точно так же в грамоте восточных патриархов об учреждении Российского Св. Синода читаем: «*Таинство* брака имеет свое основание в словах Самого Бога, сказанных о нем в Ветхом Завете (Быт. 1. 27-28; 2. 24), каковые слова подтвердил и Иисус Христос, говоря: «еже Бог сочетал, человек да не разлучает» (Матф. 19. 6). Апостол Павел называет брак «великою тайною».

О том, что православная догматика признает брак не только новозаветным, но и ветхозаветным таинством, говорят и инославные символики. «В православной Церкви, – говорит Гасс, – брак является менее определенно христианским установлением, чем в Римско-Католической. Христос не ввел брак, а только включил его в высшие религиозные и моральные отношения».²⁸

Если учение о браке, как райском таинстве, имеет для себя твердое основание и в Св. Писании и в авторитетных памятниках церковного учительства, то учение о браке, как таинстве лишь новозаветном, заимствовано православными догматиками из учения римско-католического. Это учение, основываясь в конце концов на своеобразных взглядах на брак блаж. Августина, было санкционировано для римско-католической Церкви на Тридентском соборе, кото-

рый на 24-й своей сессии постановил: «Брак есть поистине и в собственном смысле одно из семи таинств евангельского закона, *установленное Господом Христом*». ²⁹

Подчиняясь влиянию развитой на Западе богословской науки и не пытаясь выяснить догматическое учение о Церкви в раю, православные богословы нового времени пожертвовали глубоким истинно-церковным учением о браке, как райском таинстве, во имя схематичности учения о семи новозаветных таинствах.

Но если таинство брака установлено в раю, сохранилось ли оно вне христианства, в еврействе, в язычестве? В символических книгах православной Церкви мы не найдем определенного ответа на этот вопрос и потому на наш утвердительный ответ нужно смотреть лишь как на *theologoumenon*.

Если таинство брака существовало в раю, то вследствие чего оно могло исчезнуть позднее? Вследствие первородного греха? Вследствие греховности всего человечества? Но первородный грех не касался взаимных отношений первой четы, он не был изменой друг другу. Наоборот, блаж. Августин доказывает, что Адам нарушил заповедь Божию только потому, что не хотел разлучаться с согрешившей женой. «Супруг последовал супруге», пишет он, «не потому, что введенный в обман поверил ей, как бы говорящей истину, а потому, что покорился ей *ради супружеской связи*. Ибо не напрасно апостол сказал: «не Адам прельщен, но жена, прельстившись, впала в преступление». Это значит, что он не захотел отделиться от единственного сообщества с нею даже и в грехе». ³⁰

Ту же мысль проводит на Востоке Златоуст. «Жена не обманывает мужа», пишет он, «а убеждает». Об этом свидетельствует Павел, говоря: «Адам

же не прельстися». ³¹ Он же проводит мысль, что Бог не проклинает чету прародителей и не лишает их благословения рождения, так как оно вечно. ³² Наконец те же мысли находим и у Прокопия Газского. ³³

Напротив, некоторые святые отцы защищают мнение, что благодать (χαρις) брака дана первым людям лишь после первородного греха, когда брак явился необходимым для борьбы со смертью, как пишет, например, Амфилохий Иконийский. ³⁴

Мнение, что брак установлен именно после и даже вследствие первородного греха мы встречаем в ранних произведениях Златоуста, у св. Григория Нисского, у блаж. Феодорита, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника, Максима Грека и др.

И богослужебные книги православной Церкви свидетельствуют, что брак не разрушен грехом. «Супружеский союз, – читаем мы в Требнике, – ни прародительным грехом, ниже потопом Ноевым разорися». ³⁵

Ту же мысль находим и в 49 главе Кормчей книги (Еклогe). «Ни жены виною змия гордого наченши вкушения от мужа разлучи, ни того владычни заповеди преступления супругою поспевшее отлучи, но от тоя убо сопряжен грех потопа, сочтания же разлучи». ³⁶ Что грехи человечества не исказили института брака, видно из того, что Бог благословил брак и после потопа. «Когда Бог наказывал людей потопом, – пишет блаженный Феофан Кирский, – он ввел в ковчег не только мужчин, но и женщин в одинаковом количестве и возобновил первое благословение. Ибо и им сказал: ‘Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю’» (Быт. 9. 1). ³⁷

О святости ветхозаветного брака говорят и заповеди Десятословия, сопоставляя ее нарушения с тяжчайшими преступлениями против Бога и ближнего.

«Истинная любовь эта (брачная), – пишет св. Ефрем Сирин, – *от Адама до Господа нашего* была таинством совершенной любви Господа нашего». ³⁸

Древний христианский писатель, известный под именем Дионисия Ареопагита, говорит, что язычники (эллины) смотрели на брак именно, как на таинство. ³⁹ По учению каббалистов единственный канал, через который благодать Божия изливается на человечество – это брак. ⁴⁰ О религиозном характере брака у всех народов говорят многие авторитеты. ⁴¹ «Во всех странах и во все времена религия принимала участие в заключении брака», пишет Монтескье. ⁴²

Но видели ли в браке евреев и язычников таинство сами христиане? И на этот вопрос нужно дать положительный ответ, так как за это говорят и прямые свидетельства древней письменности и фактическое отношение христианской Церкви в древности к еврейским и языческим бракам. Климент Александрийский не видит различия между браком ветхозаветным и новозаветным. «Так как закон ветхозаветный свят, то свят и брак», пишет он. И ветхозаветный брак был таинством, как прообраз Христа и Церкви, о чем говорит Апостол. ⁴³ «Брак является делом честным и у нас и у язычников», пишет Златоуст, ⁴⁴ относя таким образом и к языческому браку слова Апостола: «брак честен *во всех*» (ἐν παντί, Евр. 13. 4). «Брак существует и в синагоге», доказывает блаж. Августин. ⁴⁵ А св. Зенон Веронский доказывает, что язычники обладают всеми брачными добродетелями, так что он недоумевает, чему бы он мог их научить. «Поистине, – иронически добавляет он, – мы побеждаем только в том, что христианки в силу своей святости большее число раз выходят замуж, да еще за язычников, о чем нельзя не упомянуть без великой скорби или вопля». ⁴⁶

Считая брак таинством, древние христиане принимали его в том виде, как он существовал у евреев и язычников и, следовательно, видели таинство и в языческом и еврейском браке. Никогда брак перешедших в христианство супругов не нуждался в каком бы то ни было подтверждении со стороны Церкви, чтобы стать таинством. Христиане первых веков, чуждавшиеся еврейской обрядности и предпочитавшие мучения и смерть, повидимому, невинному участию в языческом культе, принимали брак в еврейской и языческой форме без всякого протеста и сами указывали на это язычникам. «Они, т.е. христиане, заключают брак, как и все», говорит один христианский апологет II века.⁴⁷ «Всякий из нас признает своею супругою женщину, которую он взял по законам, вами (т.е. язычниками) изданными», говорит другой апологет в своей апологии, поданной императору Марку Аврелию (166-177).⁴⁸ Климент Александрийский христианским браком считает брак *χάτα νόμων*.⁴⁹ Лаодикийский собор от христианского брака требует только того, чтобы он был совершен «свободно и законно», т.е. согласно с римскими законами (прав. 1).

Св. Амвросий Медиоланский говорит, что христиане берут жен «по таблицам», т.е. по римскому закону 12 таблиц.⁵⁰ О совершении брака по римским законам упоминает и Златоуст.⁵¹

За признание языческого брака таинством говорит и то обстоятельство, что в древней христианской письменности мы не находим какого-либо особого брака, специального христианского определения брака. Наоборот, древние канонические и догматические памятники пользуются определением брака, данным для языческого брака римским юристом язычником Модестином⁵² и даже называют его «наилучшим»,⁵³ а

в одном авторитетном догматическом памятнике определение Модестина применено именно к таинству брака.⁵⁴ О благословенности брака и до Христа говорит св. Симеон Солунский:⁵⁵ «Брак допущен для одного деторождения, – пишет он, – чтобы не без благословения было происхождение и начало людей и чтобы не без него они имели жизнь».

Если блаж. Августин учил, что таинство брака существует только в христианской Церкви, а у язычников нет брака вообще, то это учение, отразившееся в современном различии католическим богословием сакраментального и несакраментального брака, вытекает из отвергнутого Церковью учения о совершенном извращении природы человеческой первородным грехом и долгое время не пользовалось признанием даже на Западе. К выводу об отсутствии брака у язычников Августин приходит посредством такой цепи заключений: «Апостол учит, что 'все, что не по вере – грех' (Римл. 14. 23). Язычники веры не имеют. Поэтому все, что они делают есть грех. Между тем брак не грех. Следовательно у язычников нет брака». Этот вывод, получающийся путем *quater-nis terminorum*,⁵⁶ не разделялся в старое время даже западную Церковью. Мы уже видели, что папа Иннокентий III и Гонорий III категорически заявляют, что таинство брака есть и у язычников. А в самом *Corpus iuris canonici* подробно разбирается и опровергается это учение Августина. А именно, Грациан доказывает здесь ссылками на Св. Писание, что сам Христос (Лук. 14. 26; Мат. 19. 29) и апостол Павел (I Кор. 7. 12; Тит. 2. 4) признавали существование брака и у нехристиан, что слова апостола: «все, что не по вере – грех» имеют тот же смысл, что и слова: «блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает» (Рим. 14. 22), т.е. говорят о поступках язычников,

противных их совести, что, если иногда и утверждают, что у язычников нет таинств, то это не значит, что у них форма таинства брака неправильна, а значит только то, что их таинства не могут дать вечного спасения и что, наконец, слова Амвросия Медиоланского: «Нельзя считать браком то, что противно заповеди Божией» неприменимы к браку нехристиан, ибо ни одна заповедь Божия не запрещает браки нехристиан между собою.⁵⁷ Позднее католические богословы, с целью примирения учения блаж. Августина с учением *Corpus iuris canonici*, создали теорию двух видов брака – сакраментального и несакраментального. К этому учению должны прийти и те православные богословы, которые отказывались от старого церковного учения о существовании таинства брака во всем человечестве.

Учение о сохранении таинства брака у евреев и язычников дает исходную точку для правильной религиозной оценки язычества. Если в язычестве сохранилось это таинство, то, значит, нельзя смотреть на языческий мир как на что-то безусловно отрицательное, как безраздельное царство «князя века сего». Таинство брака было тем единственным каналом, через который благодать Божия непрестанно изливалась на греховное человечество. А так как вся культура, по глубокой мысли св. Григория Богослова, имеет свой источник в браке, то не осталась чужда божественному и она, и потому христианство не отвергло эту культуру целиком, а подобно магниту, вытягивающему железные опилки из сора, извлекло из нее немало родных себе элементов и взяло их, как материал на создание земной Церкви.

Здесь же можно найти основание и для положительной религиозной оценки современной культуры, хотя и она в значительной мере живет духом языче-

ства. В этом внехристианском мире брак является главным источником идеализма и здесь постоянно оправдываются слова Гете: «Das Ewigweibliche zieht uns hinan»⁵⁸

С объективной метафизически-богословской почвы переходим на почву субъективную, психологическую.

Если в браке объективно стороны возвышаются Богом на степень выше-личного богоподобного бытия и становятся частью тела Христова, Церкви, то как же выражается это возвышение субъективно, в психике брачных сторон?

Оно выражается в их взаимной любви, имеющей оттенок обожания и сопровождаемой чувством полного блаженства, по своему содержанию исключаящим вопрос о каких-либо дальнейших целях.

Субъективно не моральное лишь, а субстанциональное единство брачующихся, по объяснению Златоуста, творится любовью. «Любовь, – пишет он, – изменяет самое существо вещей».⁵⁹ Любовь такова, что любящие составляют уже не два, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви».⁶⁰ И идея, что любовь есть *causa efficiens* брака, усвоена и христианским законодательством. «Брак заключается и действителен одною любовью»,⁶¹ пишет величайший законодатель Юстиниан в одной из своих новелл, «чистой любовью».⁶² «Брак создается согласием и любовью», поясняет древняя схолия к синопсису Арменопула известную классическую максиму «*non concubitus, sed consensus facit nuptias*».⁶³

Эта любовь имеет вышеразумный таинственный характер. Мы уже видели, что объективно стороны соединяются в браке Богом. И субъективно любовь соединяет их в Боге и через Бога.

«Одна любовь соединяет создания и с Богом и

друг с другом», пишет авва Фалассий.⁶⁴ «В браке души соединяются с Богом неизреченным неким союзом», пишет Златоуст.⁶⁵

Но если так, то брачная любовь является таинством. Она является таинством уже потому, что, как мы видели, она объективно объединяет нас с Богом, Который и Сам есть любовь (I Ио. 4. 8, 16), и имеет благодатный характер. Она является таинством и потому, что перевышает силы нашего разума. Гносеология учит, что высшие категории нашего разума суть проекции нашего личного сознания, его единства, неизменности и т.д. Но мы уже видели, что объективно брак – это вышелеичное единство, подобное единству Св. Троицы.

Поэтому-то категории нашего разума неприменимы как там, так и здесь, и брак возвышается над основным законом нашего разума, законом тождества, ибо здесь два являются в то же время и одним.

Св. Климент Римский, передавая одно из наиболее глубоких «аурафа», т.е. незаписанных в Новом Завете изречений Иисуса Христа, говорит: «Сам Господь, спрошенный, когда придет Его царство, ответил: 'когда будет два одним и наружное как внутреннее и мужское вместе с женским, не мужское и не женское', и поясняет, что два бывает одно, когда 'в двух телах бывает одна душа'». ⁶⁶

«Брак есть таинство любви», говорит св. Иоанн Златоуст и поясняет, что брак является таинством уже потому, что он превышает границы нашего разума, ибо в нем два становятся одним. ⁶⁷

Называет любовь таинством (Sacramentum) и бл. Августин. ⁶⁸

С этим неразрывно связан и благодатный характер брачной любви, ибо Господь присутствует там, где люди объединены взаимною любовью (Мат. 18. 20).

Таинственная сама по себе брачная любовь в отношении супругов друг к другу имеет оттенок обожания.

В браке супруги смотрят друг на друга *sub specie aeternitatis* и потому идеализируют или обожают друг друга. Идея обожания во взаимных отношениях полов вовсе не есть порождение средневековья, как это иногда представляют. Ее мы находим уже у древнейших христианских писателей. «Не всегда ли тебя как богиню почитал», говорит Ерма Роде в своем «Пастыре», который в древности читался в церквях, как Св. Писание.⁶⁹

Это взаимное обожание есть не что иное, как созерцание друг в друге богоподобных совершенств. Жена создана, по апостолу, для того, чтобы быть «славой мужа» (I Кор. 11. 7),⁷⁰ чтобы быть живым отображением богоподобия мужа, как бы живым зеркалом мужа, ибо, как замечает Платон, «друг в любящем, как в зеркале, видит самого себя».⁷¹ «Жених и невеста... при одном взгляде прилепляются друг к другу», говорит Златоуст.⁷² «Увлекаемые плотскою любовью в зрении любимого находят пищу для своей приверженности», говорит блаж. Феодорит.⁷³

И не духовные лишь, но и физические совершенства, физическая красота являются предметами этого созерцания. Вопреки довольно распространенному мнению, отношение христианства к физической красоте, само по себе, безусловно положительно. Источник красоты оно видит в самом Боге. «Красота на земле, — пишет Афинагор, — возникает не сама собою, а посылается рукою и мыслью Божией»,⁷⁴ а Ерма, св. Климент Римский и Тертуллиан дают метафизическое обоснование для признания высокого достоинства человеческой красоты, уча, что муж и жена созданы по образу Христа и Церкви.

«Святая святых» Библии – Песнь песней есть восторженный гимн женской красоте. Если аскетические творения указывают на великую опасность для человека, от нее возникающую, то это столь же мало может говорить против положительной оценки красоты самой по себе, как опасность солнечного света для больных глаз. Но у человека духовно здорового отношение к женской красоте не должно быть отношением стоитической атараксии, безразличия, а должно быть отношением высшей отзывчивости. «Некто, воззрев на красоту, – читаем мы в Лествице св. Иоанна Лествичника,⁷⁵ – весьма прославил за нее Творца и от одного взгляда погрузился в любовь Божию и источники слез».

Мы уже видели, что в браке стороны соединяются в теснейшем вышеличном единстве. Поэтому-то духовные и физические совершенства другого ощущаются в браке не как что-то чужое, внешнее, постороннее нам, а как что-то близкое нам, что-то такое, участником чего являемся и мы сами через это вышеличное единение. «Ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе» (I Кор. 11. 11) учит апостол Павел.

И это именно сознание принадлежности нам совершенства, созерцаемого нами в другом, вызывает чувство достигнутой полноты бытия, чувство радости и блаженства. Таким именно чувством и были продиктованы уже первые сообщенные нам Библией слова человека, – это первое объяснение в любви, первая поэзия во всемирной истории: «Вот это кость от костей *моих* и плоть от плоти *моей*. Она называется жена, так как взята от *мужа*» (Быт. 2. 23). И «эти слова Адама, – пишет св. Астерий Амисийский, – были общим признанием, высказанным от лица всех мужчин всем женщинам, всему женскому роду.

Его слова обязывают всех прочих. Ибо то, что в начале произошло в этих первозданных, перешло в природу потомков».⁷⁶

По библейскому воззрению, разделяемому в основе всем человечеством, брак – это остаток рая на земле, это тот оазис, который не был уничтожен великими мировыми катастрофами, не был осквернен ни грехом первых людей, не был затоплен волнами всемирного потопа, как свидетельствуют канонические и богослужебные книги православной Церкви.⁷⁷

Поэтому-то всегда брак, как в Ветхом, так и в Новом Завете является синонимом радости. «Возрадуемся и возвеселимся, ибо наступил брак Агнца... Блаженны званные на брачную вечерю Агнца» (Апок. 19. 9; Мф. 25. 1-13). Наоборот, как показатель величайшей скорби является пророчество: «И голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе» (Апок. 18. 23). И к такому сознанию библейские предписания приспособлялись даже в опасное время войны. «Если кто взял жену недавно, – читаем во Второзаконии, – то пусть не идет на войну и ничего не должно возлагать на него. Пусть он остается свободным в доме своем в продолжении одного года и пусть увеселяет жену свою» (24. 5).

Св. Амвросий Медиоланский подчеркивает, что только жена была создана в раю, тогда как сам Адам создан вне рая в Едеме.⁷⁸ Бл. Августин так описывает внутреннюю жизнь первых людей: «Существовала любовь безмятежная к Богу и любовь взаимная супругов, живших в верном и искреннем сообществе, а вследствие этой любви великая радость, так как предмет любви не переставал быть предметом наслаждения».⁷⁹

«Сколько бы ни были нам полезны бессловесные, – пишет Златоуст, – но помощь, оказываемая женою,

гораздо превосходнее... Жена – целое, совершенное и полное существо может и беседовать и, в силу единства природы, доставлять великое утешение. Ведь для его (мужа) утешения и создано это существо».⁸⁰ Даже риторист Тертуллиан не находит слов для описания счастья брака.⁸¹

Если мы от древне-христианской обратимся к более новой литературе народов с давней и глубокой христианской культурой, то увидим, что и здесь брачная любовь переживается, как высокое и религиозное нравственное чувство. «Брак есть то истинное небесное, духовное и божественное состояние... Супружеская любовь есть великая литургия (ein grosses hohes Gottesdienst)»,⁸² – пишет Лютер.

Великий христианский писатель Англии, с ее высоким семейным укладом, Диккенс как-то невольно прерывает свое повествование восторженным гимном брачной жизни:

«Очаг, который она (жена) освятила своим присутствием, который без нее был лишь простой грудой кирпичей и ржавого железа, а с нею стал алтарем твоего дома, алтарем, где, забывая будничные заботы, откинув себялюбие и все мелкие страсти, ты ежечасно приносил чистую жертву уравновешенной ясной души, безграничной веры и переполненного любовью сердца, так что дым твоего бедного очага возносился к небу благоуханнее всех драгоценных фимиамов, что несутся пред алтарями самых пышных храмов на земле».⁸³

Мы уже видели, что благодати Божией брак не был лишен ни в иудействе, ни в язычестве. И здесь часто брачная любовь достигает религиозной высоты. Не даром молитвы христианского венчания вспоминают лишь примеры ветхозаветной брачной жизни. Уже давно историки еврейской литературы и бого-

слова спорят о значении книги «Песнь Песней». Для одних это просто любовная поэма, для других «святое святых Библии» и таинственное изображение Церкви Христовой. И те, и другие правы, ибо в силу выясненного метафизического сходства семьи и Церкви, на высотах идеальной любви границы между браком и Церковью снимаются и непорочная чистая невеста Соломона Суламита является образом невесты Христовой.

До каких религиозных высот доходила любовь в мире языческом показывает хотя бы «Алкеста» Еврипида, этот гимн в честь чистой абсолютной неразрушаемой даже смертью моногамии,⁸⁴ заканчивающийся пророчеством об Икупителе в образе выводящего из ада Алкесту Геркулеса.

Итак, чувство радости и блаженства, чувство достигнутой полноты бытия свойственно вообще всякому идеальному браку. Но если так, то и психологически единение супругов в любви есть последняя цель, которая исключает вопрос о каких-либо дальнейших целях, раз эта любовь дает чувство полноты бытия, достижения цели всех стремлений. Поэтому-то идеальная любовь непременно сопровождается сознанием ненужности каких-либо перемен, сознанием своей вечности. Любовь ощущается всегда как вечная, хотя бы жизненный опыт говорил другое. «О, я хотел бы вечно жить», говорит сам Дон-Жуан,⁸⁵ охваченный любовью к донне Анне.

Лермонтов отказывается от любви, если «вечно любить невозможно».

И это чувство мы находим как в иудаизме, так и в язычестве. «Крепка как смерть любовь», читаем мы в ветхозаветном гимне любви (Песнь Песней 8. 6). «Любовь никогда не перестает, хотя самое знание упразднится» (I Кор. 13. 8), вторит Ветхому Завету

гимн любви новозаветный.

«Брачная любовь есть сильнейшая, тип любви, – говорит Златоуст. – Сильны и другие влечения, но это влечение имеет такую силу, которая никогда не ослабевает. И в будущем веке верные супруги безбоязненно встретятся и *будут пребывать вечно со Христом и друг с другом в великой радости*».⁸⁶

«Регеппе animus, поп corpus coniugium facit» – брак вечно творит дух, а не тело, от лица языческого мира возвещает Публий Сир.

Итак, психология говорит нам то же, что и метафизика.

СНОСКИ

1) *Жизнеописание и творения блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого (Храповицкого)*. Под редакцией архиеп. Никона (Рклицкого). В 17 томах. Изд. Н.И., 1957-1971 гг. См. том XI – нравственный смысл догмата о Св. Троице.

2) Стром. III, 10, M.G. 8, 1169: «το ὑφραχον», откуда происходит и самое слово «Церковь» и «Kirche».

Основное сочинение Климента Александрийского называется «Строматы», как и цитирует их Троицкий. Их можно найти в любом издании Климента Александрийского на любом языке, но легче всего – у Миня, в греческом подлиннике, «Минь грека» (M.G.).

3) Беседа 20, 3 на послание к Ефессянам M.G. 62, 143: «η οὐχία γὰρ ἐχχληοία ἐστὶ μὴρα».

Св. Иоанна Златоуста в СПб русском издании, но можно и в греческом подлиннике у того же Миня, том 62, столбец 143.

4) η χат οὐχον ἐχχληοία – Римл. 16. 4; I Кор. 16. 19; Колосс. 4. 15; Филим. 1. 2.

5) 2 Посл. к Коринф., Изд. Гербгардта, р. 41-42.

6) Пастырь, вид. 2, 4; изд. Гербгардта, р. 134.

«Пастырь» – сочинение Ермы, ученика св. ап. Павла, широко известное «творение отца апостольского», читавшееся в церквах в те времена наряду со Священным Писанием, но не вошедшее в

канон новозаветных книг. (Можно поискать у Миня, т.к. издание Гербгардта вряд ли легко найти сейчас).

7) Вид. I, 1, изд. Гербгардта, р. 129-130.

8) О воскресении плоти 6, МI 2, 802-803, Против Праксея, 12. МI, 2, 168.

9) К Поликарпу 5: ἀρεῖα . . . εἰς τιμὴν τῆς σαρχὸς τοῦ χυοῖον, Гербгардт, стр. 112.

10) Стром. 3, 10, M.G. 1169.

11) Слово на Мф. 19. 1-12; M.G. 36, 292.

12) См. напр. Исаии 1. 21; 49. 18; 54. 1-6; 61. 10; 62. 5; Иерем. 2. 20; Иезек. 16. 7; Осии 2. 19; 4.12; 9. 1 и др.

13) Мф. 9. 15; 22. 2-14; 25. 1-13; Лук. 12.35-37; 14. 16-24; Ефес. 5. 26-27; Апок. 17. 1, 2, 5; 19.7-9; 21. 2.

14) Ио. 3. 29.

15) Мф. 25. 1; Ио. 3. 29; Апок. 18. 23; 21. 2, 9; 22. 7.

16) Беседа 12 на посл. к Колосс. M.G. 62, 387, ср. Беседу на Бытие 56; Беседа о том, каких нужно брать жен.

17) Также, как и немецкое Kirche. Ср. Grimm, Deutsche Wörterbuch; Kluge, Etym. Wörterb. 1899, Strassb. 6 Aufl. Лаодикийский Собор в прав. 28 говорит, что χυριαχον = ἐχληοια.

18) Современная догматика почти не касается вопроса о таинствах в раю, но древняя свято-отеческая литература говорит о них. Помимо таинства брака в раю было и таинство причащения, вкушение от древа жизни. «Прочее служило им пищею, – пишет блаж. Августин, – а это (древо жизни) таинством» (О граде Божием 13, 20, русский перевод, стр. 309). Таинством, соответствующим таинству крещения, воссоздание человека, было и самое творение, как называет его Климент Александрийский (Строматы, III, 14, M.G. 8, 1205).

19) Строматы 2. M.G. 8, 1184-1185.

20) Стр. III, 4, M.G. 8, 1096.

21) Толков. на Мф. M.G. 13, 1229.

22) «50 глава Кормчей», стр. 58.

23) «Обуздать холодную страсть и превратить ее в духовную это значит превратить воду в вино», пишет Златоуст (Беседа на Колосс. XII, 6; M.G. 62, 380). «Одно из благ, чтобы Христос присутствовал на браке и превратил воду в вино, т.е. все в лучшее». (Григорий Богослов, письмо 232 Диоклею, M.G. 37, 373).

24) Песнопения церковные знают и языческую церковь, хотя и называют ее «неплодящей». И это не особая Церковь, а часть единой Церкви.

25) «Сотворил Бог человека, – пишет св. Климент, – мужчиною и женщиною. Мужчина есть Христос, женщина – Церковь» (2 посл. Коринф.). «Образ Божий есть образ Христов, который был дарован человеку ранее, – пишет Тертуллиан (против Праксея, 12; МІ 2, 168. ср. о воскресении плоти. 6 МІ 2, 802-803). Ерма выясняет, что Церковь Божия создана прежде всего и весь мир сотворен для нее (Пастырь, видение 2, 4).

26) См. напр. перечень у Псевдо-Ареопагита, св. Иоанна Дамаскина, св. Феодора Студита, св. Никифора Исповедника и др.

27) М.Г. 155, 508. В древне-русском чине венчания не было чтения Апостола и Евангелия (Голубинский, История русской Церкви, II, М. 1904, стр. 449).

28) Symbolik der Griechische Kirche. Berlin, 1872, S. 290.

29) De Sacr. matr.: matrimonium esse vero et proprium unum ex septem legis evangelicae sacramentis, a Christo Domino institutum. Впрочем, в более древней западной письменности встречается учение, что брак, как таинство (*sacramentum coniugii*) есть и у язычников. Так учили, напр., папа Иннокентий III (С. II De transact. 11, 9) и Гонорий III (С. II De transact. I, 36). Упомянув об этом в своей энциклике Arcanum (10, II, 1880), папа Лев XIII пишет, что они имели право на то, и что «браку присуще по природе нечто святое и религиозное».

30) О граде Божиим, кн. 14, гл. 11, русск. пер. стр. 32, МІ. 41, 422.

31) Бес. о творении мира, М.Г. 56, 490, стр. 494.

32) Ibid., 496.

33) Толков. на Быт. М.Г. 87, 209.

34) Слово о жене грешнице. М.Г. 39, 72.

35) Чин благословения супругов чад неимущих.

36) Кормчая, изд. 1816 г., II, 123; далее говорится, что Христос лишь «паки утвердил брак», отвечая на вопрос фарисеев.

37) Краткое изложение зловерных еретических учений, кн. V, гл. 25, М.Г. 83, 536: русск. перев. Москва. 1859, т. V, стр. 88-92.

38) Толков. на Ефес. 5, 32, русск. пер., изд. 1895 г.

39) Парафраз Пахимера, М.Г. 3, 1184.

40) Zohar I, изд. Sulze.

41) Westermarck, Gesch. d. menschl. Ehe, 2 Aufl., S. 423.

42) Rutzel, Volkerkunde, I, 256, II, 276 и др. Esprit des lois, p. 222.

43) Строматы. III, 12; М.Г. 8, 1185.

- 44) Беседы на I Кор. 12; 61, 103.
- 45) МІ, 35, 2379.
- 46) Трактат IV. МІ, 11, 306.
- 47) Послание Диогнету 5, 6; изд. Гербгардт, стр. 8; Творения св. Иустина Мученика, пер. Преображенского, М. 1864, стр. 17.
- 48) Афинагор.
- 49) Педаг. 2, 23 М.Г. 8. 1085; Стром. 3, 11. Мд. 8. 1173.
- 50) De inst. virg. 6, МІ 16, 316.
- 51) Гомил. 56 на Быт. 29, М.Г. 54, 488.
- 52) Модестиново определение брака находим, напр., в Номоканоне Фотия (ХІІ. 12), у Вальсамона (толк. на 80 пр. Вас. В.), в Синтагме Властаря (Г. 2), в Кормчей книге (48, 3; 49, 4), в Пидалионе, в катехизисе Николая Булгара, изд. в 1681 г. в Венеции (стр. 91).
- 53) Номоканон Фотия ХІІ. 13. Аф. Синтагма I. 271.
- 54) Трактат о таинствах митр. филадельфийского Гавриила Севира по изд. 1714 в Трговище (в Синтагматоне иерус. патриарха Хрисанфа), стр. 118.
- 55) О браке. М.Г. 155. 504.
- 56) Термин «вера» в первом случае употреблен в смысле религиозно-моральных убеждений, во втором в смысле христианской веры. Справедливо, что язычники не имеют христианской веры, но они имеют известные религиозно-моральные убеждения (Римл. 1. 20). Установивший брак Бог есть Бог и язычников (Римл. 3. 29).
- 57) С. 28, q. 1, ed Friedberg, Leipzig 1879, сов. 1078-1079, 1088.
- 58) Фауст.
- 59) Бес. 32 на I Кор. М.Г. 61, 273.
- 60) Бес. 33 на I Кор. М.Г. 61, 280; русский перевод греческих слов «δεῖο διῳημενός» «не два лица» не отвечает ни букве, ни смыслу оригинала. Лица брачующихся не сливаются в браке, а объединяются в высшем единстве, как не сливаются и лица Св. Троицы.
- 61) Nov. 74, cap. 4: «nuptial solo affectu valeant et rata sint».
- 62) Nov. 74, cap. 1: «puro affactu».
- 63) Const. Armenopuli. Manuale legum sive Hexabiblos, Lipsiae, 1851, IV, 4, p. 490.
- 64) Творение в русском пер. М. 1894, слово I, гл. 1.
- 65) Бес. на Ефес. 5. 22-24, М.Г. 62, 141.
- 66) 2 посл. к Корин. гл. 12, изд. Гербгардт, стр. 40.
- 67) Бес. на I Корин. 7. 39-40, М.Г. 51, 230.

- 68) Евангельские вопросы, 2, 14.
- 69) Видение I, гл. I, 7, изд. Гербгардт, стр. 129.
- 70) «Брак учрежден в раю, чтобы муж имел славу в жене», (пишет бл. Августин).
- 71) Федр, 255, ср. Притчей 27, 19: «как в воде лице к лицу, так сердце человека к человеку».
- 72) Беседа на I Корин. 7, 39-40, M.G. 51, 230; ср. на I Солун. «имеющий друга имеет другого себя» (M.G. 62, 406).
- 73) О божественной и святой любви. Творения, часть V, Сергиев Посад, 1906, стр. 311.
- 74) Legatio pro christianis: Ου γαρ αυτολοιηρον ελι γης το χαλλος, αλλα υλο χειρος και γνοιμης πεηπομεν του Θεου.
- 75) M.G. 88, 893. Под этим «некто» разумеется св. Нонна, епископ Едессы, а красота, которая так его тронула, была красота блудницы Пелагии, причисленной потом к лику Святых (457). См. житие ее M.G. 116, 907 и Н. Usener Legenden d. heiligen Pelagia, Bonn, 1879.
- 76) Слово на Мф. 19, 3, M.G. 40, 228.
- 77) См. напр., Кормчая, гл. 49, 11, лист 123; Требник, Чин благословения супругов чад не имущих. См. выше, стр.
- 78) De parad. 4, 25.
- 79) О граде Божиим, 14, 10, MI. 41.
- 80) Беседа на Бытие 15, 1. M.G. 53, 121; 15, 3; M.G. 53, 123.
- 81) Ad ixog. 2, 9; MI 1, 1302.
- 82) Werke, 21, 72.
- 83) Сверчок на печи, Берлин 1921, стр. 81-85.
- 84) См., напр., действие I, явл. 4, «Адамет». «Смерть твоя (Алксты) не погасит брачного факела нашей любви. Ты будешь мне женой и по смерти, так как в эту светлую землю, где ты найдешь покой, следует моя любовь и счастье. После твоей смерти другая не будет в моих объятиях».
- 85) А. Толстой.
- 86) Бес. 20 на Ефес. 5, 22-24; M.G. 62, 135, 138, 146.

ТАИНСТВО БРАКА.

«Вам дано знать тайны Царства Божия» (Марк IV, 11).

Христианский брак есть таинство. Но в чем сущность этого таинства и чем христианский брак отличается от всякого другого брака?

Часто высказывается взгляд, что христианский брак в наше время неосуществим и должен уступить место браку гражданскому. Современное общество в подавляющем большинстве смотрит на брак, как на союз временный, а не постоянный, на всю жизнь. Это подтверждается фактом колоссального количества разводов, необыкновенно показательными статистическими данными и бытовыми картинками, характеризующими моральное разложение современного брака. В браке не желают видеть ничего религиозного, священного, таинственного, а готовы приравнять его к общебиологическому явлению единения мужского и женского начала для продления рода и отчасти для сотрудничества в жизненной борьбе. Уверяют, что в жизни природы существует множество разновидностей брака и что принципиально человеческий брак ничем не отличается от «брака» растений и животных.

С таким упрощенным взглядом на брак, едва ли можно согласиться. Человеку, как высшему существу на земле, несомненно должна быть свойственна и высшая форма брака, в которой характерным признаком будет не телесная и душевная сторона брака, а духовная, ибо творческая жизнь духа есть величай-

шее и отличительное преимущество человека перед всем остальным живым миром.

Правда, на различных ступенях развития и в различные эпохи человечество понимало брак по-разному, но эти различные понимания были по существу уклонениями и забвением истинного человеческого брака, заповеданного человеку Богом в раю.

Христос возвратил мысль людей к истинному пониманию брака. Поэтому высшей формой брака, достойной царственного положения человека в мире, несомненно является христианский брак, как таинственное, чудесное единение мужчины и женщины в их духовной, душевной и телесной жизни. Мужчина и женщина сливают две свои дотоле разделенные жизни в одну новую общую жизнь. В этом **претворении** двух людей в одного **нового человека** и есть великая тайна Божия, которая никак не может совершиться одними только человеческими и естественными усилиями. Для этого претворения двух в одного недостаточно телесного единения, недостаточно также и душевной близости, взаимопонимания, очарования, влюбленности, но необходимо, кроме всего этого, и третье, самое большое – общая духовная жизнь в Боге, Божественная любовь. Для христиан брак есть путь восхождения к Богу, путь личного двуединого спасения. В том и заключается отличие христианского брака от всякого другого, что в основе своей он имеет не утилитарный и животный смысл, а духовный и вечный. Христианский брак открывает врата в Царствие Божие и в этом его тайна, которую могут понять лишь те, кому эти врата открылись в таинстве брачного венчания.

Для Таинства брака нужно иметь чистую душу. Иначе брак превратится в кошунство. Перед совершением брака юноша и девушка очищают свою душу

постом и молитвою, исповедуются и причащаются святых Христовых Таин. Насколько возможно для людей, они в день венчания безгрешны, радостны, светлы, в них живет Христос. Свою любовь и свое решение соединить жизнь они приносят в храм и исповедуют перед Богом и перед людьми (Церковью). Перед совершением таинства брака происходит обряд обручения кольцами. Кольцо (перстень) есть знак принадлежности к дому отца, символ истинного богосыновства и царственной власти, он же есть символ вечного союза любви.

Священник берет кольца со св. Престола и благословляет ими жениха и невесту. «Обручается раб Божий – рабе Божией во Имя Отца и Сына и Святого Духа». Затем надевает им кольца и они трижды меняются ими. От лица Церкви диакон молится «об обручающихся друг другу», о их любви и общей жизни, а священник читает молитву: «Боже вечный, расстоящийся собравый в соединение (т.е. собравший воедино тех, кто были далеки друг от друга) и союз любви положивый им неразрушимый... Сам благоволити рабы Твоя сия»...

Но это еще не таинство, а только приближение к нему.

Священник берет за руку жениха и невесту и ведет их на середину храма к аналою с крестом и евангелием. Жених и невеста стоят перед аналоем с зажженными свечами. Священник спрашивает жениха:

«Имаши ли произволение благое и непринужденное и крепкую мысль пояти себе жену сию, юже zde перед собою видеши?»

Жених отвечает: «Имам, честный отче».

Священник: «Не обещался ли еси иной невесте?»

Жених: «Не обещахся, честный отче».

Такие же вопросы священник задает и невесте.

Тогда начинается венчание. После великой ектении священник читает три молитвы, в которых вспоминает о установлении брака в раю, о замечательных примерах ветхозаветных браков, о рождении св. Иоанна Предтечи, о Пречистой Деве Марии, и молит Бога, чтобы Он ниспослал благодать Свою на жениха и невесту – благословил их брак так же, как Он благословил Своим присутствием и чудотворением брак в Кане Галилейской и «дал рабам Своим долгоденствие, целомудрие, друг ко другу любовь в союзе мира».

Вот важнейшая часть этой молитвы:

«Благословен еси Господи Боже наш; иже тайного и чистого брака священнодействию (т.е. 'действителем', совершителем брака является сам Господь), и телесного (брака) законоположителю, нетления хранителю, житейских благий строителю. Сам и ныне Владыко, в начале создавый человека и положивый его яко царя тварей и рекий: не добро быти человеку единому на земле, сотворим ему помощника по нему, и взял едино от ребер его, создал еси жену, юже виде, Адам рече: сия ныне кость от костей моих и плоть от плоти моя: сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть сия, сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится жене своей и будет два в плоть едину: и еже Бог сопряже, человек да не разлучает»...

После этих молитв наступает момент совершения таинства. Священник возлагает на жениха и невесту венцы.

«Венчается раб Божий – рабе Божией во имя Отца и Сына и Святого Духа» и тоже: «Раба Божия рабу Божию» трижды благословляет их со словами:

«Господи Боже наш, славою и честью венчай я» (их). Здесь муж и жена вступили в новое, таинни-

ственно-благодатное бытие. Для них началась новая жизнь, осуществление и раскрытие дара, врученного им в венчании... Читается Слово Божие. Сначала послание св. Апостола Павла к Ефесянам (гл. 5), где Апостол сравнивает союз мужа и жены с союзом Христа и Церкви, говорит о браке, как о великой тайне... «и будета два в плоть едину. Тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и во Церковь».

Затем читается Евангелие от Иоанна (гл. 2), повествование о браке в Кане Галилейской, где Христос совершил первое свое чудо – претворил воду в вино, и своим присутствием благословил брак.

В краткой молитве священник благодарит Бога за совершившееся таинство брака и после пения «Отче наш» предлагает мужу и жене трижды испить вино из общей чаши.

Это уже общая жизнь, это участие в браке Каны Галилейской, «новое вино», доселе еще не питое. Это радостное свидетельство о первом чуде Христовом – претворении воды в вино на браке и предожидание последнего чуда – претворения вина в кровь на Тайной Вечери, это прообраз причащения святых Таин Христовых. Здесь реально чувствуется присутствие Самого Христа Спасителя, Его Пречистой Матери и всех Его апостолов, которые вместе с Ним были званы на брак.

Невозможно себе представить более радостного и светлого момента в жизни. Все кругом преображается и ликует. Душа наполняется неведомыми раньше светлыми чувствами новой жизни нового человека. В первый раз здесь реально чувствуется единство двух. В этом радостном, переполняющем душу чувстве любви сердцу открываются врата Царствия Божия. Но это еще не небо, это только начало пути восхождения к Богу, это только далекая звезда, от

которой не может оторваться очарованный взор, а впереди лежит самый путь, труднейший путь радости и горя, терпения и слез, поражений и побед...

Священник берет за руки мужа и жену и они в венцах и с горящими свечами идут за ним, обходя трижды вокруг аналоя. «Исаия ликуй, Дева име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека, восток имя Ему. Его же величающе, Деву ублажаем». «Святии мученицы, добре страдальствовавшие и венчавшиеся, молитесь ко Господу помиловаться душам нашим».

«Слава Тебе, Христе Боже, апостолов похвало, мучеников радование, их же проповедь Троица Единосущная».

Это торжественное шествие и пение есть символ пути человека в браке. Здесь брачные венцы Церковь приравнивает к славным мученическим венцам подвижников страдавших за Христа и за проповедь Святой Единосущной Троицы. Затем священник снимает с новобрачных венцы и, молясь Богу, как бы передает их на небо – «Боже, Боже наш, пришедший в Кану Галилейскую, и тамошний брак благословивый, благослови рабы Твоя сия... и восприими венцы их во Царствии Твоем».

Венчание заканчивается и сочетавшиеся браком выходят из храма, чтобы продолжать и вне храма новую общую двуединую жизнь.

В чине венчания, как сказано, читается Евангелие о браке в Кане Галилейской. В венчальных молитвах также несколько раз упоминается об этом событии, однако в этих молитвах не раскрыт смысл евангельского повествования, поэтому каждому верующему надлежит самому вдуматься в его смысл. Невозможно допустить, чтобы первое чудо претворения воды в вино – случайно совпало с участием Христа в

брачном пире. Таинство брака очень близко к Таинству Евхаристии. Но брак – это единство двух во Христе, тогда как Евхаристия – единство всех во Христе. На браке в Кане Галилейской Христос претворил воду в вино и сделал всех пришедших на брак участниками радостного и светлого земного веселия, а в Сионской горнице, на Тайной Вечере Он претворил вино в кровь и, дав испить из общей чаши Своим ученикам, сделал их членами Своего пречистого Тела и участниками небесного пира. И не только их, но и всех верующих по словам апостолов.

«Не о них же только молю, но и о верующих по слову их. Да будут все едино, как Ты Отче во Мне и Я в Тебе, так и они будут в Нас едино: да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут все едино, как Мы едино» (Иоан. 17. 20-22).

Единство всех в Боге – это, конечная цель всего мирового процесса, всей жизни. Но что значит единство всех? Чтобы стремиться к этому единству, надо хотя на мгновение почувствовать его подлинную, абсолютную, реальную и победную силу. Между тем, человек никак не может преодолеть свой эгоизм, отказаться от своего «я». Как вступить в мир Всеединства и сохранить свою личность? Как раствориться в мировом бытии, оставаясь самим собою?

Христианский брак приоткрывает завесу перед этой тайной. Вознесенная к Богу любовь мужа и жены претворяет «воду» природных человеческих отношений в «вино» сверхприродной, духовной общности... Здесь не упраздняется «личность» человека, но восполняется. В браке два человека становятся нераздельными и неслиянными, по образу Пресвятой Троицы. В этом образе выявляется вся сила Божественной Любви, которая сжигает «ветхого человека»

– эгоиста, индивидуалиста и собственника, и творить человека нового.

«Старое прошло, теперь все новое».

«Се творю все новое» . . .

В христианском браке творится новый человек, которому дано Богом реально жить духом того Всеединства, которое когда-то, в конце веков, совершится для всего мира. Христианский брак есть факел, освещающий путь в вечную жизнь Царства Божия.

Но людей пугает вечность брачного союза и они малодушно спрашивают: А что если брак окажется неудачным и не оправдает возлагавшихся на него надежд. **Возможен ли тогда развод?**

С таким вопросом обратились некогда ко Христу фарисеи. Христос ответил им, что брак есть не временный, но вечный союз мужчины и женщины. «Они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает».

Тогда ссылаясь на авторитет Моисея, фарисеи спросили: «Как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею?»

Христос ответил на это: «Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так. Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившись на разведенной, прелюбодействует».

Эти слова чрезвычайно поразили не только фарисеев, но и учеников Христа, которые при этом сказали:

«Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться».

Учеников и фарисеев, повидимому, поразило глубокое несоответствие слов Христа с их обычным ветхозаветным пониманием брака, в котором суще-

ствовало многоженство и допускалось наложничество.

Но Христос раскрыл им истинный смысл ветхозаветного учения о браке, – по которому вступившие в брак перестают существовать как отдельные лица, а образуют собою одного нового человека – «они уже не двое».

Нарушение этого единства и есть прелюбодеяние – преступление против дела любви. – И не надо понимать это слово в узком и вульгарном смысле греха против тела; это есть прежде всего грех против духа и может не иметь никакого отношения к телу – это разрушение союза любви, духовная измена. И к современным нашим разводам, быть может, более, чем к ветхозаветным применимо слово Христа о жестокосердии.

Сердце современного человека огрубело, нравы ожесточились, охладела любовь, усилились эгоизм и чувственность – и вот причины забвения истинного смысла брака, который должен служить не угождению плоти, а преодолению ее греховной тяжести, не эгоизму, а самоотвержению, не эксплуатации друг друга, а взаимному сотрудничеству. Вступая в брак, молодые люди часто ищут безоблачного счастья, а находят скорбь, ищут наслаждения плоти, а находят болезни и унижения, ищут друг в друге идеальных людей, а находят обычных слабых людей с множеством недостатков. Тогда взаимное очарование скоро исчезает и люди уже ищут способа избавиться друг от друга, становясь непримиримыми врагами. Другой раз люди «предусмотрительные», вступая в брак, «честно» говорят друг другу: «поживем вместе и увидим насколько мы подходим друг ко другу. Если нет, то разойдемся». Но, конечно, они непременно разойдутся, потому что слово «если» – самый сильный яд для творческой жизни человека. Раз у людей нет из-

начально твердого решения, то каждая мелочь в жизни может служить поводом к разладу. Но для христианина в браке не должно быть никаких разочарований, потому что брак для него есть не «дорожка, усеянная розами», а тяжелый и радостный путь спасения, мученический путь в Царствие Божие. И каковы бы ни были трудности в жизни, все они преодолеваются любовью и общей молитвой к Богу. И быть может, более, чем к кому бы то ни было, как к мужу и жене, должны быть отнесены слова Спасителя: «Если двое на земле согласятся просить о всяком деле, чего бы ни просили, – будет дано им от Отца Моего Небесного».

И действительно, чувствуется, что при соединении двух жизней в Боге, как при ударе двух горячих камней, должен неизбежно воспламениться тот Божественный огонь любви, который творит и преобразует жизнь для вечности. Будем бороться за торжество христианского брака.

Непосредственно за статьями на тему о том, каков должен быть истый христианский брак – та, «Малая Церковь», в которой воспитываются и созревают души ее членов, мы печатаем полученное нами из Австралии письмо. Сопоставление этих двух материалов открывает нам картину брака в Боге и жизни без Бога.

Редакция

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ В АВСТРАЛИИ.

В течение последних десяти лет в Австралии, под предлогом улучшения социальной структуры страны, изданы и проведены в жизнь новые законы, разрушающие семью и всю страну.

Воздействие этих законов на материальное и моральное состояние общества колоссально, потому что средний человек, живущий в стране официального безбожия не различает понятий легальности и морали; для него все, что разрешено законом – допустимо, независимо от того, каким правительством этот закон издан и разрушает ли он самые основы христианской цивилизации.

Десять лет тому назад в рабочем правительстве Уитлама появилась новая звезда – адвокат - Лайонел Мёрфи (Lionel Murphy), который внезапно поднялся до должности генерального прокурора федерального правительства, а перед перевыборами получил от премьер-министра Уитлама назначение в члены Верховного Суда Австралии, где он действует и по настоящее время.

Судья Мёрфи – автор трех знаменательных законов, которые он деятельно проводит в жизнь: Закона о Правах Человека (Human Rights), Закона о Бесплатной Правовой Помощи (Legal Aid) и Закона о Семье (Family Law), с установлением специальных семейных судов (Family Court).

Закон о Правах Человека (1978-ой год) напоми-

нает собой закон о правах животных из орвелловского «Скотского Хутора», где говорится, что «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие».

Под покровом громкой риторики и как будто следуя соответственной Декларации Объединенных Наций закон, проведенный судьей Мёрфи в Австралии, не обеспечивает таких фундаментальных прав, как право частной собственности. Кроме того он дает неограниченные права Федеральному правительству над правительствами штатов и отдельными гражданами.

В этом законе выпущен важный параграф Декларации Объединенных Наций, содержащий утверждение, что «семья является естественной и основной группой в обществе и должна охраняться государством и обществом». Зато в нем есть много громких слов о равенстве, расовых предрассудках, равенстве полов и так далее.

Закон о Бесплатной Правовой Помощи, введенный в 1974-ом году обеспечивает бедную часть населения бесплатной юридической помощью для возбуждения иска против виновников любого преступления. Для этого созданы специальные конторы, где можно получить адвоката – защитника для суда. По сути дела, государственные фонды, оплачивающие адвокатов, превратились, за эти десять лет в государственные субсидии на разводы; их так много, что у адвокатов нет времени заниматься настоящими преступлениями.

Перед проведением Закона о Семье (1975-ый год) предварительная пропагандная кампания объясняла населению, что этот закон необходим особенно для бедной части населения, так как «новая прогрессивная система гуманных разводов» сохранит здоровье членов семьи, страдающих от небрежения, зависти,

бесчувствия, жадности и прочих человеческих недостатков.

Десять лет спустя можно попытаться оценить результаты ломки социальных основ общества, произведенных с помощью этих законов.

Год тому назад судья Яттли (Jattley) из Верховного Суда штата Новый Южный Уэллс, делая заключение по поводу случая разбиравшегося в суде по статьям Закона о Семье, сказал, что по его мнению закон не охраняет семью, а просто обеспечивает легкий развод. Несмотря на то, что акт 1975-го года должен был бы сохранять и защищать брак как союз мужчины и женщины, заключенный добровольно на всю жизнь, он этого не достигает, потому что основные параграфы закона, кроме упоминания о семейных советниках, все направлены на скорейшее прекращение брака.

Согласно акту, после одного года жизни врозь, брак считается нелегальным. Кроме того, старое понятие «виновной стороны» уничтожено полностью и вся стоимость судебных расходов ложится целиком на налогоплательщиков, а не на разводящихся.

Расторжением брака семья, особенно в случаях, когда жена не работала и теперь опекает детей, немедленно попадает в категорию «бедных». Обычно муж не платит; иногда суд обязывает его оплачивать какие-нибудь мелочи, например одежду детям. Женщина с детьми принимается на содержание департамента социальной помощи. Однако даже мелкие платы трудно собрать и никто не преследует «мужа в бегах». Таким образом каждый развод увеличивает государственные расходы на разрушенную семью на много лет.

Недавно специальная парламентская комиссия еще раз рассматривала Семейный Закон. Единствен-

ное принятое изменение касается упрощения некоторых правил легкого развода и легализации «развода по почте» в случаях, где нет детей моложе 16-ти лет и нет финансовых претензий обеих сторон друг ко другу. Можно заполнить специальную анкету, заплатить 5 долларов в полицию, чтобы документ был доставлен бывшему мужу или жене – и все!

Тот же Закон о Семье (вернее о разводе) содержит большое количество неясностей, если возникает спор об опеке над детьми или дележе собственности. Только немногие адвокаты берутся за это. А специалисты по разводам зарабатывают очень много.

Через 8 лет после проведения закона обычный срок для решения опеки над детьми и раздела собственности занимает около двух лет. Многие параграфы противоречат друг другу. Если брак продолжается более трех лет (при этом неважно был ли он зарегистрирован легально или сожителство было «*de facto*»), жена или сожительница, независимо от того были дети или нет, имеет право на половину стоимости дома и имущества. Семейные суды защищены специальным параграфом секретности, о них не сообщается в газетах. Количество разводов растет, а система разводов без установления виновной стороны иногда ведет к странным результатам.

Мельбурнский журналист Патрик Теннисон недавно опубликовал книгу «Семейный суд – легальные джунгли». Он приводит случай, когда тридцатилетняя мать двух детей ушла из дому к двадцатилетнему юноше, до этого работавшему у ее мужа. Они переехали в другой штат, но женщина вернулась для судебного разбора об опеке над детьми. Суд отдал детей под опеку матери, присудил ей половину стоимости дома, издал приказ о выселении мужа. Судья посоветовал матери как можно скорее познакомить де-

тей с ее любовником, потому что дети его еще не знали. В это время дочери было 10 лет, а любовнику – 21, всего на 11 лет старше девочки. Лишенный детей отец указал, что это противоречит закону об усыновлении, согласно которому отец должен быть старше ребенка минимум на 18 лет. Но это возражение обошли тем, что новый «папа» не обязан удочерять девочку.

В другом случае, когда обманутый муж обвинил жену в прелюбодеянии, судья поправил его такими словами: «Теперь прелюбодеяния не существует, у них были вполне серьезные взаимоотношения».

Акт о Семейных Судах содержит параграф о специальных советниках, но у них нет ни времени, ни персонала для попыток примирения. Один из советников сказал: «Мы считаем, если пара идет в суд – брак уже разрушен, мы не пытаемся примирить стороны». И пока что каждый третий брак кончается разводом.

Существует новая большая категория «одиноких родителей». Это могут быть мужчина или женщина с детьми, обломки прежней семьи или просто молодая женщина с детьми, никогда не вступавшая в брак, имеющая детей часто от разных отцов. Никакой ответственности за детей отцы не несут, может быть некоторые из них и не знают, сколько у них детей, все равно их содержит государство.

Не удивителен рост молодежной преступности и бездомности (в одной Аделаиде насчитывается около 6000 бездомных, среди них много девушек). Наличие социальной помощи способствует этим процессам. Юноши и девушки, оставив школу в возрасте 15–16-ти лет, сразу же получают пособие по безработице и уходят из дому. Покинуть дом не трудно, если нет родного очага, если дети – «мои», «твои», «общие»

или «ничьи», где нет заботы, нет отца, а мать или уходит на работу или «принимает друзей». Личная ответственность за семью потеряна, крепкая спайка разрушена. Это и есть основная причина разложения нашего общества.

**ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МЫСЛИ**

ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Журнал ставит себе целью возродить древнее, святоотеческое, православное мировоззрение, предлагая православную точку зрения на самые современные явления и события.

Адрес издательства:

Orthodox Observer
8011 Champagneur Ave., Montreal, Que.
H3N 2K4
Canada

Цена 3.00 ам. дол. для Канады, Америки и Австралии.
Для стран с низкой валютой – цена из расчета 50 ам. центов.

ЭПИДЕМИЯ XX ВЕКА *

В начале было Слово, и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
Оно было в начале у Бога.
Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало
быть, что начало быть.
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

(Иоанн 1. 1-5)

И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь.

(Матфей 24. 12)

Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не
вошли, и входящим воспрепятствовали.

(Лука 11. 52)

Горе же беременным и питающим сосцами в те дни.

(Матфей 24. 19)

Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что
пришел час ея; но когда родит младенца, уже не помнит
скорби от радости, потому что родился человек в мир.

(Иоанн 16. 21)

Шестая заповедь: Не убий!

Перинатальная смертность, т.е. смертность детей
в период рождаемости, является одним из важнейших
показателей здоровья и благополучия определенного
государства, народа, общества. В средний период на-
шего столетия замечается (в развитых и полу-разви-
тых странах) резкое падение перинатальной смерт-
ности. Это происходит благодаря усовершенствова-

* Библиография на странице 70.

ниям медицины и гигиены, а также улучшениям жизненных условий. Так, например, для всех рождающихся весом в 1000 гр. и выше, смертность в 1950 г. была 50%, а в 1961 г. уже 10%, в 1973 г., 6%, в настоящее время, около 3.5%.¹ Что касается выкидышей, статистика не вполне точна, но почти все авторы перинатальной медицины и патологии сходятся во мнении, что, если определять глобально, от 10 до 35%^{2, 3, 4} всех беременностей, теряются. Надо сказать, что цифра эта, стремительно возрастает в условиях бедствий, как то война, недоедание и, даже политический или моральный террор. Зато в после-бедственных периоды, наблюдается, как правило, повышение рождаемости.

Само зачатие человека есть чудо, есть совершенство, еще нами не понятое до конца. Биологические опыты и медицинская статистика показывают, что благо это совершается в природе вовсе не так щедро, как мы предполагаем: 50% (+ – 15) всех оптимально возможных зачатий являются удачными. Плодородие, что касается самого зачатия, зависит в одинаковой мере от обоих родителей. Позже развитие ребенка уже зависит от организма матери, хотя по новейшим исследованиям, развитие нервной системы, душевных качеств и личности плода, является столь многогранным, что собственно, влияние отца (прямо и косвенно) имеет место задолго до рождения.^{3, 4}

За последние 20 лет созрела новая ветвь медицины под названием фетально-материнской.⁵ Тут врач имеет сразу двух пациентов в исключительном, совершенном симбиозе. В госпиталях существуют целые отделы, где только и практикуется фетальная медицина. Сегодня новорожденных на 20-ой неделе, т.е. весом в 400-500 гр., спасают, притом с полноценным развитием мозговых функций.⁶ Достижения эмбрио-

логии (развитие плода до 120-ти недель) включили и эту науку в медицинскую терапевтику и здравоохранение. Описания невро-психологического развития плода, получили свои оформления во многих научных статьях и книгах. Для широкой публики одна из самых доступных и увлекательных книг это «Секретная жизнь нерожденного ребенка» д-ра Т. Верни и Дж. Кэлли.⁷ Казалось бы наука может нам предоставить целые сокровища познаний для совершенствования человеческого рода.

Если мы способны увидеть панораму современных событий и оценить происходящее шире личных интересов, мы увидим, что на наших глазах разворачивается трагический мировой парадокс. Достоевский предвидел, очевидно, и это бедствие, когда сказал: «Самый страшный бич человечества – это полу-наука!» Сегодня мы можем удостовериться, что наука потерявшая нравственную опору Истины, становится изысканным орудием издевательства и насилия. Полу-наука, это профонация науки!

Сколь ироническое совпадение: развитие науки, открывающей всю глубину создания человека, наглядно показывающей процесс его развития от зачатия до смерти и . . . одновременная легализация произвольного, безответственного убийства этого самого человека, развивающегося в потенциальном совершенстве в своем природном, по праву бытия данном ему очаге, т.е. в утробе матери.

Пренатальная смертность в США возрасла минимум на 300%. В 1973 г. закон Роэ вс. Вадэ,⁸ определил аборт, личным делом женщины-«матери» и в тот же год было произведено 700.000 абортот. В 1980 г. было зарегистрировано 1.500.000 абортот.⁹ Считается, что за эти последние 12 лет Америка (США) потеряла 17 миллионов нерожденных человеческих существ.

Надо сказать, что такая катастрофическая эпидемия не уникальна для США. Европа, без особых споров, уже давно уничтожает свое потомство.¹⁰ В СССР число аборт, даже по официальным данным, 8.000.000 в год.¹¹ Статистика показывает, что в США от всех успешных зачатий аборт,руется (хирургически, «по заказу») 50-60%, а в СССР, около 80-85%. Если холодно посмотреть на эти кривые смертности «прибывающего» населения, мы видим, что перед нами феномен эпидемического характера.

Конечно, каждый жизненный опыт нужно рассматривать в его специфическом свойстве: нельзя это явление сравнить, скажем, с эпидемией полиомиелита, чумы или холеры. Всякая возникающая в природе болезнь (как инфекции) поражает, первым делом, самых слабых. Спонтанный выкидыш (10% от всех беременностей, как уже было указано выше) это тоже поражение, которое вызывает потерю нездорового плода.

Наша современная эпидемия аборт, это тоже болезнь, но совсем иного порядка: тут истребляется самое лучшее население, т.е. здоровый, развивающийся человеческий плод. Такие эпидемии в природе противоестественны! Во всех известных нам цивилизациях, культурах и даже диких племенах, такого рода, совершенно произвольного, уничтожения человеческих существ, да еще своего собственного потомства, не практиковалось нигде и никогда. Это типичное порождение XX века. Такого опыта человечество еще не знало... хотя бы по той простой причине, что до сих пор не умели умертвить плод без непосредственного риска для матери. Это достижение техники нашего столетия. Но аборт, производились (более или менее скрыто) во все известные нам периоды истории, почти всегда ввиду отчаяния, и осуждались

как преступление. Понятие о неприкосновенности невинной человеческой жизни было доступно языческим культурам (древние Египет, Греция и Рим). Тут, конечно, присутствовал магически-мистический элемент тайны начала жизни, которую человек естественно (отчасти инстинктивно) воспринимал как нечто святое и божественное. Гиппократ в 490 г. до Р.Х. дал медикам этический закон, в котором категорически выражено, что долг врача отстаивать человеческую жизнь, и специфически предписано не только, что не делать аборт, но и не служить вспомогательным орудием в уничтожении человеческого плода.

Христианство смотрит на жизнь в свете понятия – человек создан по образу и подобию Божию. «Не убей» – стало заповедью... и юридическим **законом** для христианских народов. Религии востока (иудаизм, ислам, буддизм) так же считаются с понятием неприкосновенности невинной человеческой жизни, с самого его зачатия. Уважение к человеческой жизни, без каких-либо исключений, не есть только «эксцентричность» Папы Римского или «жестокая оригинальность» католической Церкви, как это, постоянно, стараются преподнести либеральные круги и, в особенности, либеральная пресса.

К сожалению либералы проникают все глубже во все лабиринты законодательного аппарата и профессиональных организаций, устанавливая законы в духе своих личных вкусов и интересов. Так, клятва Гиппократа, приносимая начинающими врачами, заменена законами государства почти во всех странах мира (не только в СССР). Это, между прочим, символизирует конец независимой медицинской этики.

Др. Пеллегрино, глава Инст. Этики в Вашингтоне, на своем выступлении в мед. Центре Моунт Синай в Нью-Йорке, осенью 1984 г.,¹² откровенно зая-

вил, что с точки зрения христианской нравственности, связь между этикой и юридическим законом, прервана. Происходит это потому, что законы проводятся на основе прагматизма и на основе «вне-религиозной этики». В этой последней – указал др. Пеллегрини – и укоренены неписанные правила и традиции самых разнообразных группировок, часто коммерческих содружеств. Таким образом, когда в борьбе за проведение законов политики жонглируют словом этика (без прилагательного) – оно ничего, само по себе не означает: своеобразная «этика» есть и у мафии, разбойников, блатных. Уже много книг написано о том, как в советских концлагерях «не-люди», по меткому определению Солженицына, руководствуются мудростью: «умри ты сегодня, а я завтра!» Это мировоззрение крайнего оппортунизма, достойное рвача и захватчика, не знающего ничего святого.

Встречается ли такое «моральное» кредо и на демократическом Западе? Если говорить о таких законах как легализация аборт, безусловно – да. В корне вопроса лежит поворот от понятия святости-ценности жизни к качеству-ценности жизни. Сегодня доминирует понятие, что жизнь человека оправдана только, если она качественна. Кто и на каких параметрах определяет это самое качество, остается туманным или, как теперь модно говорить, «противоречивым» вопросом. Другими словами, это «противоречивое» качество можно истолковывать в зависимости от нужд и интересов, разного сорта влиятельных лиц.

Наша современная «этика» терроризма по отношению к нерожденным не появилась внезапно, она имеет глубокие корни в материализме. Так, например, аборт нездорового плода, в массе, оправдывается уже давно. И как всегда бывает, с открытием

«шкатулки Пандоры» (и выпустив оттуда, никого иного как самую госпожу Смерть!) гибельный путь оказался проложен.

В 1973 г. законодательство США,⁸ путем голосования ее членов постановило, что не-рожденный человек, **не персона**. А что такое персона? Это остается совершенно расплывчатым понятием. Проф. философии А.В. Лилей, в научной статье³ определяет личность как «**нечто** выражающее всю сущность определенного человека». Психиатрический справочник Кен Сталворта, определяет личность как «**все** об определенном человеке – все, что вложено в его телесную структуру и **то**, что он приобретает с ростом». Как мы видим – **нечто ... все ... то ...** есть понятия вне-материального порядка, может быть вне времени и вне пространства.(?) Все эти определения личности (персоны) вполне подходят и к не-рожденному, и к впадшему в кому, и к старику с мозговой атрофией. А ведь мы (и это должно было бы быть особенно значительно для материалистов) сегодня точно знаем, что зарождающийся эмбрион в женщине есть существо живое, физически измеримое: он вполне оформлен на десятой неделе, он сосет пальчик, глотает на 12 неделе, он реагирует на боль, свет и звук на 13 неделе.⁷ Современная генетика путем специфического кода показывает, что существо это – человеческое, с самого момента зачатия.¹³

Что же происходит? Наука с ее экспериментальными фактами, измеримыми доказательствами и т.д. и т.п., совершенно беспомощна, когда разум оказывается лишен нравственной мудрости. Влиятельные мужи-законодатели, отвернулись от научных доводов и руководствуясь расплывчатым понятием «не-персона», подписали смертный приговор... и кому? Будущему своему! Смертный приговор тем, кто в своей

еще безгрешной невинности и в беззащитном росте, полностью нуждается в абсолютной преданности своей матери, отца, семьи, рода и народа. Эта та часть населения, которая в полной зависимости от нас и, следовательно, это как раз те, кто нуждаются в наибольшей защите! Не-рожденный человек есть символ самой жизни, но так же и символ беспомощности, и наша любовь к этому самому слабому из всех, и есть высшее выражение верности человека человеку, и подлинного уважения. Опекать безответного, это самая бескорыстная из всех возможных форм любви человеческой.

Но, конечно, хотя полемика по этому вопросу в конгрессе США и подымала, более или менее научные и нравственные темы, реальное положение было делом прагматики на близорукий срок.

Во-первых, имело место давление групп борющихся за власть – как то феминисты, либералы, материалисты, социалисты, и т.д. Феминисты, по методу, который вот уже 70 лет усовершенствуют коммунисты, присвоили себе право говорить за всех женщин (как коммунисты за всех рабочих). Все они, называющие сами себя «прогрессистами», определили женщину как материальную ценность или «территорию». Следующим их шагом было выдвижение террористического лозунга, т.е. «на моей территории (собственном теле) имею право уничтожать, по прихоти, жизнь другого человека».¹⁴

Надо вникнуть в судьбоносность этой «морали»: Право на Убийство Невинного по Абсолютному Произволу Убийцы.

Отсюда вытекают новые психо-социальные последствия: 1) **Человеческая жизнь, как таковая, лишается ценности.** Это понятие психологически, подспудно, довлеет над сознанием и подсознанием людей,

и особенно детей и подростков. Хлынул целый поток самоубийственных «стилей жизни». «Мы культура влюбленная в смерть» – заявила недавно одна американская поэтесса по телевидению; 2) **Унижение женщины**. Страшное испытание постигшее женщину, трудно пока оценимо во всех его последствиях и масштабах. Если в нашем обществе еще существует минимальное моральное требование (и ответственность, закрепленная законом) – НЕ УБЕЙ – получается, что женщина не достойна даже этого минимума. Такое положение ставит женщину куда-то вне (ниже) человечества вообще.

Но, справедливости ради, нужно рассмотреть логику прагматиков-материалистов, которые утверждают, что исходя из того факта, что людей на земном шаре слишком много (хотя по многим научным исследованиям, это вовсе не есть экономически предопределенная безвыходность), все равно необходимо как-то контролировать перенаселение. Почему же не избавиться от тех, кого «мы не видим» и, главное, кто безропотно и беспоследственно для политиков, исчезнет. Тут не будем забывать, важнейшее обстоятельство: не-рожденные не голосуют и даже не агитируют! Кроме того, выглядит даже, как-будто гуманно – «если этого ребенка не хотят – лучше ему не родиться – этим мы предупреждаем такие беды как беспризорность, насилие, кровосмешение. И так, мы творим «благо» – спасаем человека от возможно несчастливой жизни и, ради этого, отбираем у него... самую жизнь! И, в-третьих, мы освобождаем женщину от ее собственного ребенка, который, а priori, рассматривается как олицетворение паразитизма. Освобожденная, «осчастливленная» и, конечно, благодарная женщина... (заметим полезный политический маневр)... ведь голосует и избирает, конечно, своих

«благодетелей».

Через 12 лет после узаконивания аборт, опыт показывает, что причина, по которой перинатальная смертность будет, скорее всего, возрастая, в том, что аборт составляет мультимиллионный бизнес,¹⁵ да еще, без риска. В наши дни, судимость врачей очень высока, и особенно высока для акушеров и гинекологов. Роды являются одной из самых рискованных процедур этой специальности. Аборты же не подлежат судимости по той причине, что «продукт зачатия» (официально, по-английски, «продукт концепции» или сокращенно, «Пи-о-Си»), заранее списывается со счетов, точнее, направляется в мусорный ящик. Др. Солк выразился более откровенно: «Какой убийца станет исследовать вещественное доказательство своего преступления?»¹⁶ Но и др. Солк оказался не совсем прав. Родители, действительно, не интересуются узнать был ли, скажем, их плод нормальным, т.к. обычно, их сознание старается скорее «забыть». Но, для общества, для успешного здравоохранения, аборт стал защищаемым «добром». В госпитале, патолог должен микроскопическим методом, подтвердить об успешном пресечении человеческой жизни. Таким образом, функция и облик врача очутились на диаметрально противоположном полюсе его истинного, первоначального призвания.

Еще такая характерная деталь госпитальной этики: до закона легализации абортов, тело умершего человеческого плода было неприкосновенным и подлежало погребению. Требовалось специальное разрешение родителей для медицинско-патологического вскрытия. Если родители отказывались от тела нерожденного, его отпевали по-христиански и хоронили в братской могиле. Сегодня вы не найдете вообще никаких правил, касающихся этого вопроса. Патолог,

если заинтересован, производит диссекцию и затем, «специмен» отправляется с отбросами. (Отрезанная нога, скажем из-за гангрены, поставляется в лабораторию для изучения, а затем, после специального разрешения пациента, подлежит погребению). Последнее время, все чаще наблюдается и следующее: умерших новорожденных родители не хоронят, тело младенца, как пакетик, отправляется в морг, с надписью – «на выброс!»¹⁷

Теперь появились еще новые возможности, новый бизнес: употребление ткани плода. Насыщенные ДНК и РНК (нуклеиновые кислоты), с огромным потенциалом роста и здоровой энергии, органы нерожденного, свежее убитого существа, клеточно продолжают жить, если их сохранять в питательной среде. В исследовательских лабораториях, таким образом, готовится, например, коллаген, некоторые гормоны, гаммаглобулин, и т.д. В сущности перед нами открывается новая эра, когда человечество входит в изысканный каннибализм.

Но прагматик, отважный человек, его нравственные «предрассудки» не пугают. Коммунисты очень ошибались, когда предполагали, что западный мещанин «погряз в нравственных оккультизмах и оковах совести». Увы! Он вполне освобождается от видимой совести, как только становится прагматиком. Механизм этого дела таков: снять с пьедестала Господа Бога и на Его место поставить золотого тельца, т.е. идола. Надо понимать, что идол не обязательно деньги (хотя и они!) – может быть выборная кампания, коммерческий контракт, артистическая карьера, даже научные достижения и т.д. и т.п.

Да... это старо как мир – это Фауст продавший свою душу дьяволу взамен вечной молодости. Совершенно верно, но Фауст стал трагическим персонажем,

т.к. мы умели постичь весь ужас его падения и цепей Сатаны. Но в 1986 г., Фауст уже не падшая личность, а умелый коммерсант. Для современного человека, Фауст не трагическое исключение, а бытовая норма. В этой вот разнице нравственного восприятия и заключается патологическая регрессия нашего сознания.

Но вернемся к прагматикам и к вопросу уничтожения не-рожденных. Может быть все же правы прагматики... что-то в смысле контроля населения налаживается? В конце концов... лес рубят щепки летят! Посмотрим, что именно наладилось? Чего мы добились для выживших детей? Для освобожденных «не-матерей»?

Считалось, что превентивное удаление не-желанных детей, уменьшит такие несчастья как беспризорность, изнасилование, побои, эксплуатация, проституция, и, даже низкий вес новорожденных. И что же, какие результаты после 12-тилетнего опыта? Ни для кого не секрет, что все эти беды необычайно увеличились. Одно только изнасилование возросло на 500% (сообщения Центра Инфекционных Болезней, т.е. это лишь верхушка айсберга). Ко всему этому, еще прибавилось нечто, что раньше вообще не представляло собою социального феномена, как: эпидемическое похищение детей, детская порнография, детская проституция, венерические болезни, беременность, кровосмешение (инсест), депрессия (болезнь неизвестная доселе в ее «взрослой форме» у детей),¹⁸ алкоголизм, наркомания, и, наконец, эпидемия самоубийств.¹⁸ С желанными своими детьми мы так поступаем? Для чего же мы рожаем желанных?

И вот открывается ответ на этот вопрос: существует целый рынок торговли детьми. Техника внематочного или искусственного зачатия положила начало бизнеса «суррогатных матерей», где женщину можно

нанять для изготовления ребенка «по заказу». Уже были случаи, что после рождения, надежды «родителей-заказчиков» не оправдывались и новорожденные просто всеми покидались. Так же разрослась колоссальная система опекунства. Весь этот механизм действует по принципу поставки и выбора товара, т.е. детей. Когда-то существовали моральные критерии, требующиеся от опекунов, но в течение последних лет суды спокойно отдают детей на усыновление отъявленным лезбианкам,¹⁹ а по новейшим «правам» и гомосексуалам.

В печати изредка прорываются сообщения о торговле младенцами, иногда даже ставится под вопрос закон об уничтожении рабства.²⁰ (Такие статьи появляются редко, т.к. писать такое не безопасно, ибо рабовладельцы, современные, таких речей не любят, а они люди весьма решительные). В США, в 1857 г. законодательство постановило людей негритянской расы не считать легально «персонами». Понадобилась гражданская война, чтобы 11 лет спустя, кровью было завоевано право «всех человеческих существ признавать персонами». И что же? Сегодня только иной вид рабства: дело не в цвете кожи, а в величине роста. У Гитлера это были иудеи, славяне и те же негры. Для большевиков, это «буржуи» и верующие. Разница, как видим, в деталях и вкусах, а не в принципе.

С точки зрения чистого прагматизма, во всех выше указанных примерах, всегда найдется «веская» причина рабовладения и уничтожения.

Уничтожение не-рожденного ребенка в семье, где нехватает средств (часто только комфорта или психологического «родительского» настроения) прагматически «морально оправдано». Расправа над крестьянами в Сов. Союзе, мешавшими стройке колхо-

зов, праматически тоже «морально оправдана». Вот почему (и это вполне логично!) «рабство» и даже «ужасы» коммунистической системы, западному либералу вовсе таковыми не представляются. В конце концов, нельзя отрицать «достижения» социализма (посмотрите хотя бы на карту мира!), а по поводу того, что люди страдают, так ведь это на их территории...

Но, может быть, жертвоприношение младенцев осчастливило женщин? Главные, непосредственные осложнения абортотв – инфекция и прободение матки, в хирургически-стерильных условиях, действительно сократились. Общий наркоз, в некоторых абортотв приятная музыка и комфорт создают чуть ли не обстановку курорта. Но в то же время расплодившиеся клиники абортотв, в погоне за легкой наживой и, часто несмотря на люксус, бывают хирургически не доброкачественными: так «не-законченные абортотв» стали постоянным явлением, вызывая продолжительное кровотечение матки и даже анемию. В таких случаях приходится «доканчивать» аборт, вторым хирургическим вмешательством, уже в госпитале. Медицинская литература щедро сообщает о поздних осложнениях хирургического абортотв. Интересно, что в широкую прессу эта информация не проходит, т.к. считается «нравоучительной», а это в нашем «свободном» обществе ведь табу. Итак, воспаление, фиброз слизистой оболочки и деформация матки ведут к бесплодию²¹ и внематочной беременности.²² Эта последняя является одной из самых серьезных и экстренных хирургических ситуаций. Но, безусловно, самое страшное последствие, это психически-нравственная травма. Дело в том, что, как бы материалисты не утверждали, человек, это двуногое с развитым компьютерообразным мозгом, в сущности чело-

век – это прежде всего, нравственная единица, единственное из всех земных существ, обладающий совестью. Эта духовная структура вложена и присутствует в каждом человеческом существе – включая людей женского пола! Включая тех же материалистов и феминистов – даже, если они сами это отрицают.

Тут собственно и разыгрывается трагедия XX века – человек отказывается от своей природы, предаёт сам себя тем, что отрицает свою двойную, тесно сплоснувшуюся физическую и духовную сущность. Этот современный наш изъян проявляется во многих планах: за отказом от Бога следует отказ от любви, семьи, родины и т.д. В данном случае, отказ женщины от своего естественного материнства, самой сердцевины женской природы, охватывающей ее всю – физически, душевно и духовно. Ощущение счастья для человека, в основном, заключается в гармонии этих трех составных частей его природы. Отрицание материнства есть отрицание самой женщины.

Если аборт есть зло для плода (о счастливой или несчастной жизни не-рожденного безуспешно спорить, т.к. гарантии на счастье нет ни у кого. С религиозной точки зрения, убиенные младенцы до рождения уже обрели венок мученичества), то он неизмеримо более страшное несчастье для т.н. матери. Почему же?

Убийство человеческого существа (даже злого или ненужного... вспомним терзания Раскольникова!²³) является всегда огромной нагрузкой на психику преступника. Неизмеримо страшнее разрушение своего собственного плода, своего ребенка. В древне-восточной медицине, существует понятие о мета-знании в теле. Но, сегодня это можно объяснить и физиологически, или скорее, химически-молекулярно. Тело женщины «знает о зачатии», и «знание» это передается в сферу психики и, наконец, сознания. Сущест-

во, которое развивается в теле женщины – не чуждо ей, а сокровенными тончайшими и крепчайшими нитями переплетается с ней кровью и клетками. Если только заглянуть в лабиринты плаценты, где этот шедевр жизни осуществляется, можно в восторге преклонить голову перед красотой совершенства. Развивается не только младенец, но и весь организм матери перевоплощается и направлен на силу и торжество жизни. Убивая плод свой – женщина становится не просто убийца, но детоубийца и, отчасти, самоубийца. Трагическое насилие не делает это биологическое несчастье менее страшным от того, что воля женщины в нем участвует, а как раз, наоборот – элемент саморазрушения, необычайно усугубляет психопатологию всего комплекса.

Известно, что 80-90% женщин после «аборта по выбору», впадает в депрессию,²⁴ причем поддержки и симпатии или даже сочувствия общества, друзей и семьи, как правило, нет, поскольку это ведь считается освобождением, т.е. благом для нее (!). Психология, по опыту, определила (и это уже давно и, фактически, аксиома), что психологические недуги значительно усугубляются, именно когда они отрицаются, т.к. этим они загоняются в сферу подсознания, т.е. «умственного подполья».²⁵ Те особы, которые уверяют, что не испытывают подавленности после аборта, а подчас даже радуются, гордятся своим поступком (таких именно любят показывать по телевидению феминистские группировки), в действительности, несут двойное бремя и их психическое здоровье в большей опасности, чем тех, кто открыто признали свою депрессию и причину болезни. Но, как и в физическом, так и в психическом плане, существуют последствия дальнего действия: это хроническая (вялая) депрессия, комплекс неполноценности, посто-

янное неудовлетворение, синдром тревоги, разного содержания фобии. С недавнего времени женщины начали эпидемически страдать от алкоголизма, наркомании, компульсивного курения, стремительно развивается половой нигилизм, т.е. протиеоеететвенная и основная потеря женетвенности, которая выражается в половой холодноети.²⁶ Это, в свою очередь елужит причиной (хотя в виду компульсивной моет, может быть и еледетвием) половой нераеборчивоеети, извращений, вплоть до саморазрушения и даже самоубийетва. В конечном итоге все эти приетраетия (даже и разруетительные) несут функцию лжелеткаретв от духовных и душевных, невыеказанных, неоеознанных неетугов. Еет екакой-то процент женетин, которые поняли всю глубину трагичной преступности аборта. Они поняли, что первыми и главными жертвами являются они сами: самоизнаеилованные и самопоруеганные «матери без плода». Они очнулись!

Организация ВЭБА (WEBА),²⁷ т.е. «Женетини експлуатируемые абортами», наечитывает 13.000 членов, в США. Это, конечно, отважные, иеклуетительные личности, т.к. раскаяние, признание и желание уберечь другого от падения и, наконец, открытая еетельность в этом направлении, это все неазаурядные качетва, требующие огромной духовной етойкости, которые даны не каждому человеку.

Еет и движение врачей, которые поняли, что «врач превратился в иекуюетного палача» – «Доктора и еететры против абортв»²⁸ и др.

Самый иеклуетительный, это пример др. Бернарда Натансона.²⁹ Абортить он начал в 1949 г. и на его душе около 6.000 еетвенноручно произведенных абортв. «Это было очень просто – пишет он – нееколько поворотов моет руки и... 500 дол. в кар-

мане». С 1971 г. он руководит в Нью-Йорке женской клиникой, где специализировались на абортах. Когда были введены электронная сонография и фетоскопы, и весь процесс жизни и убийства плода стало возможным наблюдать на экране, др. Натансон засвидетельствовал в Мед. Журнале Новой Англии: «Я постепенно убедился, что это человек в иной форме жизни! В моем сознании нет ни малейшего сомнения, что человеческая жизнь исчисляется с момента зачатия». Др. Натансон был активистом за аборты, а стал активным и убежденным борцом против, как он называет, «иатрогенического геноцида». Некоторые его «превращения» называют «из Савла в Павла». Неоспоримо то, что с тех пор преследования, угрозы смерти и покушения на жизнь, стали обычными явлениями для несокрушимого врача. Др. Натансон автор фильма «Молчаливый вопль» – документальная регистрация всего процесса убийства не-рожденного, но уже «сопротивляющегося» человеческого существа. Ему также принадлежит авторство книги «Абортируя Америку».

Позиции др-а Натансона исключительно научные и правовые. Один из его любимых аргументов следующий: «Сегодня, когда противозачаточные средства, гарантированы на 90-95% – нежеланная беременность, существует как проблема социальная и требует разрешения социальным способом, а не путем хирургического 'голокоства'». ¹⁵

* * *

Что такое человек?

Если взять чисто научное определение – человек, член зоологической семьи Гомонидае, характерен тем, что передвигается на двух ногах и в иерархии живот-

ных, обладает самым развитым мозгом (Интернац. словарь Вебстер). Обще-философская точка зрения стоит на том, что, хотя человек и принадлежит к животному миру, он в нем резко отличается уникальным качеством: обладанием совести.

Религия смотрит на человека, как на создание «по образу и подобию Божию». Если Бога мы понимаем как Истину и Полноту Совершенства, то человек, по подобию Его может духовно беспредельно расти и постоянно стремиться к Совершенству, т.е. к Богу.

Пре-натальный человек, с научной точки зрения, не может быть исключен из семьи Гомонидае, а в религиозном плане он есть творение Божие, по образу Его. Определение совести не-рожденного для нас недоступно, т.к. он живет в ином измерении чем мы. Но даже и там, где люди находятся в обычной всем атмосфере, далеко не всегда возможно установить совесть или личность: как например, младенец, выживший, кретин, коматозный больной и т.д.

Совесть, как определение человека, в данном случае касается не его, не-рожденного, а нас, которые считаем себя полноценными людьми. Лишая не-рожденного жизни, мы в себе признаем отсутствие совести и этим, с философской точки зрения, снимаем с себя основное человеческое качество, т.е. теряем свое человеко-образие. Мы, конечно, можем отбросить философское определение и заменить его чем угодно, где совесть вовсе не фигурирует и этим, как мы воображаем, «освободить» человека. Проблема все же в том, что какие бы «убедительные доказательства» или интересные определения мы не придумывали, всесторонний опыт показывает, что у человека есть СОВЕСТЬ. Игнорируя вот эту основу основ человеческой природы, мы в насилии над не-рожден-

ным, насилуем и себя!

Необычайно трудно и даже мучительно присутствовать при убийении Авеля и отвернуться, или оправдать Каина. Мир и сегодня «не может простить» немецкому народу то, что он «не хотел знать» о преступлениях нацистов, когда они совершались в Германии. Вот раскрылись все же изуверства великих чисток советского режима и общественное мнение считает позорным, что партийная интеллигенция молчала. Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что осуждения в этих случаях исходят от лица человеческой совести.

Но что же у нас сегодня?

«Аушвицы» на каждом пятом квартале и мы не можем об этом не знать: они открыто рекламируются. Читать ведь все умеют!? Перед каждым из нас два пути: 1) идти потив злодеяния-умерщвления невинных – бороться словом и примером... это, ясно, тяжелый путь духовного революционера. 2) идти на сделку с совестью, что тоже вовсе не легкий путь – внутреннего предателя.

Как результат наших экспериментов: игра со смертью начинается со смерти другого, но... кончается... где? Мы начали с не-рожденного, но вот др. Ватсон (Нобелевский лауреат по медицине) предлагает возраст продлить до 3-х дней,²⁰ и все на том же основании – «не-персона». Логично, со временем, появятся сторонники уничтожения и 3-летних «не-персон». Уже сегодня, новорожденных с органическими повреждениями, с согласия родителей, если они имеются, отрывают от питания, оставляя на медленное умирание.³⁰ Кто следующий? Те, кто находятся в состоянии комы? Умалишенные? Евтаназия это следующий шаг ее величества смерти (во многих «прогрессивных» странах Европы уже практикуется).

«Убийство стало законным»... «Убийство, законно» отпечатывается в сознании человека уже в раннем возрасте. Закон тоже великий воспитатель! Новые поколения вырастают в «нормальном» понятии, что жизни человеческой – грош цена. Эта дозволенность насиловать и убивать слабого; эта дозволенность отрицать свою собственную совесть и узаконивать преступление, все это, все более властно утверждается в «культуре» XX века.

Преступления всегда совершались, разница между нами и нашими предками в том, что они умели стыдиться их, мы же не разрешаем проявиться нашей совести. «Модерный» человек отстает даже от своей животной природы, т.к. инстинкт размножения, это один из основных инстинктов мироздания.

Поистине человек сегодня теряет свое «место под солнцем»: потеря высшего понятия Совершенства, т.е. Бога, отказ от человеческого и, наконец, лишение и животных основ.

Итак, объявив наше дитя «не-персоной», «не-человеком», мы лишаем этих качеств самих себя!

Всякое действие без Истины и против совести, несет в себе эффект бумеранга: орудие направленное против самой всесторонней природы человека – оборачивается несчастьем для всех людей.

Эпидемия XX века суть, во-первых, и в главном, болезнь духовно-нравственного порядка. Эта эпидемия, в отличии от всех остальных, содержит в себе катастрофический потенциал для всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1) ПЕДИАТРИЯ учебник, Р.Е. Берман, В. Воган III. Изд. В.Б. Саундерс и Ко, 1983 г. – ПЕДИАТРИЯ А. Рудольф, 7-ое изд. 1977 г., Изд. Аплэтон-Сентури-Крофтс.

- 2) Берниршке К. и Дрискол С., «Патология человеческой плаценты», Изд. Спринг-Ферлаг. Н-Йорк-Брелин, 1967.
- 3) Лилей А.В., «Фетус, как личность». Австралийский-Нео-зеландский журнал психиатрии 6:99-105, 1972.
- 4) Гринкорт П., «Предрасположение к паталогической тревожности» в «Травма, рост и личность». Интернац. Университетская пресса. Н-Йорк, 1969.
- 5) Кризи Р. и Ресник Р., «Фетально-материнская медицина» (учебник). Изд. В.В. Саундерс и Ко. 1984.
- 6) Лэлэк К., Лимановский Ж., Хагер-Малецка Б., «Трех-месячный ребенок, весом 450 гр. при рождении». Польская педиатрия 48:221, 1973 г. – Червеняк Франк и кол., «Необходимость сонограммы для поздних аборт». Мед. журнал шт. Нью-Йорк, янв. 1985.
- 7) Верни Т. и Келли Ж., «Таинственная жизнь нерожденного ребенка». Изд. Делл, 1982.
- 8) Роз вс. Вадэ 410 США 113, 1973.
- 9) Натансон Б.Н., «Аборт, иное мнение». Манхэттенская медицина (журнал) 1, 9, сент. 1982.
- 10) «Легальный аборт в Европе-демографическое самоубийство». Таблет, 12 окт. 1985 г. – «Беременность у подростков – цифры абортов». Америк. Мед. Новости, 9 марта 1985.
- 11) Варшовски-Липидус Г., «Женщины в советском обществе». Пресса Калифорнийского университета. 1979.
- 12) Л. Ткачевская, Др. Мед. личное свидетельство.
- 13) Джонс О.В., «Генетика Репродукции: Хромосомы человека» гл. 1, см. §5.
- 14) Черчилль Л. и Симан Ж.Ж., «Аборт и риторика индивидуального права». Репорт Центра Хастинг, февр. 1985, стр. 9.
- 15) Хирургический голокост – Америк. Мед. Новости – ст. 3, 7-го июля 1985.
- 16) Др. Солк Ж.Е., «Ученый-микробиолог, отец первой вакцины против полиомиелита». Личное свидетельство.
- 17) Л. Ткачевская – личное свидетельство.
- 18) Судак Х., Форд А., Рушфорт Н., «Самоубийство молодых», изд. Ж. Райт, 1984 г. – Журнал Америк. Мед. Ассоц. Серия статей, 251, 24, 1984. – «Половое насилие над детьми – широко распространенная проблема». Америк. Мед. Новости, янв. 4, 1985 г. – «Как порнографы действуют на детей», Денесен-Гербер Ж. Журнал, Красная Книга – август 1977.

- 19) «Матери-лестбианки», Д. Мартин и Ф. Лайон, журнал Мс. окт. 1973.
- 20) «Аборт в Америке», Г. Бергер и Ч.Е. Копп, изд. Книга -Цикл жизни – Торонто, Онтарио, 1984.
- 21) «Бесплодие: 1/3 женщин», Амер. Мед. Новости, 1 марта 1985 г. – «Современные понятия бесплодия» (серия статей) журнал «Клиническое акушерство и гинекология», 22 марта 1979.
- 22) Дулинг Ж., Чоу В., Вейс Н., Мэтч Б. и Содерстром Р., «Внематочная беременность в связи с предшествующими хирургическими абортами», Журнал Америк. Медиц. Ассоциации, февр. 5-го 1985 г., 253, §7, стр. 1005.
- 23) Достоевский Ф., «Преступление и наказание» (роман).
- 24) Модерная клиническая психиатрия – учебник (Реакция на аборты). Колб Л.Ц., изд. В.Б. Саундерс и Ко., 1977 г. – Материнство и траур. Перинатальная смерть. Пепперс Л.Б. и Кнапп Р.Ж. Праегер Науч. изд. 1980 г. – Др. Бафин М.Ж., «Личные наблюдения: 300 женщин страдающих от синдрома пост-абортной депрессии». См. §28.
- 25) Вуд Г., «Миф о неврозе», Изд. Харпер и Роу, Н.-Й., 1986.
- 26) «Подавленное половое влечение» из «Человеческая сексуальность», Клиническое акушерство и гинекология. Том 27, 3. Изд. Харпер и Роу, Сент. 1984.
- 27) WEBA – Женщины эксплуатируемые абортами – 13.000 членов. През. Лори Нерад, Р. О. Вох 267, Schoolcraft, MI. 49087.
- 28) «Доктора и сестры против абортов» През. Др. А.Б. Райан, 30-23 148 ул., Флашинг, Н.Й. 11354. – «Американская Ассоциация Акушеров и Геникологов – за жизнь», През. Др. М.Ж. Булфин, Форт Лодердейл, Флорида.
- 29) Др. Б.Н. Натансон – Журнал Медицины Новой Англии, 291:1189-90, 1974 г. – Акушерские и Гинекологические Новости, 15 марта 1975 г. – «Абортируя Америку», Изд. Доблэдэй, 1979.
- 30) «Селективное не-лечение дефективных новорожденных», Вейр Р.Ф., Оксфорд-Университетская пресса, 1984.

О МАТЕРИНСТВЕ.

В прессе, особенно в женских журналах, и по другим каналам информации часто обсуждается вопрос об абортах: о правах женщины распоряжаться своим телом, о наиболее «безопасных» методах прерывания беременности, иногда даже о статистиках осложнений с последующим бесплодием.

Но мало внимания уделяется другой стороне вопроса, более важной, которую наблюдает практический семейный врач.

Вот несколько случаев.

Это было в начале моей медицинской практики в Австралии. По окончании университета и сдаче государственных экзаменов мы с мужем, соскучившись по самостоятельной медицинской работе, поехали в сельский (фруктовый) район, в котором была небольшая больница.

Однажды на приеме в кабинет вошла женщина около 30-ти лет, аккуратно, но еще по европейски одетая, полька, приехавшая автобусом из большого города за 150 миль.

— Почему вы приехали сюда?

— Доктор, вы должны мне помочь. Я в очень трудном положении; мне нужен аборт.

И расплакалась. Рассказала, что у них четверо детей. Муж работает на фабрике, она убирает в школе, беря с собой на работу двух маленьких. Двое старших уже в школе. Живут в маленькой хатке, построенной из ящиков, в которых перевозят авто-

мобильные части; но хатка стоит на своем участке земли и муж надеется начать строить дом. Иметь еще одного ребенка невозможно – все их планы рухнут.

В это время в Австралии аборт был запрещен законом, а идти к бабке за помощью она боялась.

Я расспросила ее о прежней жизни, о работе в Германии, о счастливой семье. Сказала ей, что по личным убеждениям и потому что я приносила клятву Гиппократу я не могу удовлетворить ее просьбу; сказала, что у меня нет детей и что, если она захочет, я постараюсь помочь ей в расходах по воспитанию ребенка. Потом мы пили чай вместе, и я взяла ее с собой на визиты к больным. Было яркое солнце и поездка между посадками цитрусовых и винограда была приятной. К пяти часам я подвезла ее к автобусной остановке, и мы расстались друзьями. Больше я об ней не слыхала.

Прошло 16 лет. Я тогда практиковала в пригороде большого города. К концу приема секретарша сказала, что меня ожидает одна дама; она не больна, но хочет со мной поговорить. Черты ее лица были знакомы, но ни фамилии, ни обстоятельств прежней встречи я не могла вспомнить.

«Я вам напомню, доктор. Шестнадцать лет тому назад я была у вас в Б. А сегодня я хочу вам что-то показать». Она вынула из сумочки фотографию чудесной молодой девушки.

«Это наша Зося, та самая, которую вы сохранили. Мы так счастливы. Остальные четверо уже поженились и начинают свои семьи. А Зося с нами. Она такая умная, способная; она не только первая в классе, но и староста всей школы и собирается в университет 'учиться на врача'».

Я очень хорошо помню радость охватившую меня

в этот момент, хотелось петь и улыбаться. По дороге домой я даже перешла лимит скорости, но молодой полицейский, остановивший меня, заразился моим настроением и ограничился только предупреждением.

* * *

В пригороде большого города я была членом группы из шести врачей; это была семейная практика. Большинство моих пациентов были женщины и дети.

На приеме я услышала, что в ожидалке плачет ребенок и попросила мать с ребенком войти вне очереди. Мать, лет около 26-ти была мне незнакома. Со страдальческим и смущенным лицом она похлопывала девятимесячную девочку по спине и повторяла: «ну перестань же». А девочка, на вид вполне здоровая, кричала, закидывая головку назад и дрыгая ножками. Мать села, оставив ребенка лежать у себя на коленях, как бы на расстоянии от своего тела.

— Ну, что мне делать? Вы видите, доктор, она все время кричит. Моя приятельница сказала, что вы понимаете в детях; что с ней такое?

Она не пыталась приласкать или утешить дитя и смотрела на него даже с отвращением. Я взяла девочку на руки, приголубила ее и дала ей пососать свой палец и девочка замолчала.

— А есть у вас соска?

— Нет, я ей не даю. Это вредно.

Девочка подчинилась осмотру без протеста, а когда мать взяла ее на колени, опять начала кричать.

— Вы знаете, доктор, она меня не любит.

Продолжать разговор было невозможно и я позвала сестру, чтобы унести ребенка; но оказалось, что за дверями есть еще и бабушка. Она взяла ре-

бенка и крика больше не было.

Начался подробный расспрос. Оказалось, что в возрасте 15-ти лет у матери был аборт, а в 18 лет еще один. «От кого были эти беременности? От вашего мужа?» – «Нет, от других; я вышла замуж позже. Я вполне обеспечена, у нас есть свой дом и муж хорошо зарабатывает. Но он очень хотел детей».

– А вы?

– Я? Нет.

– А как прошла беременность?

– Благополучно.

– Роды были тяжелые?

– Нет.

– Вы кормили грудью?

– Нет. Я не хотела. Это портит фигуру. После родов моя мать жила у нас и она кормила ребенка из бутылочки. Девочка хорошо прибавляла в весе. Потом мать ушла на свою квартиру и начался ад. Я только и отдыхаю, когда она приходит и возится с ребенком.

– А вы дочку любите?

– Да, конечно, но иногда мне кажется, что лучше бы ее не было. А самое главное (тут она расплакалась) муж очень любит детей и хочет еще. Я согласилась на одного, но больше я не хочу и не могу! А он настаивает.

– А при первых двух беременностях вам хотелось иметь детей?

– Нет, у меня было одно желание – избавиться от них. Я скрыла это от моих родителей и сделала аборт в отъезде.

Что же произошло?

Обычно, впервые ощутив движение ребенка женщина чувствует, что становится матерью. Она ждет родов с нетерпением и с радостью обнимает

новорожденного. Младенец тоже прижимается к ней.

Эта женщина, прервав первые беременности, осталась эмоционально неразвитой, неспособной ощущать связь с младенцем. Это свойство отсутствует и сейчас.

Что же дальше? Сможет ли она когда-нибудь испытать радость материнства? Может быть, много позже, уже в пожилом возрасте.

* * *

Вот еще один случай.

Сорокалетняя женщина, нервная, возбужденная и в состоянии депрессии обратилась ко мне с просьбой «спасти ее брак». Она замужем второй раз. Ее мужу 45 лет. Он хочет ребенка. А она? Она тоже хочет, но не может. Почему? Десять лет тому назад у нее был аборт и сделана перевязка труб. Теперь нужно восстановить их проходимость, но сделать так, чтобы муж об этом не знал. Она скрыла от него факт перевязки труб.

После медицинского обследования мне стало ясно, что она уже рожала.

– А ваши дети живы?

– О да. Вы их знаете. Когда вы работали в У..., они были вашими пациентами. Их было трое, по фамилии – М.

Я вспомнила, что действительно однажды ко мне приехал фермер, сказавший, что он хочет переменить семейного врача. Его ферма на границе двух районов, и он посещал врача в соседнем городке; но теперь хочет сюда. Я согласилась. Его старшая дочь, девочка 13-ти лет, совсем очаровала меня своими рассказами о здоровье младших и ее заботой о них. Она играла роль мамы, а отец оставался в ожидлке. На

мой вопрос «где мама?» девочка ответила: «мама уехала», а младший добавил: «она не вернется».

Позже секретарша открыла мне их «тайну»: оказывается мать их бросила (это случается очень редко в сельской местности) и уехала жить в город, а доктор помог ей с организацией аборта и операцией перевязки труб, против желания мужа.

Я сказала пациентке, что хорошо их помню, что дети чудесные и спросила, видит ли она их.

– Нет, они не хотят иметь со мной ничего общего. Я пыталась и всегда получала отказ. А сейчас мне хочется иметь ребенка как перед смертью. Помогите мне, иначе я сойду с ума.

Я направила ее к известному гинекологу. Через пару лет я встретила ее на улице. Она выглядела постаревшей и очень несчастной. Операция не удалась. Второй муж ее бросил, хочет развода. Она живет на пособия социального обеспечения и посещает психиатрическую клинику. Лучше ей не делается.

– Вы знаете, доктор, я боюсь проходить мимо детей в колясочках; мне хочется их взять, приласкать и унести с собой.

Еженедельная газета

« ЕДИНЕНИЕ »

орган русской эмиграции в Австралии.

Выходит с декабря 1950 г.

Цена одного № (12 страниц) .50 центов (австр.).

Пересылка за границу дополнит. по почт. тарифу.

Типография принимает заказы на печ. работы

Адрес: UNIFICATION NEWSPAPER

28 Regent St.

Chippendale, NSW 2008, Australia

НЕПОСТЫДНО И МИРНО.

В наши дни ни одна политическая программа и заявление не обходится без упоминания прав человека. Обладая многими правами: на свободу, труд, отдых, социальное обеспечение и т.п., современный человек неустанно заботится, чтобы они не оставались на бумаге, а исполнялись на деле и как можно полнее. Если их не соблюдают или нарушают, то он борется за них рьяно и самозабвенно, в одиночку или организованно.

Как сразу можно заметить, среди отстаиваемых прав ни разу, нигде и никем не провозглашается одно очень важное – право достойно умереть и быть достойно погребенным. У этой странной забывчивости есть своя глубокая и обоснованная причина. У сегодняшнего, по-мирски воспитанного или настроенного человека всякий намек на смерть обычно вызывает или судорожно-суеверный страх или мучительно-неприятное беспокойство, и он, чтобы восстановить нарушенное душевное равновесие, усилием воли и ума подавляет или изгоняет все связанное с неизбежным концом своей земной жизни. Поскольку в загробную жизнь такой человек или совсем не верит или верит неопределенно-смутно, то он требует и борется за одни те права, благодаря которым он в меру собственных сил и способностей может наслаждаться земным счастьем, наиболее ценным для него благом и достоянием. Естественно, что к праву достойной кончины относится он с явным пренебреже-

нием и недоумением как к условному, незначительному и даже совершенно ненужному.

Да и за что в общем-то бороться? Хотя на Западе в общественных больницах уже давно не устраивают церквей, священник всегда может придти и причастить умирающего там христианина, а семья – похоронить согласно его воле, предать тело земле или огню, поставить на могиле скромный крест или пышное надгробие. На кладбищах стоят церкви и часовни, и каждый волен по своей вере помянуть ближнего. Другое дело, что из-за упадка этой веры и безразличия к ней и на Западе распространился т.н. гражданский обряд, хотя, пожалуй, только озлобленно-оголтелый безбожник решится похоронить дорогого человека без освященной веками «церемонии». Вера сильно расшатана и поколеблена, но общественное мнение и стойкая традиция все-таки удерживают от варварского пренебрежения к смерти и похоронам даже религиозно равнодушных людей, хотя им вольготно живется в странах, где Церковь – одно из многих, но не главное общественное установление и просто почтенная реликвия.

О праве «непостыдной и мирной» кончины не стоит забывать и западному человеку и не мешает даже немного за него побороться. Как известно, все больше людей умирает не дома, среди знакомых стен, в окружении заботливых и опечаленных близких, а в больнице, часто в особой палате, в полнейшем одиночестве, видя одни чужие, безразличные лица и белые стерильно-холодные стены. Умирает в «казенном доме» в отчуждении, изоляции и пустоте, среди других страждущих или привычных к смерти врачей и сестер. Порой эти врачи стремятся превратить умирающего в объект своих экспериментов, приборами и лекарствами искусственно продлевая обреченную

жизнь, не давая ей угаснуть естественно и органично.

Так как страдание в основном рассматривается как явное зло и мука, то современная медицина его не только всячески смягчает, но и отнимает от больного, обволакивая лекарственным дурманом важные для отходящей души минуты. Не сам человек, а врач, частенько опирающийся на «прогрессивные» взгляды, все чаще начинает решать, как должна завершиться земная жизнь. В Божью волю все сильнее вторгается цеховое сознание медика, который считает себя вправе – потому что в силах – замедлить или ускорить таинственное приближение смерти. Воспитанный не в христианской морали, а в правилах обусловленной временем врачебной этики, он хладнокровно и красноречиво дискутирует за и против эфтаназии, ибо она для него – не человекоубийство, а медицинский «казус», в котором врач проявляет даже неведомую прежде «гуманность». Может ли в таких условиях кончина быть «непостыдной»?

Предвижу возражения на этот вопрос. Человек в скорбный момент смерти остается один на один с Богом и его чрезмерно тяготит земная печаль близких, мешая тихо и молча отойти в вечность. К тому же наш век – суров и строг и относится к смерти без прежней патриархальной сентиментальности и обрядных рыданий, ибо мы лучше постигли вековечную тайну конца, этого таинственно-личного перехода в инобытие. Если суть – одна, определена и элементарна, то как маловажны в этом уникальном переживании окружение, обстоятельства и «сценарий». Да, суров и строг наш век от обилия насильственной смерти, от чего сердца ожесточились и окаменели, додумавшись приравнять смерть человека – образа Божьего к смерти бессловесного животного, нашего якобы дальнего предка и лучшего друга. Умирая,

животное, действительно, прячется и сородичи сторонятся его в тревоге и испуге. Надо ли и нам поступать так же, сознательно опускаясь на более низкий, животный уровень?

Человек должен жить любовью к Богу и людям, и, когда он угадает, то с людьми остается его любовь, потому что, по апостолу Павлу, «любовь никогда не перестает» (I Кор. 13. 8). Умирая, не любовь ли хочет он в последний раз выказать на земле и увидеть ее в близких, чтобы ею в иной жизни оправдаться или утешиться? Когда все суетное отпадает, любовь подчас делается такой великой и неизбежной, что отринуть или подавить ее захочет лишь самый законченный или отчаявшийся грешник. Сердце умирающего наполняет раскаяние, и он просит прощения за нанесенные обиды, примиряется по-настоящему с обидчиком и, иногда – с прежде отвергаемым Богом, благословляет или напутствует родных. Разве вправе мы мешать этому конечному и порой самому искреннему и глубокому всплеску любви, в котором, как в последнем шансе, раскрывается наша экзистенциальная сущность, столь долго затмеваемая или угнетаемая грехами и суетой?

Господь, хотя хорошо видит наши намерения, не возбраняет их видимое воплощение и не отвергает его как причинно-подневольное и животно-испуганное – раз конец, почему не покаяться? – ибо милует всякого пришедшего к Нему даже в последний час. Сколько известно примеров самого чистого предсмертного раскаяния, трогательной любви и искреннего обращения, которые открывали путь в Царство Небесное! Ведь случается это не от липкого смертного страха, который лишь парализует волю, и не от дальновидно-хитроумного расчета (вдруг «там» что-то есть?), который перед вечностью кажется таким

мелким, а от внезапного просветления и исполненной любви печали ближних. Мы же хотим и в последние часы «забросить» человека в одиночество (о котором, если нужно, он сам попросит), окружить не сердечной любовью, а безмолвной пустотой, превратить его конец в преходящую драму, о которой надо как можно скорее забыть, потому что от нее падает мрачная тень на такую многокрасочную и единственную жизнь, что одна исполнена настоящего смысла и значения. Раз иного мира нет и умерших мы никогда больше не увидим, то кому, спрашивается, нужны их или мои слезы любви, скорби и раскаяния? Если это – дань традиции, то она безнадежно устарела, если – естественная реакция (плачет, кстати, только человек), то она сильно портит мне нервы и здоровье, омрачает мой покой. И западное сознание от Монтеня до Алэна отравляется замешанным на гедонизме, язычески-стоическим бесстрашием, которое рано или поздно приводит сперва к равнодушию, а потом к цинизму в отношении к ближним, не говоря уж об умирающих. Теперь этот яд все чаще разбавляется религиозной философией, заимствованной с Востока, которая в целом радикально противоречит христианским представлениям о спасении, бессмертии души и загробной жизни.

Если на Западе, чтобы по-христиански умереть и быть погребенным, существуют все внешние условия и нехватает порой лишь внутренних предпосылок, то в сегодняшней России положение для христианина прямо, можно сказать, обратное и намного более трагичное. Подчеркиваю, для христианина, ибо для рядовых безбожников проблем нет: они не связаны ни традицией, ни общественным мнением и хоронят своих близких хуже, чем некогда язычники или дикари. Соблюдается одна погребальная тризна,

да некоторые атавизмы полузабытых национальных обычаев.

Умирает христианин в России главным образом в казенной больнице, в общей или – если он заранее обречен – в отдельной палате для умирающих. Никто за его жизнь – особенно, если она перевалила за 70 – усиленно не борется: хлопотно, да и лекарства всегда в дефиците. Если у болезни смертельный исход, и она может надолго затянуться, то больного поскорее стараются сплавить домой – пусть близкие о нем заботятся, а нам нельзя повышать «показатель смертности» (есть и такой в плановом хозяйстве!), и другой места ждет. Отработал – на свалку! Все это, разумеется, не относится к номенклатуре – у нее свои больницы, свои лекарства и врачи, иная обстановка.

Что же происходит, когда умирающий в больнице христианин хочет исповедоваться и причаститься? Это пока не возбраняется, но ставится условие – отдельная палата, а то вдруг другие больные, увидев, решат поступить так же. А где ее найти в переполненной больнице, если по доброте или за взятку не смилостивится администрация? Хорошо, когда в городе есть храм, но что делать во множестве крупных и мелких городов России, где его или вовсе нет или он находится далеко за городской чертой? Хвала Богу, если священник попадется сердобольный и ревностный к обязанностям, а то ведь иному «наемнику» надо долго кланяться, дать мзду, чтобы он согласился поехать со святыми дарами на другой конец города. Дома – проще, если не считать домашних безбожников, но и они по любви к ближнему и почтению к смерти всегда готовы выполнить последнюю волю.

Закрыв глаза и отошел в вечность «в мире и покаянии» христианин. Прежде, после его кончины,

тело обмывали, обряжали и оплакивали. Сейчас спешат, завернув в простыню, поскорее отправить в морг. Не снимая шапок, подхватывают мужики белый куль и, втихую поругиваясь, волокут, как падаль, на улицу, где небрежно бросают на грязные доски больничного грузовика. Если умерший нестар, в морге его обязательно вскрыют, не слушая протестов близких. Таково правило. Не знали, как жил, узнаем, отчего умер. Оставить усопшего дома, как-то инстинктивно боятся, суеверно страшатся его вида, к нему по-первобытному остерегаются прикоснуться. Древний ужас перед смертью, трупом и тлением наполнил души живых, ибо в большинстве своем у них нет даже азбучных представлений, что смерть – это успение в ожидании грядущего воскресения, что душа – вечна и живет за гробом.

Потому, отправив близкого в мертвецкую, втайне вздыхают с облегчением. Не надо обмывать, ни обряжать – все за плату сделают чужие руки, которые вдобавок еще грим наложат. Не нужен стоящий в комнате гроб в цветах, горящие свечи, мерное чтение Псалтири, литии с клубами кадильного дыма и скорбными надгробными молитвами. Да и кто будет читать, кто придет служить? В обезбоженной стране все стало таким обременительным, что кажется нежеланным, даже излишним, и соблюдается главным образом среди клириков, да и то, если они умерли не в больнице. В морге же, естественно, литий не дозволено. Остается одно – плакать и молиться.

Но если бы это! Горой сразу наваливаются разные бюрократические хлопоты – как и где хоронить. В стародавние времена, на дом присылая агента, все брало на себя расторопное похоронное бюро, чтобы можно было полностью предаться безутешному горю. Реальный социализм внес свои новшества – не плачь,

а беги оформлять документы; не горюй, а езжай давать взятку, чтобы похоронили на старом кладбище; не рыдай, а стой в очереди – доставай продукты на поминки. Запомни – хоронить не печально-горестный обряд, а суетливо-хлопотное мероприятие, от которого долго потом не опомнишься. Готовь и кошелек, на который со многих сторон уже устремлены алчные глаза и без которого ждут тебя дополнительные огорчения.

Признаем, однако, и достижения – за последние десятилетия сильно усовершенствовалось похоронное дело. В первые годы после войны по улицам еще медленно двигался катафалк, за которым – если умерший был небеден и «знатен» – траурными маршами гремел оркестр, несли на подушечках награды, шли в черном заплаканные близкие и друзья. На какую-то минуту затихала улица, снимались шапки, печалились взоры. «Хоронят» – тихо шелестело по толпе. Теперь такие шествия – привилегия Кремля и глухой провинции, в которой нравы не поспевают за прогрессом. Сейчас гроб быстrehонько вталкивают в обычный автобус, на обитый белой жестью пол, и он катит вперед полным ходом. Только черная полоска на борту, да и то не всегда, указывает, что по улицам едет горе. А как иначе, прикажите, в городе – не задерживать же, на самом деле движение «провозом трупа»?

Конечно, главная причина подобной спешки – не правила уличного движения, а негласное табу, которое ныне наложено на смерть в советском обществе. Она – неумолима, вездесуща. Она все время напоминает о конечности и бренности земной жизни, заставляя самого ограниченного обывателя задуматься: неужели на этом конец; закопают и все, а дальше – мрак небытия? Для чего же я тогда живу? Это

– метафизические вопросы, ответ на которые материализм дает безысходный, позаимствовав его у стоиков: да, конец; да, дальше ничего нет; да, живешь для смерти и останется от тебя лишь воспоминание у потомков и труд на благо общества, т.е. твое так сказать «бессмертие» – безлично, условно и коллективно. Такой ответ многих не удовлетворяет и в душе возникает и ширится надсадно-щемящая и гнетущая тоска, назойливая метафизическая боль, от которой решительно все валится из рук и все тошнотворно. Жизнь, труд семья – все не в радость, хотя жить-то надо. И если вовремя услышит человек слова Христовы: «приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас», то с трепетом примет их как долгожданный дождь на изболевшееся сердце. Этого и не хочет безбожная власть, этого-то судорожно боится и старается потому подальше и лучше упрятать любой самый малый знак, напоминающий о конце. Есть только жизнь, а «костлявая», как в сказке, где-то далеко, за горами, за долами, в тридесятом царстве.

Есть, однако, один символ смерти, который не скрывается, а горделиво красуется на главной площади страны, – мавзолей, где в стеклянном гробу покоятся полуистлевшие останки. Чтобы мельком взглянуть на них, выстаивают долгие часы. В торжественные дни перед ними движутся толпы радостных демонстрантов и тяжело бряцают танковые гусеницы; на них сурово стоят вожди. Вокруг мавзолея, мрачного символа смерти – могилы, надгробия, вмурованные в стену урны. Кладбище все растет, растет. Оно – в центре столицы, в центре сверхдержавы и около него, сосредоточены здания, где принимаются судьбоносные решения и проходят важнейшие государственные церемонии. Однако, как известно, Ленин

– «жив и будет вечно жить» и на этом исключительном парадоксе основано языческое ему поклонение, огромные усилия по сохранению трупа и как бы демонически-мистическая сила самого строя. Страх потерять это мертвое тело, поэтому сильнее животного страха перед смертью и тлением.

Этот животный страх – ключ для понимания советского отношения к умершему. От мертвеца необходимо поскорее и незаметнее избавиться. В этом случае даже нерасторопная бюрократия делается неожиданно резвой и проворной. В похоронной конторе, которая хоронится в глухом переулке, всего за полчаса выпишут похоронку и кипу нужных квитанций. Отпеть в церкви (если она, конечно, есть), извольте; машины для провожающих, пожалуйста; выбирайте, куда поедете – на кладбище или в крематорий. Кладбище – далеко за городом, крематорий – поближе. Мечта просвещенного либерала имеется, правда, еще не везде, а лишь в отдельных, крупнейших городах. За крематории в 20-е гг. горячо агитировали: «удобно, быстро, гигиенично». Известные передовые зодчие сочиняли проекты, располагая здания на месте сносимых кладбищенских храмов, но народ отнесся с явной враждой к этой языческо-протестантской выдумке, ибо был еще темен и неразвит.

При Хрущеве о ней снова вспомнили – земли-де уходит много под кладбища – и стали усердно внедрять, за образец взяв лучшие европейские предприятия этого рода. Так как подросли обезбоженные поколения, то дело пошло. Теперь в городах с крематориями сжигается треть умерших, а сжигалось бы и добрая половина, но, увы, нехватает «производственных мощностей», и труп неделю коченеет в холодильнике. От горстки пепла, верно, – не по себе, зато удобно и нехлопотно. Закопал урну в ямку на

могиле, поставил в колумбарии или засунул на антресоли и не надо над дорогим холмиком проливать слезы, ибо над урной они почему-то не льются. И православные, поддавшись духу времени, стали одобрять и изредка практиковать кремацию, хотя не было на то церковного дозволения, и перед революцией Синод выпустил специальное обращение, в котором решительно осудил попытки внести сжигание в России. Кто, однако, о том знает, и кто напоминает?

Несмотря на рост кремаций, народ попрежнему в основном предает умерших земле, и с этим, скрепя сердце, вынуждены считаться городские власти, отводя места под новые кладбища или расширяя старые. Естественно, землю для них выбирают не так тщательно, как некогда, а отводят бросовую, неудобную и увлажненную. Ехать до такого нового кладбища час-полтора с пересадками, что не всякому человеку под силу. Разрядов на нем никаких нет и хоронят большей частью не по вероисповедному признаку, хотя участки для евреев и мусульман еще имеются. Церкви и часовни не положено, и одни угрюмые серогранитные пилоны указывают, что автобус въезжает в царство мертвых.

На некоторых старых кладбищах Москвы и Ленинграда еще стоят действующие церковки, и в их отдельных приделах священник совершает отпевание православного христианина, хотя обычно это происходит в иногда единственном городском храме и, несмотря на ставшую привычной спешку, всегда производит глубокое впечатление даже на заскорузлые сердца безбожников. Отпев, никакой батюшка не провожает гроб из кладбищенской церкви до могилы, да и литий на ней никогда не служит, хотя это никем не запрещено. Так уж повелось после войны и продолжается по лени клира, робости и невежеству

населения.

Оттого растерянно стоят близкие у разверстой могилы, порой небрежно вырытой ковшом экскаватора, и не знают, с какой молитвой опускать в нее покойника. Могильщики – задорные хапуги, без смущения потарапливают, чтобы поскорее забросать яму и водрузить бетонный поребрик. Одеты они, как попало, кто в грязный ватник, кто в новенькую дубленку, курят, сплевывают и лениво переругиваются меж собой, не стесняясь никого. Для этих неверов погребение – привычно-грязное, но выгодное дело, и к горю в своей лишенной Бога душе они не чувствуют никакого почтения и сострадания. По сравнению с ними рядовой могильщик прежних времен – это прямо-таки образец христианской благовоспитанности и такта.

Кое-как засыпав могилу и соорудив на ней неровный холмик, парни втыкают в нее высокую и узкую, наподобие финикийской, стеллу из грязно-серого бетона, где на крошечном кусочке мрамора слегка процарапаны фамилия, имя, отчество и даты жизни умершего. Если он был христианином, то здесь же виднеется небольшой крест. Больше ничего не положено. В зависимости от города форма и размер этой стеллы меняются, но ее оформление почти всегда одинаково – только краткие анкетные данные и никаких евангельских цитат, никаких скорбных излияний. Предельная казенная унификация, трудно достижимая в жизни; суровая лапидарность, далеко превосходящая римскую.

Поплакав над свежей могилой, чувствуют люди, что надо и помянуть чем-то погребенного. Хорошо, если какая-нибудь старушка принесла кутью, а то взамен идет неизменная поллитровка. Разливают по стаканам и, не чокаясь, залпом выпивают, а остатки

выливают на могилу, чтобы, дескать, и покойник «отведал». Вот так по-язычески грубо начинается погребальная тризна, продолжаясь дома, за накрытым столом. На поминках советский человек ведет себя гораздо свободнее, чем на похоронах, ибо здесь царит привычное ему хмельное застолье, а не печальное «memento mori». Ему хочется побыстрее заглушить возникшую на погосте смутную грусть и вновь предаться суетному бегу жизни. Потому-то и траур, даже частичный, никто почти не носит и на сороковины неохотно собираются. Только в христианской среде блюдятся – хотя в сильно ослабленном и упрощенном виде – прежние традиции, но всегда в каждом сердце людском неизменными живут воспоминания, скорбь и любовь.

Чтобы выразить эти чувства, у верующих есть церковное поминание и трогательные молитвы, есть уверенность, что они будут услышаны, что отшедшая душа нуждается в этих молитвах и благодарна за них. В этом и ином мире души соединяет в Боге живая связь и через молитвы они все теснее сродняются, все лучше ощущают эту связь. «Призови Мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши Мя», ибо нет скорби, которая не могла бы пройти при мысли о Боге – Боге не только живых, но и умерших. Для безбожника даже сама память об умершем – трагична и безутешна, ибо для него за гробом ничего нет, и оттого он пытается либо полностью обо всем забыть, либо делает из воспоминаний невротический культ, все время возвращаясь к ним с болезненной навязчивостью.

Язычникам было много легче, ибо у них были определенные жертвы, обряды и обычаи. Почему, казалось бы, атеистическое государство не создаст свои «обряды», как создало оно уже многие другие, и

не введет официальный «день памяти»? Мешает все тот же панический страх перед смертью и ее необоримой силой, и в этом страхе невольно также раскрывается суть строя, в основе которого лежит мертвое, а не живое начало, так как он оторван и противостоит Богу, и в смерти узнает посему собственное отражение и неприятного двойника. Официально поминаются в стране одни жертвы войны – жертвы за и ради строя и, конечно, «вечно живой» его основатель. Раз «дня памяти» нет, то атеистам приходится поминать своих умерших вместе с православными по христианскому календарю, прежде всего – на Пасху и Троицу. С этим приходится считаться и властям, назначая к кладбищам в эти дни дополнительный транспорт. Благодаря этим датам и великим праздникам, православный дух (для многих лишь внешне) еще живет в стране.

Госатеизм не смог его одолеть и взамен старается всячески извести в видимых символах, запрещая, например, ставить на новых кладбищах кресты. На старых – Бога ради! (все равно они там есть), а на новых – только выцарапанные на стелле. В провинции, говорят, и это местами запрещено. Попробуйте, однако, выяснить, кто же запретил? Следов не найдете, ибо речь идет о секретном распоряжении. Чьем? Точно неизвестно, но, несомненно, партийного органа. На кладбище сразу стращают: «Поставите крест – ломаем!» И робкий христианин довольствуется стеллой и, когда приходит на дорогую могилу, перед ней творит крестное знамение.

Кто смелее и сообразительнее, поступает как велит традиция. Подчас на том же кладбище он заказывает у частных дельцов крест из камня или дерева и спокойно водружает его на могиле. Попробуй, снеси – в уголовном кодексе есть статья об осквер-

нении захоронения. Умудрил Господь и не убоился верный. Однако на это нужны еще и деньги, ибо частник дерет втридорога, хотя выполнит работу быстро и в срок. К нему же обращаются и за памятником – гранит в стране тоже стал дефицитом и положен только ветеранам и номенклатуре. Частный монументщик сделает вам на любой карман надгробие: от пышных композиций, какие нередко видишь в Тбилиси, до скромной могильной плиты с начертанными на ней словами, идущими от безутешного сердца. Пытались недавно пошатнуть эту миллионную индустрию, но быстро отступились – слишком много людей замешано, да и в бумагах конца не найдешь.

На русском кладбище душу всегда охватывает особая печаль, сродни возникающей при виде северных пейзажей. На них сейчас не найти богатых памятников или нарядных мраморных склепов, ни даже чистоты, но есть зато нечто незабываемо-щмяющее и тихо-грустное. Бредет с лейкой старушка, чтобы полить цветы, кто-то опустив голову и утирая слезы, сидит на скамейке, щебечут на березах беззаботные птицы, неслышно слетает на землю желтый лист. Легко, прозрачно и светло. Забываешь о всех нелепостях и постыдностях, которые вынес на похоронах, и умиление на какой-то миг посещает сердце.

Можно было разрушить храмы, бесстыдно надругаться над народными святынями и вековыми обычаями, многое запретить и десятилетиями вдальбивать людям, что пусты небеса, но оказалось невозможным отменить смерть, упразднить душу, запретить думать и чувствовать. Потому, когда встречается человек с вечностью, неподвластен становится он никаким декретам, указам и инструкциям, и невольно отступает перед ним всякая внешняя сила. Своим произволом

она не может лишить глубинной сущности его последние часы, а только их омрачить и отравить.

Если христианин жил действительно «мирно и непостыдно», то он в основном и умирает так же, ибо и здесь не оставляет его Господь. Он попускает человеку умереть именно такою смертью, какая для него всего лучше, и в такое время, когда умереть всего лучше. Однако молитва о «безболезной, непостыдной и мирной кончине живота нашего» не должна замирать на наших устах, потому что велика в сегодняшней России концентрация зла, которое неустанно изнутри и извне стремится полонить и раздать нас. Помня о словах «просите и дастся вам», будем повторять эту молитву с надеждой и трепетом.

Октябрь 1985 г.

«РУССКАЯ ЖИЗНЬ»

Основана в 1921 г. в г. Сан-Франциско

Русская национальная газета

Отделы : религия, наука, история, политика, литература, женский, спортивный, хроника, медицинский, юмор, крестословицы.

Выходит 5 раз в неделю (вторник - суббота)

Подписная плата : 1 год — 50.00 ам. долл.,
6 мес. — 30.00 ам. долл.,

Адрес :

2458 Sutter Street, San Francisco, Calif. 94115.

ПУТЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ДУШАМ.

Однажды пришли к авве Ахилле три старца, занимающиеся рыбной ловлей. Двое из них были известны строгостью жизни и подвигов. А один имел дурную славу по причине слабостей своих человеческих.

И просили пришедшие авву, чтобы сделал он им невода по нужде их рыболовного ремесла.

Когда первый просил, Ахилла ответил:

– Недосуг мне.

И второму отказал в просимом, отговариваясь недосугом.

Тогда третий, грешный старец, приступил со своей просьбой.

Мало поразмыслив, авва Ахилла сказал:

– А тебе, брат, я невод сделаю.

Тот очень, обрадовался, потому что был его прежний невод изорван и не мог он ловить рыбы. Итак, получив обещание, он благодарил авву и скоро отошел.

Два же другие старца стали пытаться Ахиллу, отчего их просьбу он отказался исполнить, отговариваясь недосугом, просьбу же грешного брата принял с великой охотой, и найдется у него время для плетения ему невода.

И авва пояснил им:

– Сослался я на недосуг, – и вы поверили мне, и не оскорбились. А если ему не сделать желаемого, то он подумает, что я, услышав о его грехах, по их причине не хотел исполнить его просьбы. И так от-

сек бы я его от себя и ожесточил.

Но братья еще не понимали.

Тогда авва Ахилла в поучение им стал рассказывать о различных путях к человеческим душам, и о том, как умел узнавать эти различные пути блаженный отец наш Макарий Великий.

Вот что вспомнил он об этом целителе душевных болезней и пастыре людского стада.

– Блаженный отец наш ведал, что многообразные пути ведут к душам человеческим и многообразными путями спасаются люди.

Так однажды увидел он врага, идущего из пустыни, где спасались отшельники. И спросил его властью Бога, много ли находит он слуг среди рабов Божьих?

Демон же ответил:

– Единого слугу надеюсь я приобрести себе в пустыне. И слуга этот – брат Феопемпт, дух которого смущен и близится к гибели.

Услыхав это, наутро покинул Макарий свою пещеру и стал обходить всех пустынножителей. Но ни у кого не имел долгого пребывания, а дошедши до Феопемпта, сказал ему, что будет у него ночевать.

И всю ночь провели они вместе в молитве и в чтении Писания. И тщился Макарий различными мудрыми советами привести брата к признанию и покаянию.

Но Феопемпт ни в чем не признавался.

Тогда, увидя, что жало дьявола глубоко проникло в душу брата, и что одних мудрых слов и молитв недостаточно, говорит ему Макарий наутро:

– Брат, мне хочется покаяться перед тобой: знай, что мучает меня бес уныния.

Вздыхнул Феопемпт и сказал:

– И меня также, авва.

– И еще мучает меня бес гордыни.
– И меня также, авва.
– И еще соблазняет меня демон неверия.
– И меня также, авва.
– И не знаю я, брат Феопемпт, как мне бороться одному с искушениями. А потому, – сотвори любовь, – постись вместе со мной, и приноси вместе со мной покаяние, пока не поможет нам Господь своею силой.

Так постились они вместе и калялись вместе, пока Феопемпт не сказал:

– Воистину, получил я большое облегчение от молитвы моей и слез. Укрепил меня Господь и сделал дерзновенным для борьбы с врагом.

– Меня тоже, брат, – ответил ему Макарий.

И после этого покинул келию Феопемпта.

В другой раз узнал он, что оставил один из отшельников молитвенное предстояние Богу, а потому открыл свое сердце демонской силе. По лени не возносил он ни утром, ни вечером душу свою к Господнему престолу, и пребывал весь в делах мира и в соблазнах его.

Тогда пришел к этому брату авва Макарий и сказал:

– Вот я пришел, потому что имею великую нужду в твоих молитвах.

А брат смутился и ответил:

– Недостоин я о тебе молиться.

Но Макарий вновь и вновь просил его молитв и, наконец, сказал:

– Не уйду я от тебя, пока не обещаешь мне творить хоть одну краткую молитву за меня каждый вечер.

И принужден был брат обещать эту краткую молитву.

Тогда Макарий ушел.

А вечером, сотворив одну молитву о спасении раба Божьего Макария, брат устыдился, что вот молится он о таком великом угоднике, а о своей грешной душе не имеет прилежания помолиться. И тогда также кратко помянул и себя перед Господом.

И так делал он некоторое время каждый вечер.

Макарий же увидал, что начали рассеиваться около брата демонские скопища, но все же многие оставались.

Вновь пришел он к брату и этот раз просил молиться за себя не только по вечерам, но и утром, и произносить не одну молитву, а несколько.

И опять, выполняя эту просьбу аввы, стал брат размышлять, что за святого возносит он молитву, а своей грешной душе не дает этой помощи.

И постепенно привык он к молитвенному бдению и стал просить у Господа наставления и спасения и для своей грешной души.

Тогда все демоны отступили от него.

Так мудрым ухищрением, вызывая лишь к верности слову, вывел Макарий погибающего брата на истинный путь.

Закончив же эти воспоминания, авва Ахилла добавил:

– Надо помнить, что различные лекарства бывают против различных болезней. А потому никогда нельзя отсекаать грешников, но искать, какими средствами можно их исцелить.

И стали старцы спрашивать его, какие иные пути еще ведут к душе человеческой.

– Разные пути есть, – сказал он. – Вот однажды пришел к нашему архимандриту один отшельник, достигший большой высоты, но не смиливший своей гордыни, а, наоборот, питающий гордыню подвигами своими. И спросил: «Как мне достичь совершенства»?

Архимандриту же было видение о том гордом отшельнике, и он сказал:

– Возьми бич, пойд и паси свиней, ни о чем не размышляя.

Отшельник смирил себя к послушанию и поступил так.

А люди, видящие его с бичем среди стада свиного, говорили:

– Вот он имеет беса в себе, и потому, оставив подвиг, пасет свиней.

Так была укрощена его гордыня, и он достиг совершенства.

И выслушав эти слова, старцы поняли, как трудно дело спасения душ человеческих, и сколь искусным сердцеведом надлежит быть, чтобы находить к людям прямые пути.

ЧАСОВОЙ

Орган связи

Российского Национального Движения

под редакцией В.В. Орехова.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Головая подписка: страны Бенелюкса 500 б. фр., США и Канада 20 долларов. Воздушная почта в Америке дополнительно 3 доллара в год.

**В. Orekhoff, 26 avenue Everard,
B 1190 Bruxelles (Belgique)**

СТИХИ ИЗ РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ*

В русском сознании Петербург – город деловой, чиновный и западный не считался духовным средоточием страны. Предпочтение отдавалось всегда Москве с ее древними святынями и славянофильскими традициями. Сейчас это положение не изменилось, хотя Белокаменная превратилась ныне в центр мирового атеизма и космополитическую метрополию, где православное благочестие нелегко разглядеть за вавилонским смрадом.

Для муз, однако, этот смрад со временем стал невыносим и они перебрались ныне на берега более тихой Невы, на которых в 60-е гг. возникла интереснейшая школа религиозной поэзии в самых разнообразных формах: от просто духовной, которая питается томлением по небесам, до «православной», где в основе лежит верность догматам и опора на «высокий штиль». Между этими полюсами можно встретить гностические, иудео-христианские и откровенно богоборческие тенденции, ибо от «серебрянного века» местные поэты, увы, унаследовали легкомысленный эстетизм и теургические замашки, что часто придает их замысловатым произведениям соблазнительный и даже демонический характер.

* Как стихи, так и предисловие к ним, получены нами из России.

Хотя присутствие и отчасти засилье подобных «религиозных» стихов, придает петербургской поэзии определенное драматическое напряжение, благодаря им можно зато довольно быстро распознать по-настоящему искренние и пронизанные христианским благочестием и мироощущением сочинения. Примеры этой поэзии – увы, не самые характерные – я выбрал у четырех здравствующих поэтов. Олег Охабкин – представитель «православной» традиции, уже печатал на Западе свои по-державински напряженные и патетические строки; Никита Блинов – еще молод и потому порывист и избыточен; Елена Игнатова – опытный мастер экспрессивно-эмоционального стиха; Елене Пудовкиной присущи философская резиньяция и словесный аскетизм.

У каждого из этих поэтов есть свои предшественники, темы и художественные особенности, но их объединяет одно – устремление ко Христу души и помышления, переживания и слова. Через это, а не путем формальных ухищрений и тематических заимствований может поэзия стать подлинно религиозной, а точнее – христианской. Чем ближе приближается поэт ко Христу, тем более христианскими делаются его стихи, хотя процесс восхождения труден и чреват, как и в жизни, затмениями и падениями.

Возродившись недавно свободной от казенного ига, петербургская школа сумела восполнить недостаток своих предшественников, сделав для себя религиозное начало насущным и заметным. И пусть не у всех поэтов звучит оно подобающе и слишком сильны стилизаторство, игра и подмена, ключ религиозной поэзии бьет и, чтобы утолить жажду по искреннему, возвышенному и благочестивому, можно отныне отыскать в ней прозрачную и незамутненную струю.

ПЕРЕД КОВЧЕГОМ

И некий срок нам отпустил Господь,
Дабы открылись покаянья двери,
И в тот ковчег вошла душа и плоть,
И всяка тварь: и человек, и звери.

Февраль о блудном сыне. Мясоед.
И кто внутри ковчега, тот при Боге.
И в доме Божьем – Ангельский совет,
И времена толпятся на пороге.

Ах, масленица, русский мясопуст,
И ты уже виденьем близким стала,
И слышится снежка сухого хруст,
И не одна заря нам заблестала.

И ясный день салазками скрипит.
И на коньках иного мальчугана
Веселый лед морозцем укрепит.
И широко на улице от гама.

И голубым сверкающим ковром
Небесный свет на белый пласт ложится.
И солнце в сердце ввалится добром
И на недели две расположится.

До Сретенья такая глубина
В морозном, синем и спокойном небе,
Что каждому дается слабина
И сладость жизни по ее потребе.

И даже я, угрюмый домосед,
Спустив мою овчарку, улбынулся.
Пес фыркает и весь от снега сед –
Несется вскачь и перекувырнулся.

И на свету играющая пыль
Вздымается от радостного бега,
И вдалеке пылит автомобиль,
И в воздухе легки фонтаны снега.

И звучный лад разносится окрест.
И пес уже на льду скользит в овраге.
И чудится: в ковчеге столько мест,
Как буквам – на нетронутой бумаге.

Весь алфавит пушу на имена
И помещу прощеным воскресеньем
В ковчег словесный – там, где времена
Великого поста верны спасеньем.

Качнется борт и, хлябая, всплывет.
Заголосят животные и птицы.
И в храмине молитвы оживет
Всяк в словаре означенный живот,
Когда на Пасху нам вина простится.

Никита Блинков

Благодарю, Господь, за эти руки,
которые заламываю в муке.
Благодарю, Господь, за эту муку,
которая дает рожденье звуку.

Спасибо, Господи, за этот голос,
который не ломается как волос.
Благодарю, Господь, за темный лик,
за эту вечность и за этот миг.

Спасибо, Господи, за звук свирели.
Спасибо за ветра, дожди, метели . . .
Спасибо за стихи, за время года . . .
Спасибо, Господи, за радость, горе . . .
Спасибо за врагов Тебе любезных,
за землю, за цветы, за птиц небесных . . .
Благодарю, Господь, за эту жизнь.
И за иные (снег сияй, кружись!)

Спасибо, Господи, за то, что создал
Ты это небо в облаках и звездах.
Спасибо за пейзаж в тонах невзрачных,
за ангелов Твоих полупрозрачных.
Спасибо, Господи, за мой спесивый
нетленный дух. За этот снег – спасибо!
За то, что есть и жесты и слова;
олени. рыбы, лошади, трава . . .

Спасибо, Господи, спасибо, Боже,
за то, что Ты меня прощаешь все же.
И руку подаешь в дорогу к свету.
Спасибо, Господи, за руку эту.
Спасибо просто за узор искусный
на стеклах, и за пьяницу, что грустно
к слепому притулился фонарю . . .
За все, за все Тебя благодарю!

СТИХИ К РОЖДЕСТВУ

Когда волхвы не зажигали свеч,
толпились робко, зябнули у входа,
когда уже утих Младенца плач,
и смущена, еще бледна от родов,
молчала Мать, склоненная к Нему,
то мирный хруст овса, дерев ночных скрипенье,
да мерный снега ход, да в котелке кипенье –
вот звуки первые в младенческую тьму.

Когда под нищий свет одной свечи
к босым ногам Марии, на солому
сложили свитки шелка и парчи,
сосуд серебрянный склонили к золотому –
заплакала Мария, не стыдясь.

Залог Его пути, дары сверкали жестко,
казались щеки детские из воска,
крестообразно тень кидала коновязь.

Мария плакала. И Рождества звезда
спустилась низко в небе. И с поклоном
волхвы простились. Длинная череда
усталых всадников тянулася по склонам,
метель водила по снегу пером.
Но был спокоен вид и выдох детский,
и в праздник звезд, над краем Вифлеемским –
все детством показалось и добром.

О, Рождества блистательный приход!
Бессмертного Ребенка пеленанье!
Земля как роженица сына ждет:

метели вой, разверстое дыханье,
и полночью с холмов стекает пот.

Там, за стеною, в ледяной пыли,
за небесами, за звездою злой
глаза другой роженицы – земли
следили и счастливо и устало,
не веря обновленью своему . . .
Смотри, Мария, видишь, голубица,
как счастливо земля себе дивится!
И это чудо – Сыну Твоему!

Елена Пудовкина

Покуда в мельницу не попадет зерно,
еще возможно прорастет оно,
свой дар возможно возвратит сторицей,
пройдя, как писано, путем зерна.
Но если уж попало в обмолот,
и жернова неумолимый ход
чудесным образом не прекратится,
то – что ж? И дальше тоже жизнь дана:
смешались в общем хлебе имена,
чтобы в Христово Тело претвориться.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ КРЕДО ГУМИЛЕВА

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Несмотря на то, что со дня смерти поэта прошло уже шестьдесят лет и за эти годы о нем накопилась довольно большая литература, творческая личность Гумилева до сих пор не оценена по достоинству, и работы о нем почти не выходят за пределы биографизма. Кроме того, поэзия Гумилева до сих пор трактуется почти исключительно применительно к его эпохе – критические работы о нем в значительной степени заняты перечислением испытанных им влияний – иностранных и русских. Литературоведческая методология подхода к Гумилеву все еще не выработана, до сих пор идут о нем споры по самым основным вопросам. Между тем, не только для творчества самого Гумилева, но и для основанной им школы акмеизма, характерна именно ясность художественного почерка, широта и определенность в подходе к занимавшим его художественным проблемам. Проблемы, стоящие в центре его творчества, отличаются масштабностью и глубиной. Поэт ощущает себя как бы в центре религиозно-этических проблем христианской культуры. Культура для Гумилева есть совокупность высших творческих достижений человека соотносенных с религиозной правдой. Она является не только носителем этого идейного комплекса, но одновременно и вместилищем огромного художест-

венного наследия (живопись, скульптура, архитектура, музыка, поэзия христианской Европы). Гумилев несомненно один из самых значительных русских поэтов двадцатого века. Прожив всего тридцать пять лет, он успел поставить и разрешить на русском языке ряд важнейших художественных задач и создал школу, воздействие которой в русской поэзии ощущается до сих пор и будет, вероятно, продолжаться. Для Гумилева характерно, что он с исключительной ясностью отдавал себе отчет в направлении своего пути в жизни и в художественных задачах, которые он вполне сознательно ставил перед собой. В своей известной статье «Наследие символизма и акмеизм» (Журнал «Аполлон», № 3, 1913) имеющий характер манифеста, Гумилев намечает принципы школы акмеизма, причем, статья с одной стороны, подчеркивает связь акмеизма с религиозным комплексом, а с другой – органическое родство со всеми значительными явлениями искусства и культуры прошлого. Школа акмеизма вообще чрезвычайно высоко ценит традицию – как в области художественных форм, так и в области тех идей, которые составляют основу их школы. О Гумилеве можно сказать, что он был увлечен и захвачен тем художественным наследием, которое связано с христианством. Художественный мир Гумилева четок, чист и скульптурно-объективен. Может быть, эта ясность, это движение по жизни с открытым забралом, это рыцарское служение ценностям христианской культуры, это выдвигание религиозной образности и тематики на центральное место в творчестве, и делает поэзию Гумилева не только уникально-оригинальной, но даже – парадоксальной на фоне русской поэзии его эпохи.

Есть Бог, есть мир, они живут во век,

А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.
(«Фра Беато Анжелико»)

Такого рода религиозная и художественная установка по существу шла вразрез с эпохой, в которой жил поэт. Сам он остался верен этому принципу на протяжении всей жизни.

Настоящая статья не ставит своей задачей проследить развитие и становление поэзии Гумилева. Характер статьи требует постановки вопроса об общем смысле его зрелой поэзии, о том, что именно принес с собой Гумилев в русскую поэзию. Тем самым и вопрос о влияниях на него, естественно, остается за пределами нашей темы. Как отмечено выше, этой проблеме уже посвящено много статей (см. «Собрание сочинений Гумилева» под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова, Вашингтон). Напомним, что в СССР Гумилев до сих пор фактически остается под запретом, книги его не переиздаются, собрания сочинений – нет. В связи с этим, нам особенно важно дать общую характеристику зрелого творчества Гумилева.

Итак – за творчеством Гумилева стоит общеевропейская традиция христианского искусства. Это явление вряд ли нуждается в специальном определении. Творчество Данте, религиозные традиции позднего Средневековья и раннего Возрождения, живопись Фра Беато и Микеланджело, скульптура Челлини и Микеланджело, готические соборы – в достаточной степени говорят за себя. Именно этот аспект культуры и привлекает внимание Гумилева. Никто из русских поэтов до него не был так глубоко связан с этим аспектом этой близкой и дорогой поэту и нам

культуры. К этому можно только добавить, что Гумилев приемлет Божий мир во всей красоте и яркости его красок. Поэт, у которого религиозная мысль и религиозная жизнь является одной из центральных тем, естественно принимает культуру и искусство, как развитие данных Богом человеку талантов и возможностей. В этой трактовке христианской культуры поэт ощущает и осуществляет через поэзию братскую связь со всеми христианскими народами мира. И здесь он – плоть от плоти именно русской культурной традиции, идущей по крайней мере, от Пушкина.

Гумилева можно считать эпическим поэтом, несмотря на то, что собственно поэмы не стоят у него на первом месте. Он эпичен, прежде всего, по размаху своего творчества, по стремлению к конкретности и объективности изображаемого мира. В центре у Гумилева всегда – человек в органической связи с другими людьми. Ведь культура, и в частности христианская культура, именно и есть одна из форм связи между людьми. Поэзия Гумилева дисциплинирована и целеустремлена. В связи с этим, даже чисто лирические жанры (в частности – любовная лирика) всегда включают у него намек на сюжет, стремление художественными средствами наметить психологический или – жизненный конфликт и дать ключ к его разрешению. Жизненные ситуации, автобиографические черты оцениваются Гумилевым, как материал для поэмы – не только поэмы с оттенком героизма, но и поэмы объективных характеров. Поэзия Гумилева – психологична. Но психологическая мотивировка действий и поступков у него всегда пропущена сквозь призму его общей художественной задачи, которая состоит, между прочим, в очень яркой этической оценке явлений создаваемого художественного мира.

Художественное «я» Гумилева характеризуется нравственной дисциплиной. Часто, поэт говорит не столько о том, что есть, сколько о том, что должно быть. С этим связана стройная завершенность и скульптурная выразительность как стиха, так и художественного мышления. По методу видения и по содержанию, поэзия Гумилева особенно в русском контексте (а это для русского поэта – самое главное) ярко оригинальна. Помимо своей образной свежести и склонности к занимательной фантастике, она характеризуется напряженностью нравственного поиска. Эстетика Гумилева, неотделимая от этики, выделяется на фоне нравственных шатаний его эпохи. Жизнь раскрывается в его поэзии, как процесс постоянного преодоления трудностей и препятствий. Именно поэтому, Гумилеву – несмотря ни на что – жить интересно. Жизнь и поэзия Гумилева осмыслена присутствием в ней Высшего Начала. Именно это Высшее Начало и придает миру поэта и форму, и правду, и объективность. Гумилев, кажется, единственный русский поэт, сознательно и целеустремленно строивший свое творчество на идее о красоте и правде Божьего мира, в соответствии с принципами христианского искусства и культуры. Для выполнения этой задачи в двадцатом веке нужно было обладать исключительной художественной инициативой и силой воли. Все творчество Гумилева можно рассматривать, как своего рода христианскую драму, типа религиозной мистерии. Лучшая аналогия к творчеству Гумилева – готический собор во всей сложности своей архитектурной закономерности, своей символики, своей многовековой традиции и своего религиозного смысла. Центральный персонаж поэзии Гумилева – это человек, строго и честно делающий на земле вверенное ему Свыше дело – дело трудное, сложное, полное искушений и

богатое эстетическим содержанием (а эстетика для Гумилева неотделима от постоянной памяти о высшем смысле земного бытия). Стоит припомнить, что начиная уже с середины прошлого века, или даже – раньше, в русской культуре начался некоторый распад культурного сознания на преимущественно этическую и эстетическую сферы – эти сферы начали ощущать, как противоположности. Проблема эта не только русская, она существует и в Европе. В этой трещине и в формах борьбы за ее преодоление собственно и заключается содержание культуры Нового времени. В русской культуре в девятнадцатом веке эта борьба в конечном счете явилась борьбой за религиозный смысл, против секуляризованной автономии нравственного и художественного сознания. Пройдя путь от Державина, через Пушкина, Достоевского, К. Леонтьева и ряд явлений начала двадцатого века, эта проблематика со всей остротой встала перед Гумилевым, и он, в соответствии со своей целостной художественно-этической концепцией, трактовал эту тему, как утверждение ценностей христианства. В свое время, он на этом пути был в значительной степени одинок. Но в поэзии прошлого, в традиции Данте и трубадуров, он искал и находил поддержку. Чувство преемственности, в единении с другими людьми и народами, через пребывание внутри опыта культуры, у Гумилева очень сильно.

Культуру, во всяком случае творчество народов принявших Христа, Гумилев воспринимает, как единство. Естественно поэтому, что фигура Адама не только приобретает для него символический смысл (как известно, вся основанная им школа акмеизма первоначально именовалась «адамизм», хотя это название не прижилось). Адам для Гумилева не только символ, но и характер и художественный образ. С

Адамом поэт как бы отождествляет самого себя. Адам, как самоощущение, как коллективный облик человечества, как трагедия, как задача требующая разрешения, обладает в творчестве Гумилева убедительностью и художественной реальностью. В 1909 году Гумилев пишет стихотворение «Сон Адама». Здесь с огромной художественной силой и глубиной дан образ Адама на фоне библейского рая, а так же – художественными средствами поставлен вопрос о религиозном смысле культуры и искусства. К этому стихотворению мы еще вернемся.

Наряду с иерархической уравновешенностью и пластической выразительностью, поэзия Гумилева чрезвычайно динамична именно потому, что целеустремлена. Жизнь в культуре он изображает, как подвиг, подвиг Адама, символизирующего человечество. Тем самым этот подвиг становится подвигом многих людей, связанных религиозной правдой. Именно от их лица говорит поэт. Подвиг этот – труден. Люди, их склонности, страсти, возникающие между ними конфликты – чрезвычайно разнообразны, пути христианского человечества – извилисты. В связи с этим, поэзию Гумилева можно воспринимать в виде постоянного диалога поэта с самим собой – о судьбах культуры. Поэзия Гумилева насыщена конфликтами (без конфликтов нет искусства), но художественный поиск его – оптимистичен. Поэт верит, что в религиозном плане безысходных положений быть не может, любое искушение может быть преодолено, а наличие в мире Бога всякому явлению придает высший смысл. Поэтому, Гумилев никогда не «замирает» на конфликтной или трагической ситуации. С любыми формами «абсурда», «бессмыслицы», с которыми любит играть наша эпоха, Гумилеву безусловно – не по пути. Мера стиха, мера художественного постижения,

мера самодисциплины, мера самоотдачи (искусству, долгу, эмоционально-творческому переживанию в любовной лирике) – все это для Гумилева части единого целого, спаянного верой и дисциплиной. Все это проектируется поэтом на внешний мир, и внешний мир становится тканью поэзии.

Религиозная тематика в том или ином виде, занимает в творчестве Гумилева одно из центральных мест. Но даже в тех случаях, когда в том или ином стихотворении как будто нет прямой связи с религиозной темой, она подразумевается. Ведь, в конце концов, все темы Гумилева связаны между собой, изолированных участков в его поэзии нет. Искусство и культура есть ни что иное, как результат внутреннего богатства каждой человеческой души в отдельности и многих людей взятых вместе, это есть чувство плеча, иногда – чувство радости за другого и вместе с другим. Общая культура возможна лишь тогда, когда люди активно объединены между собой общими положительными целями. Именно характер этих связей, условия их возникновения, содержание целей и является объектом художественного внимания Гумилева. Поэт постоянно рисует внутреннюю жизнь души. Естественно, что жизнь человека для поэта не автономна, не предоставлена самой себе, а существует в прямой зависимости от Высшей Силы и в связи с Ней. В изображении душевной жизни Гумилев очень широк. Религиозный оптимизм его показан не изолированно, а как бы возникает в следствии преодоленного искушения или – разрешенного художественными средствами, конфликта.

Искушения при творческой работе начинаются, можно сказать, при самом зарождении замысла – ведь, чтобы создать что-то, нужно прежде всего поверить в то, что жизнь и созданные человеком

ценности имеют смысл – иначе говоря, преодолеть искушение нигилизма, пустоты, бесцельности и бессмыслицы. В двадцатом веке человек часто оказывается жертвой именно этого искушения – кажется, человечество сомневается сегодня решительно во всем – индивидуальный человек способен сегодня сомневаться даже в факте своего собственного существования. Помимо чисто религиозных форм борьбы, создание объективных художественных форм, иначе – творчество, есть уже ответ на это искушение. Но дальше поле искушений все усложняется. Тут-то и возникает вся сложная сетка и ткань психологических конфликтов, на которых построена поэзия Гумилева. Поэт «любит мир и верит в Бога», верит наперекор всему и несмотря ни на что. Но эти стихи заключают в себе некоторую конфликтную ситуацию – эта любовь к миру, несмотря на то, что жизнь людей – мгновенна и убога. Несмотря на краткосрочность земных красок и сроков, конфликт преодолевается лишь бесконечным доверием к Творцу и одновременно – сочувствием к людям. Кроме того, здесь поэт, как и всякий человек, поставлен перед выбором. И он выбирает путь культуры, он создает ценности, которыми смогут жить люди, живущие в мире – поэт не уходит от мира, а вносит в него религиозный смысл. Дойти до такого обобщения, то есть, пережить его в качестве опыта, хотя бы и художественного, трудно. На этом пути и возникают искушения. Ведь и культура и искусство заключают в себе аспект искушения, и поэзия Гумилева к этому очень чутка. Но поэт хочет быть участником в религиозном осмыслении мира.

Само собою разумеется, что при анализе творчества любого художника необходимо отделять человека от художника. Тем более в тех случаях, когда, как

у Гумилева, поэзия является результатом утонченной стилизации. Иными словами, идеи и мысли высказанные в стихах, вовсе не всегда соответствуют жизненной ситуации поэта. Творчество поэта всегда есть результат отбора, факт стилизации обязательно предполагает дистанцию между мастером и его произведением. Однако, необходимо помнить, что это ни в какой степени не мешает ни лирической искренности, ни убедительности созданных поэтом художественных систем. В случае Гумилева, стилизация означает именно умение быть объективным, умение сохранять дисциплинирующую власть над собой и своим художественным миром. В рамках христианской культуры Гумилеву постоянно приходится преодолевать время и пространство, изображать отдаленные страны и далекие эпохи. Все это можно делать только, виртуозно владея искусством стилизации. Примером этому – африканские его стихи. Для поэзии Гумилева характерна именно гармония между напором лирической стихии и мастерством. Акмеизм – не поза, не декларация и не просто – одна из литературных школ. Это поиск идейно-художественной правды и закрепление найденного в объективных формах. А искренность своего идейного и творческого пути Гумилев, как известно, удостоверял своей смертью. Каковы бы ни были внутренние трудности, трагические сомнения Гумилева-человека, Гумилев-художник всегда ищет и находит им в поэзии наиболее убедительное идейно-художественное решение. И это решение не выходит из границ христианской культуры. Разумеется, что область искусства совершенно автономна от других видов мышления, в том смысле, что никогда не повторяет ни схем, ни методов, скажем, философии, богословия или этики. У искусства – свои методы, свои традиции. Но искусство может выра-

жать ту же конечную правду – поэзия Гумилева в своей полноте – блестящий этому пример. Искусство, поэзия – это не идеи, а постижение через образ. С задачей своей Гумилев справился – Ренессанс, готика, средневековые, Муза Дальних странствий – нашли свое щедрое и точное выражение на русском языке, а художественные мысли отдаленных веков получили новую жизнь и как бы обновились в контексте русской поэзии двадцатого века.

Композиция стихотворений Гумилева обычно многотемна. Эта своеобразная полифоничность, образующая тематический контрапункт – характерная черта его поэзии. Но при всем своем разнообразии, эти темы всегда объединены художественной доминантой, которая и дает общий тон стихотворению. В ней же, в доминанте, заключено обычно и разрешение поставленной в стихотворении художественной проблемы.

Религиозная тема начинает звучать с особой силой в сборнике «Жемчуга» (1907-1910). В уже упомянутом длинном стихотворении «Сон Адама», написанном, когда поэту было всего 23 года, зрело, четко и глубоко поставлена проблема человека (Адама) и созданной им культуры. Адам показан спящим, на фоне библейского рая. Во сне, он еще до грехопадения видит будущие судьбы человечества – сон этот ему тяжел и труден, но именно потому, что он, Адам, еще до грехопадения, он не может полностью понять, почувствовать значение проходящих перед ним картин. Пробуждаясь, он снова оказывается в раю. Сон этот – глубоко символичен. Ситуация, несмотря на сложную стилизацию, связанную не только с темой и характером стихотворения, но и со спецификой акмеизма – очень убедительна. Можно предположить, что это стихотворение – авто-

биографично. Адам, в соответствии с библейской традицией, показан в расцвете сил, кроме того – и это очень характерно – Гумилев наделяет его огромной, именно художественной одаренностью. Характерно так же, что именно в теме Адама впервые с такой силой намечена одна из центральных тем Гумилева – тема искусства. Адам спит, в нем дремлет все будущее человечества, он – живописец, и скульптор, и первый созерцатель мира:

Он любит и скрежет стального резца,
Дробящего глыбистый мрамор для статуй,
И девственный холод зари розовой,
И нежный овал молодого лица, –
Когда на холсте под ударами кисти
Ложатся они и светлей, и лучистей.

И, одновременно –

Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

На ряду с этим, во сне Адама намечена и тема грехопадения – но поскольку она пока только сон, она звучит несколько прикровенно. Поскольку Адам пробуждением возвращен в рай, время, проведенное во сне, одновременно является символом иллюзорности земного времени и даже вся греховная история человечества выглядит, как иллюзия. И еще одна мысль – Адам в земной жизни – умирает, чтобы пробудиться в раю. Изгнание из рая – еще впереди, но трудности земного бытия, которые Адам видит во сне, показаны очень ярко:

Он новые мысли, как светлых гостей,

Всегда ожидает из розовой дали,
А с ними, как новые звезды, печали
Еще неизведанных дум и страстей,
Провалы в мечтаньях и ужас в искусстве,
Чтоб сердце болело от тяжких предчувствий.

Характерно, что поэт здесь вводит тему страстей, причем, они показаны как бы параллельно культуре и в органической связи с ней. Намечена даже тема тщетности культуры – «провалы в мечтаньях и ужас в искусстве». Эта художественная формула, как бы предчувствие современной нам ситуации в мире – человечество не только разочаровалось в себе, но и устало от своих утопий. Гумилев обладает даром художественного прозрения, как собственной судьбы, так и судеб всего человечества. О своей смерти он писал неоднократно. А тема культуры и судьба Адама – это, собственно, одна и та же тема. Судьба Адама полна искушений. Естественно, что тема искушений занимает в творчестве Гумилева важное место (в частности – в любовной лирике и в трагедиях). Слова «искусство» и «искус» – одного корня. Поэзия Гумилева дает развернутую и очень сильную в своей трагичности картину человека – христианский оптимизм дается ему нелегко. Поэт ничего не упрощает. Стихотворение «Потомки Каина» с огромной силой ставит проблему искушения. Это краткое стихотворение, написанное в форме сонета, рисует грехопадение и одновременно – надежду на искупление. Основной упор приходится на последние строки. Человечество, поддавшись искушению, словно уже забыло о Боге. И однако:

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,

Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

В сонете «Потомки Каина» тема искушения передана с такой естественностью, с такой внутренней правдивостью и художественной убедительностью, что звучит вовсе не как традиционная тема христианской культуры, а как лирическая тема, как бы впервые возникающая в виде диалога поэта с самим собой. Любая тема у Гумилева всегда как бы вновь возникает из опыта непосредственного переживания.

Гумилев – мастер точной и ответственной художественной формулировки. Одновременно, он, как и многие художники, тонко ощущает внутреннюю взаимосвязь всех явлений в мире. Для него эта взаимосвязь есть не только одна из закономерностей объективного бытия, но еще и производное от состояния человеческой души, от желания пережить в себе красоту этого единства. В этом отношении очень интересно стихотворение «Солнце духа», которое мы приводим полностью:

Как могли мы прежде жить в покое
И не ждать ни радостей, ни бед,
Не мечтать об огнезарном бое,
О рокошущей трубе побед.

Как могли мы . . . но еще не поздно,
Солнце духа наклонилось к нам,
Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам.

Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму,

Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды,
И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Это стихотворение во многих отношениях представляет значительный интерес. Здесь имеется в виду и отдельный человек и большие группы людей. Центральная мысль здесь – духовное преображение мира. Солнце духа прежде всего является индивидуальной душе. «Солнце духа» может означать чисто духовную реальность, но может быть символом художественного или интеллектуального сдвига и озарения. Во всяком случае, при свете этого солнца вся природа преображается, а человек, как малый космос, осознает себя в контексте этой одухотворенной и обновленной природы. Этим озарением человека, природе как бы возвращена ее изначальная духовная сущность (ведь и человек и природа – дело рук одного Творца). Природа – школа для человека:

В дикой прелести степных раздолий,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Природа здесь превращается в символ иной, высшей

реальности:

И от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

А если перевести это стихотворение в чисто субъективный план, оно может прозвучать, как предчувствие смерти поэта.

В том же сборнике («Колчан») читаем:

Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной,
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.

Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;

Стихи эти говорят сами за себя. Здесь подчеркнуто не только видение Фаворского света, но и связанное с этим желание поэта отказаться от того, что составляло самую суть его художественного мира – «суша и море» изображены, как «дремучий сон бытия». Не отзвук ли это «сна Адама», за которым следует преображение в новую жизнь? В этих двух строфах из длинного стихотворения выражены основные религиозные искания Гумилева. И даже в любовной лирике этого периода слышатся отзвуки тех же мыслей:

Храм, Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.

.....

Точно благовест Твой, весна
По веселым идет полям,
А весною на крыльях сна
Прилетают ангелы к нам.

Если, Господи, это так,
Если праведно я пою,
Дай мне, Господи, дай мне знак,
Что я волю понял Твою.

Перед той, что сейчас грустна,
Проявись, как Незримый Свет,
И на все, что спросит она,
Ослепительный дай ответ.

Ведь отрадней пения птиц,
Благодатней ангельских труб
Нам дрожанье милых ресниц
И улыбка любимых губ.

«Канцона Вторая»

Это стихотворение мы приводим почти полностью, не только потому, что приводить его в отрывках, значит разрушать образно-художественную мысль, но и потому, что это одно из самых ярких стихотворений поэта. Оно может служить примером того, с какой легкостью религиозная тема вплетается даже в стихи, написанные в жанре любовной лирики. Этот жанр, как известно, занимает у Гумилева очень важное место. Именно здесь, как видно из приведенного стихотворения, сплетаются самые разные темы, потому, что для Гумилева любовная лирика есть, собственно, тема самой жизни, тема искусства и художественного творчества. Любовная лирика у него не есть отдельная тема или жанр, а скорее,

сам принцип видения мира. Мы отмечали уже, что одной из сквозных тем его поэзии является тема культуры. Именно культура и является той средой, тем пространством, в котором возникает, на которое проектируется любовная лирика поэта. Женский облик, созданный Гумилевым, совершенно неотделим от всего, чем живет поэт. В женском облике преломляются для него все оттенки художественных восприятий. Приведенное стихотворение («Канцона Вторая») принадлежит к строгой средневековой традиции. Эта форма (канцона) предполагает краткое стихотворение на философскую тему, с обязательным, несколько торжественным обращением к женщине. Таким образом, открывается возможность соединить женский облик с самыми утонченными темами философии и метафизики. Такая поэзия была особенно популярна в Западной Европе в эпоху позднего Средневековья и раннего Возрождения. К этому направлению принадлежали, между прочим, Данте, Петрарка и французский средневековый поэт Рюдель. «...Любовь одна / В тринадцатом столетии, как в этом, ...» – говорит Гумилев в стихотворении, где он вспоминает Рюделя «Роза». Введение религиозной темы в лирику для раннего Возрождения естественно – Гумилев продолжает эту традицию на русском фоне. Разумеется, что любовная лирика (как и всякое искусство) принадлежит к области душевно-эмоциональной, а не духовно-религиозной жизни. Ясно и то, что религиозная тема может и должна освещать область именно душевной жизни человека. Любовная лирика Гумилева предполагает очень глубокую, тонкую и богатую ассоциациями искусства, культуру эмоций (из этой-то культуры эмоций как раз и создается поэзия). Вне этой культуры любовная лирика Гумилева не мыслима и не понятна. Характерно, меж-

ду прочим, что, говоря о старинных соборах, (стихотворение «Средневековье») где попутно развивается тема труда и мастерства архитекторов, а так же раскрывается религиозный смысл их работы, Гумилев пишет:

Пока они живут на свете,
Творят закон святого сева,
Мы смело можем быть как дети,
Любить друг друга, Женевьева.

Итак – любовная тема развивается как бы в тени готического собора.

Поэзия Гумилева дает не только красочную картину мира, но создает сложный и глубокий образ человека (созданный им женский облик интересен именно в этом отношении). В основном, человек у Гумилева характеризуется художественной восприимчивостью и одаренностью. Но, кроме этого, для него характерно желание и умение «сделать» свою жизнь, раскрыть себя в мире, стать его «хозяином» (тема, намеченная еще в «Сне Адама»). Позднее, он писал:

Я люблю избранника свободы,
Мореплавателя и стрелка,
Ах, ему так звонко пели воды
И завидывали облака.

(«Память»)

Один из его центральных образов – «Муза Дальних странствий» – есть, конечно, не только тяга в даль, не только романтика путешествий в далекую Африку, а прежде всего, внутреннее состояние человека-художника, его стремление всю полноту мира вместить в себя. Приятие мира тут подсказано мыслью о том,

что мир создан Богом для человека, человек живет в мире, как душа в теле. Отсюда – нравственная обязанность человека в мире. Нравственная ответственность – часть того порядка, который человек может и должен принести в мир:

Но тому, о Господи, и силы,
И победы царский час даруй,
Кто поверженному скажет: – Милый,
Вот, прими мой братский поцелуй!
(«Война»)

Так пишет поэт в одном из своих «военных» стихотворений, обращаясь к побежденному противнику.

Как известно, жизнь Гумилева связана с одной из самых страшных эпох русской и мировой истории. Мало того. Это была эпоха, когда рушились самые основные ценности и устои прошлого. Будущее не только представлялось страшным, но, став действительностью, оказалось ужаснее, чем можно было вообразить. Все это не могло пройти, и не прошло, мимо Гумилева. Трагические черты его поэзии (хотя бы, постоянная мысль о смерти, лучше сказать – память смертная) на этом фоне более, чем закономерны. В связи с этим, то религиозное приятие мира, о котором тут много говорилось, не только шло вразрез с объективным содержанием эпохи, но казалось многим из его современников до нелепости парадоксальным, могло даже восприниматься, как своеобразное юродство. И, однако, именно эту позицию поэт несомненно считал своим долгом. Сохранять эту позицию можно было только путем огромного волевого напряжения. Во исполнение долга, Гумилев был готов на смерть – и принял смерть.

В его поэзии последних лет усиливаются трагиче-

ские черты. Одно из самых мрачных стихотворений Гумилева, «Заблудившийся трамвай», переносит нас в эту атмосферу сгущающейся беды:

...
Вывеска . . . кровью налитые буквы
Гласят – зеленая, – знаю, тут
Вместо капусты и вместо брюквы
Мертвые головы продают.

В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими
Здесь, в ящике скользком, на самом дне.

А в переулке забор дощатый,
Дом в три окна и серый газон . . .
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон!

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косой
Шел представляться Императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет,
Люди и тени стоят у входа
В зоологический сад планет.

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня

Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

И все же навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить . . .
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так грустить и любить.

(Сборник «Огненный столп», 1918)

Это одно из самых удивительных стихотворений Гумилева. Вероятно и одно из самых трудных. Для полной расшифровки этой вещи у нас почти нет данных. Можно только попытаться выделить некоторые основные темы. В этом стихотворении современность сопоставлена с историей и с судьбой России-Империи. А Империя в эти годы только что погибла. Современность, история, гибель Империи – все это преломляется в личности поэта, который предчувствует свою собственную гибель. Судьба человека уже не зависит от него самого – его как бы несет бесконтрольная злая и слепая сила (в этом смысл образа «заблудившийся трамвай»). Образность стихотворения – экспрессионистична – за окнами вагона мелькают клочки времени, мелькают Нева, Нил и Сена. Врывается лирическая тема, касающаяся самого автора («Машенька, ты здесь жила и пела . . .»). Контекст, в котором появляется «Машенька» позволяет видеть в ней символ исторического прошлого (Империя, по всей вероятности – Екатерининская эпоха, отзвук «Капитанской Дочки» – тем самым, может

быть – Пугачевского бунта – история повторяется). Смерть Машеньки сопоставлена с гибелью того мира, к которому принадлежит поэт. Все сместилось со своих мест, всякая реальность изменила лицо. Памятью Империи звучат потрясающие по своей динамике строки о Медном Всаднике. Переключка с Пушкиным тут – характерна. Чрезвычайно важно, что и в этот момент краха и отчаяния все же, единственно постоянным является Исаакиевский собор, «верной твердынею православия». («Там отслужу молебен о здравьи / Машеньки и панихиду по мне»). Если «Машенька» – символ Империи, то молебен о ее здравии есть молитва о воскрешении Империи, и, кроме того, вера в то, что смерть Машеньки не абсолютна. Но тут же поэт остро предчувствует свою смерть. В плане принципов творчества Гумилева очень важно и характерно, что тема Истории – Империи органически сливается для него с личной, лирической темой. Именно эта способность пережить в себе полноту времен и катастрофических судеб истории и культуры, и соединить все это в самом дорогом для него женском облике – является одной из характерных особенностей художественного мышления Гумилева. Даже в этом стихотворении, благодаря религиозной теме – последняя безысходность трагедии отсутствует или – преодолена.

Итак – принципиальный религиозный оптимизм поэта куплен дорогой ценой. Этому религиозному мировосприятию Гумилев был верен до конца. В нашу задачу не входило проследить все пути, все движения гумилевской поэзии. Нам хотелось лишь указать на самый факт, на самую возможность такого явления как Гумилев, в близкую нам, страшную эпоху.

Гумилев – служитель художественного слова:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

Но забыли мы, что осиянно
Только Слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это Бог.

...

(«Слово»)

Слово поэта тоже есть власть и творческая сила. Хотя Гумилев был по преимуществу, именно поэтом, необходимо отметить у него особую глубину в постижении – наперекор всему – изначальной светлой стихии и осмысленности мироздания и человеческого творчества. Можно даже сказать, что культура у него – понятие религиозное. Так же и Слово для него – атрибут Высшей Силы. Голос Гумилева звучит сегодня, как голос самой России – той России, которая всем смыслом своей истории неразрывно связана с религиозной правдой:

Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут ясны
Стены нового Иерусалима
На полях родной страны.

(«Память»)

В области поэзии, Гумилеву было открыто многое – от полотен Фра Беато до полей Великой Войны,

Здесь священник в рясе дырявой
Умиленно поет псалом;
Здесь играют марш величавый
Над едва заметным холмом.

(«Смерть»)

Умирая, поэт был готов «...представ пред ликом Бога ... ждать спокойно Его суда». («Мои читатели»). Жизненную задачу свою Гумилев выполнил. Прожив только тридцать пять лет, он создал единственную в своем роде картину мира и человека. Он своим художественным опытом засвидетельствовал полноту и творческую мощь христианской культуры.

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

Делаем наборы текстов на английском, русском (по новой и старой орфографии), церковно-славянском языках на электронной машине Мергенталер.

MULTILINGUAL TYPESETTING

56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, N.Y. 10989
Tel. (914) 268-3782

Tatiana A. Rodzianko, Ph.D., Owner

КРЕСТНЫЙ ХОД

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.А. ХВОСТОВА)

В старинном монастыре, постройки еще Удельного времени, находилась древняя икона Божьей Матери, по преданию та самая, которая явилась во сне Тохтамышу и тем отвратила его нашествие на эту часть Руси. Икона была очень большая, больше сажени вышины и не менее двух с половиной аршин ширины. Обыкновенно во время засухи мужики соседних деревень стоваривались и шли за двенадцать верст в город подымать икону.

Был тихий вечер, жара спала и только слышны были неугомонные сверчки, предвестники длительной засухи. Наконец, где-то издалека послышалось пение. Это не было тем пением, что обычно понимают под значением этого слова. Отдаленный, все нарастающий гул, неясный шелест шагов по пыльной дороге, раздельный стук колес, дыхание сотен грудей и чуть уловимый ритм напева, больше чувствуемый, чем слышимый, но покрывающий все, точно впитывающий в себя все другие звуки и делающий их своим аккомпаниментом.

Мы пошли быстрее, взошли на пригорок, и удивительное зрелище открылось передо мной. В лучах догорающего солнца золотом, тысячами огней отсвечивала Чудотворная икона. Она точно плыла над толпою. Не было видно длинных жердей, на которых был укреплен киот, не было видно тех, на чьих плечах гнетом лежали эти жерди. Было видно только Заступницу, строгий лик Ее, древнего письма, и горящую драгоценными камнями ризу.

Спереди и с боков шли бабы и девки в пестрых, разноцветных платках. Встречный ветерок донес слова молитвы: «Милостивая о нас перед Богом Заступнице» . . .

Мы пошли быстрее навстречу. Икона подходила. Заметив нас, шествие остановилось и носилки с иконой поставили на землю. Алексей Андреевич пошел первым, за ним я. Мы оба приложились к иконе и, низко склоняясь почти до земли, подошли под нее, чтобы очутиться на другой стороне.

По обычаю, не сделавший этого, лишался заступничества до следующего прихода иконы.

Владычицу подняли. Мы оба встали к переду жердей, подняли вместе с народом икону, и понесли. Тем, кто маленького роста, нести икону было трудно, но не тяжело. Но мы оба с Алексеем Андреевичем были люди рослые, и потому жердь носилок влегала в плечо почти всей своей тяжестью. Я до сих пор не могу понять этого чувства. Плечо болело, но как радостно и легко было идти. Верилось, что впереди все ясно и спокойно, что весь народ, и мужики и мы, движимые одним чувством, одной верой, по всеобщему обычаю, со стародавних, еще дедовских времен утвержденному, несет на себе икону Богоматери, веря в Ее помощь и прося поддержки и заступы в своем тяжелом труде земледельца.

Икону принесли в дом, где она должна была переночевать. Старик священник, шедший с нею от самого города, облачился и началась всенощная. В большой зале, где заранее была приготовлена крепкая, чугунная садовая скамейка, покрытая скатертью, стояла Чудотворная Икона, перед ней на маленьком столике лампада. Два бра были зажжены, лампы не зажигались. Это была не церковь, это была не прежняя зала, это была часть Божьего храма, часть слу-

чайного пристанища на земле и Владычицы и нас, прохожих и путников на той же земле.

Мужики и бабы столпились в зале. Все стояли не как в церкви, отдавая передние места господам, нет. Все стояли как кто стал. Алексей Андреевич был где-то в стороне, а на том месте, где, казалось бы, надо стоять ему, стоял старик конюший и никто не думал, что он своими подкованными сапогами может разодрать тонкий текинский ковер. «Радуйся, Владычице, милостивая о нас перед Богом Заступнице... Вопием Ти Богу песнь Аллилуия, Аллилуия, Аллилуия...»

Я, кажется, в первый раз с детства так искренне молился. К душе прихлынуло радостное, теплое чувство, точно опять я стал ребенком, точно все заботы, все неприятности и тяготы жизни ушли куда-то, отошли от меня навсегда. Точно могу я опять прийти к отцу или к матери и они снимут с меня этот гнет, эту жизнь, с которой бороться и трудно и тяжело, и что я, как прежде, спокойно, легко пойду спать.

Я помню, в детстве после какой-нибудь неприятности с сестрами или приятелями, такими же мальчиками, как и я, или после наказания и полученного прощения, так хорошо было лечь на свежую постель, последний раз всхлипнуть не слезами, не голосом, а так, беззвучно, внутренне как-то, – и заснуть... Так же было мне и сейчас – легко и радостно.

На другое утро икону подняли с рассветом, так что я еще не успел одеться. Вошел в зал. Скамейка была уже убрана и лишь неуловимый след запаха дегтярных сапог, ситца и тонкой струйки ладана остался там. Икона ушла, и жизнь снова вступила в свои права, та жизнь, от которой так радостно было уйти в эти несколько сладостных минут вечерней молитвы.

ЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ.*

Публикуемые ниже «Личные впечатления в связи с Ялтинской конференцией» Олега Олеговича Пантюхова вполне могли бы иметь подзаголовок – «Как я был удален с Ялтинской конференции по требованию советчиков».

Как известно, Ялтинская конференция продолжалась с 4 по 11 февраля 1944 г. Рузвельт и Черчилль прибыли на конференцию 3 февраля. О.О. Пантюхов прилетел 2 февраля, а 6 февраля был уже в Каире, т.е. был свидетелем только прибытия Рузвельта и Черчилля, переезда Рузвельта с аэродрома в Саки во дворец в Ливадии, размещения свиты президента во дворце и последних приготовлений к конференции. Несмотря на такое ограничение во времени и почти только внешние впечатления от виденного, воспоминания О.О. Пантюхова читаются с большим интересом, а иногда прямо, как говорится, берут за живое русского читателя. Дело в том, что О.О. Пантюхов является сыном Олега Ивановича Пантюхова, известного основате-

* Глава из мемуаров – дневника «Меж двух миров» Олега Олеговича Пантюхова, полковника Армии Соединенных Штатов в отставке.

Перевод с английского О.М. Родзянко, редакция В.И. Алексеева.

Фотографии сделаны автором и на них имеется авторское право © 1984.

ля русского скаутизма, офицера русской императорской армии. Случилось так, что родители Олега Олеговича после захвата власти в России коммунистами бежали в Крым, в Ялту, как раз в те места, где Олег Олегович волею судеб, через четверть столетия, очутился в качестве американского офицера связи. Именно сопоставление воспоминаний детства с описанием впечатлений 1944 года и делают воспоминания такими особенными и запоминающимися. После сказанного, казалось бы, можно не задавать вопроса, почему советская сторона потребовала удаления с Ялтинской конференции русского переводчика антикоммуниста? Тем не менее, и этот вопрос не лишен своего интереса. Дело в том, что Олег Олегович в той же роли был терпим на конференции в Тегеране и даже был допущен побывать в СССР в 1943 году.

Хотя Олег Олегович и не упоминает об официальных аргументах, выставленных советской стороной при его удалении из Ялты, о них легко можно догадаться. Именно в Ялте ставились точки над и не только в вопросе о фактическом предательстве Польши и Восточной Европы демократиями, но и о второстепенном для Рузвельта и Черчилля вопросе, касающемся судьбы перемещенных лиц, бывших советских граждан, оказавшихся на территории, контролируемой Греманией, в качестве так называемых «остовцев» (восточных рабочих), военнопленных, членов подразделений германской армии или идейных врагов Сталина – участников Русской Освободительной Армии (Р.О.А.). Вопрос стоял об их добровольном или принудительном возвращении на родину.

В настоящее время уже существует достаточно богатая литература о принудительных выдачах Сталину идейных антикоммунистов и просто не-

счастливых жертв обстоятельств, связанных с войной. В Англии недавно был поставлен памятник этим жертвам трагических ошибок свободного мира. Для интересующихся этим вопросом можно рекомендовать, например, потрясающую книгу графа Николая Толстого (прямого потомка знаменитого писателя), подведшего итог вопросу в тщательно документированном труде, основанном не только на всем уже опубликованном материале, но на $\frac{3}{4}$ материале неопубликованном. (См. Tolstoy, Nikolai "The Secret Betrayal." New York, Scribner's, 1977. British ed. published in 1977 under the title "Victims of Yalta").

Толстой очень подробно показывает, как постепенно сначала англичане (главным образом лично министр иностранных дел Иден), а потом и американцы, не без влияния англичан, скатились к прямому нарушению собственных демократических принципов и Женевской конвенции, преодолевая сопротивление собственной совести и отдельных военных и политических деятелей. Именно некоторые колебания в этом вопросе в демократическом лагере и заставили коммунистов принимать особые меры предосторожности на Ялтинской конференции, сыгравшей решающую роль вообще в судьбе всей послевоенной Европы. Участие русских эмигрантов в Ялтинской конференции, хотя бы в качестве только переводчиков, могших, чего доброго, предупредить своих несчастных соотечественников о грозящей им принудительной выдаче, было более чем нежелательно Сталину. Поэтому в нужный момент, в нужном для коммунистов месте и было предъявлено требование об удалении не только О.О. Пантюхова, но и другого русского – князя Щербатова, которому даже не позволили высадиться в Крыму. Почему Рузвельт, представлявший могущественную Америку,

и его сотрудники так легко согласились на советские требования, конечно, является вопросом, на который воспоминания О.О. Пантюхова не дают прямого ответа.

В другой своей, пока еще не изданной книге, Олег Олегович рассказывает об эпизоде, относящемся к 1946 году, когда, услышав о решении американского командования выдать Советскому Союзу одного из ближайших сотрудников генерала Власова, генерала Малышкина, он предупредил об этом генерала Туркула, известного героя Белого движения, присоединившегося к Власову, но не подлежащего выдаче, т.к. он был «старым эмигрантом». Сталин знал, что делал, когда удалял с Ялтинской конференции русских переводчиков антикоммунистов.

Василий Алексеев.

В течение четырех лет войны Советское правительство получило от Соединенных Штатов горы боеприпасов – самолеты, танки, грузовые машины, паровозы, снаряжение, а так же и продукты питания и многое другое для нужд гражданского населения – всего на сумму почти в одиннадцать миллиардов долларов. Наибольшая часть этого фантастического количества припасов была переправлена в СССР через Персидский залив и Иран, где в 1942-45 годах было расположено тридцать тысяч американских войск под начальством ген. майора Коннолли. Я был тогда его личным адъютантом, переводчиком и офицером связи, в чине майора.

После Тегеранской конференции генерал Коннолли с пятью офицерами его штаба, включая и меня, был приглашен в Советский Союз для проверки ис-

пользования американских доставок по «Ленд Лизу» на фронтах Красной Армии.

В Советском Союзе мы пробыли целых шесть недель. Были мы в Сталинграде, Москве, Ленинграде, Киеве и, в январе 1944 года, в Житомире, который тогда только что был освобожден войсками Красной Армии. Для меня лично эта поездка была совсем чем-то сверхъестественным и иногда казалась детским сном. В Москве мы были во время больших побед. Были мы в Кремле, в Историческом музее (где я видел знамя Суворова) и на Пятницкой улице, где я видел дом № 54, в котором мы жили в октябре-ноябре 1917 года и из которого сначала отец, а потом и все мы бежали в Крым. В Ленинграде-Петрограде наша Миссия была на берегах Невы, где родился я, а «может быть родились вы...». Это было в последних числах декабря 1943 года, когда город еще обстреливался с юго-запада. Когда мы были в Смольном, я хотел узнать в каких именно комнатах заседал в 1917 г. Ленин. Проезжая по Кронверскому проспекту, я увидел дом № 23, где когда-то была квартира моей бабушки. После осмотра части Кировского завода, мы поднялись на единственную там уцелевшую вышку, но Пушкина, или Царского Села, не было видно из-за стены глубокого тумана, и я, увы, не смог увидеть место, где, когда я был мальчиком, стоял и жил Собственный Его Величества Стрелковый Батальон. Все это я детально описал в 14 и 15 главах своих воспоминаний.

В декабре 1944 года генерал Коннолли, мой генерал, получил предписание вернуться в Вашингтон. Думая, что его новое назначение после успешной работы с советами в Иране будет тоже связано с Советским Союзом, он взял с собою в Вашингтон и меня.

По возвращении в Америку, одно из первых пи-

сем полученных мной было от моего старшего друга, почтенного Николая Дмитриевича Погожева, в 1915-16 годах лейтенанта Гвардейского экипажа. Теперь он меня приветствовал целой эпической поэмой о моей двухлетней службе с советчиками, включая и мою поездку в Россию, где писал и о «шальной пуле», которая могла стать моим концом, но не нашла меня...

* * *

10 января 1945 г. Вашингтон.

В сегодняшнем номере газеты «Таймс» большой заголовок о том, что американские войска высадились в ста милях от Манилы, столицы Филиппин, и заняли четыре береговых позиции. Говорится, что высадки с армады в 800 судов представляют из себя самую большую заокеанскую морскую экспедицию в истории человечества. Генерал Мак-Артур на суше с войсками.

Немецкий прорыв в Европе – у Арденнского леса – ликвидируется, и теперь немцы там находятся в катастрофическом положении, но на Северном фронте положение Красной Армии без перемен. Красная Армия все еще находится под Варшавой, но пока не двигается с места.

18 января 1945 г. Вашингтон.

Варшава в конце концов досталась советским войскам, но не совсем в соответствии с польским планом. Поляки в Варшаве, под предводительством генерала Бора, подняли восстание против немецких оккупантов, чтобы помочь Красной Армии занять

столицу. Но Красная Армия, под командой маршала Жукова, не сдвинулась с места и не перешла реку. Сталин отказался принять помощь польских патриотов и сознательно оставил 300.000 варшавян на гибель от немецкой бешеной атаки вместо того, чтобы помочь им освободить город.

25 января 1945 г. Вашингтон.

Какой-то отдел, неизвестный мне, пожелал меня «одолжить» на две недели, и сегодня я уже получил в письменной форме приказ явиться через два дня в аэропорт. Командировка секретная, но не засекреченная часть приказа гласит, что мне предстоит лететь в Касабланку для выполнения «Миссии Семнадцать». Срочность дела видна из того, что в приказе указан приоритет полета-«номер один». Дело спешное! Все сулит, что Миссия № 17 будет намного интереснее, чем сидение за канцелярским столом, но она отнимет у меня второй «уикенд» дома; придется позвонить Наташе и изменить наши планы. Я буду в Африке...

28 января 1945 г. Тунис, Северная Африка.

Был ли кто-либо на самолете во время рейса с тем же назначением, что и я, я не знал, да и спросить не мог – задание секретное. В моем багаже была теплая одежда, выданная мне командованием Воздушных сил, и я старался понять, к чему мне подбитые мехом сапоги и теплая куртка в Африке, даже и в январе. На этот раз я путешествую один, и то «почетное» обслуживание, к которому я привык, будучи адъютантом генерал-майора, в этой поездке кануло в прошлое, несмотря на то, что с декабря месяца я

получил производство в подполковники. Отсутствие минимального комфорта я остро ощутил, когда сел на одно из холодных металлических сидений у продольной стены неизолированного кузова DC-3. Когда же самолет поднялся, в нем стало еще холоднее. Это мне напомнило о том, как мы чуть было не замерзли в Сталинграде в декабре 1943 года. Во время полета нам не дали даже закусок и кофе. Человек, сидевший справа от меня, был штатским. Он был одним из трех, везущих кино-аппаратуру, чтобы показывать фильмы «там», но он тоже не знал, где находилось это «там», куда его отправляли.

Наш самолет спускался на Бермудских и Азорских островах для заправки горючим. В Касабланке, после горячего обеда, мы пересели в другой самолет, который наконец доставил нас сюда – в Тунис. В данный момент после ужина, в гостинице, я сижу и пишу свои короткие путевые заметки. В столовой было около двадцати офицеров, большинство из авиации. Один из них, суший идиот, к которому я не очень прислушивался, в присутствии незнакомых лиц и официантов сказал что-то вроде того, что следующая Конференция Трех Великих будет в Ялте... Слово «Ялта» задело меня за живое. Неужели, после того, как я был на Конференции Великих Трех в Тегеране, а затем, с американской военной миссией, в Ленинграде, Киеве и Тифлисе в 1943 и 1944 годах, я снова буду на русской земле в Ялте, не только еще на одной важной конференции, но, к тому же, там, где я жил мальчиком в 1917-1918 годах! Одна мысль об этом вызывала во мне необыкновенное волнение. Что касается упомянутого слова «Ялта», то мне казалось тогда, что я должен был бы доложить по начальству о том лице, которое это слово произнесло. Под чьим бы начальством этот человек ни находил-

ся, сказав то, что он сказал, он либо высказывал свои предположения, либо выдавал государственную тайну. Но никто из слушающих и глазом не моргнул, когда он говорил: то ли остальным было не до того, то ли они уже об этом знали раньше, хотя я уверен, что мало кто из них даже знал, где находится эта самая Ялта. Делая свои путевые заметки, я ставлю «Х», чтобы не называть Ялту и не упоминать Великих Трех. А пока комната у меня теплая и, кажется, горячей воды сколько угодно. Это больше, чем что-либо вознаграждает за отсутствие удобств, бывших до сих пор в пути.

29 января 1945 г. Остров Мальта.

Прилетел я сюда вчера и уже успел пройтись по столице. Портовый район заметно разрушен, хотя многое успели почистить и подправить. Исторические здания владений Ордена Мальтийских рыцарей не реставрированы и закрыты для посетителей. Для строительства на острове, повидимому, веками пользовались здешним песчаником из местных каменоломен. Он совсем мягкий: я видел, как рабочие пилили этот камень чем-то вроде простой пилы и аккуратно закрывали им дыру, пробитую в здании бомбой. Я сфотографировал самую большую достопримечательность Лавалетты – гигантскую статую льва на площади. Занятна здесь архаическая одежда женщин из соседних деревень. Они ходят в длинных черных платьях с кружевами и носят огромные черные шляпы с широкими полями, почти в три фута шириной, поддерживаемыми проволокой, напоминая собой что-то средневековое, будто это крылатые насекомые громадного размера.

Вернувшись вовремя к обеду, я столкнулся со

старшим лейтенантом запаса флота Робертом Миклджоном, секретарем посла Харримана. Он сказал, что спешит к обеду на борту одного из кораблей военного флота США в порту Лавалетты. Он весь сиял, так как впервые шел на борт военного корабля! Я пожелал ему приятного аппетита и пошел своей дорогой, но я был уверен, что он не попадет на крейсер «Квинси», так как теперь я уже знал, что президент не ожидается здесь раньше 2 февраля.

В нашей столовой я встретил своего старого коллегу из Тегерана Е.Д., который был теперь в чине майора.

30 января 1945 г. Афины.

Прилетев в Афины, я узнал, что там нет самолета для дальнейшего рейса и не предвидится такого на следующий день. Все здесь слишком спокойны, и я спрашиваю себя, знают ли в этом британском аэропорту, что здесь в данный момент находятся люди по пути на важную конференцию?

Меня и персонал американской авиации поселили в отеле без отопления. Кое-кто винил в этих неполадках немцев, которые испортили отопление, уходя из города в ноябре; другие же говорили, что сделали это коммунисты перед исчезновением в горы. На дворе температура стояла ниже точки замерзания, и, при этом, не было почти ни единого стекла в окнах. Офицеры авиации, которые находились здесь уже некоторое время, не растерялись и раздобыли армейские походные газовые печки, которые они зажигали в комнатах, чтобы греться. Эти печурки недурно обогревали помещения, но только у меня такой печурки не было.

К полудню стало чуть теплее и, зная, что само-

лета в направлении Ялты нет, я отправился осматривать город, которого еще не видел. Получить армейский джип с шофером греком, говорящим по-английски, оказалось легко. И вот, меня уже везут на Акрополь – Парфенон и малый храм с его пятью прелестными кариатидами. Все пять одинаковы на вид, но мой шофер утверждает, что только одна из них подлинно античная статуя. Шофер Дамаскинос (то же имя, что у правящего епископа) рассказал мне о недавнем коммунистическом восстании и, чтобы уверить меня в том, что и сейчас еще не совсем спокойно, указал мне на большое количество вооруженных патрулей милиции с особыми повязками на руках и в фуражках военного покроя. Я попросил Дамаскиноса снять меня с тремя такими улыбающимися «защитниками».

Кажется, враждующие группы собираются заключить мир, но сейчас все говорят о массовых убийствах, которыми занимались красные перед тем, как они, якобы, ушли через северную границу. Некоторые подразделения красных состояли из болгар, другие из других иностранных коммунистических элементов, без сомнения «добровольцев» – вроде тех, которые были в свое время в Испании, и, возможно, даже более жестоких, чем те. По последним сведениям, не менее тысячи трупов было найдено только в одной братской могиле на севере. И, чтобы добавить еще более ужасающую подробность, в сообщении говорится, что все они были убиты «топорами и ножами...». Дамаскинос сказал, что обо всем этом он знает, и предложил мне показать поблизости такое же место массовых убийств, оставленное ЭЛАСами (ЭЛАС – греческие начальные буквы слов, которые значат: Национальная Народная Освободительная Армия). И действительно, на местном кладбище мы

увидели около сорока полузамерзших трупов. Как мне сообщили, это были афинские коммерсанты и их жены. Они были взяты заложниками, но, по всей вероятности, вскоре были выведены на кладбище и расстреляны там со связанными руками. Почему их до сих пор не похоронили, не знаю. На солнце трупы долго не останутся замерзшими. Женщины в черном, разыскивая своих родных и друзей среди убитых, закрывали себе нос платками, проходя по месту убийства...

Вернувшись, я очень обрадовался, когда мне сообщили, что я могу лететь дальше на следующее утро в 0600.

Чтобы успеть уехать в шесть, мне надо было встать до пяти утра и побриться ледяной водой. Завтрака мне не дали, но от британского коменданта на аэродроме выдали купон на чай. Даже чай был по карточкам! Я зря просидел все утро на холодном летном поле пока мне не сказали, что рейс, хотя и ожидался раньше, теперь отменен. Радио сигнал, или ракетный сигнал не получен, и более поздний рейс сегодня невозможен из-за ранней темноты...

2 февраля в шесть утра я снова был на аэродроме. Выпил британского чаю. Сигналы все еще не пришли, но несмотря на это решено было все же лететь: время не терпит. Я влез в маленький двухмоторный самолет. Там кроме меня оказался еще один пассажир – какой-то полковник воздушных сил. Я спросил, в котором часу нам положено прилететь к месту назначения. Он не знал. Чтобы поддержать разговор, я поинтересовался, что за белая масса покрывала крылья самолета. На это мой сосед ответил, что об этом не стоит беспокоиться. «Этот снег сдует с крыльев, как только мы подыдемся», – сказал он. Вскоре мы поднялись в воздух и так же скоро

рухнули на одно крыло – белая масса оказалась не снегом, а льдом. Несмотря на то, что никто из нас не пострадал, считалось, что мы официально поднялись с земли и потому официально потерпели крушение. Автомобили скорой помощи и пожарные машины примчались к месту аварии «спасать» нас, в то время как мы вылезали из самолета без единой царапины. Несмотря на это, по правилам британского аэродрома, мы должны были явиться на санитарный пункт, куда нас доставили в карете скорой помощи. Пока нас, целых и невредимых после крушения, мчали в карете скорой помощи по разрытым бомбами и плохо починенным дорогам, пилот набил себе шишку на голове.

Нас всех отпустили, как здоровых, но самолет требовал починки: нужен был новый кончик крыла. Другого самолета в моем направлении не предвиделось и я готов был списать со счета конференцию, которая несомненно уже началась. Однако, я все еще оставался на холодном ветру на аэродроме, изредка получая талоны на кружку чая.

Я ждал не зря. В-17 бригадного генерала Джима Стоувелла приземлился вне графика для заправки горючим. «Сигналы», о которых речь шла ранее, все еще не были получены, но генерал собирался лететь в «Х» (Ялту), не дожидаясь их. Аэроплан был почти пустым, и меня приняли на него и даже угостили превосходным завтраком. Мы летели над облаками и, как я предполагаю, над Эгейским морем и Галлиполи. Когда мы были над Мраморным морем и чуть-чуть снизились, я увидел Принцевы острова и Мраморное море – то и другое когда-то так хорошо знакомые мне. Затем мы пролетели прямо над Константинополем. Я, конечно, узнал Золотой Рог, Святую Софию, Босфор и Румели-Хисары. Все это заставило

меня перенестись на сто лет назад! Единственным признаком изменений были недавно вырытые зигзагами окопы и противотанковые рвы прямо под нами и чуть на север. Враг сюда не дошел и окопам теперь предстояло быть снова засыпанными.

Хотя день был облачный и солнце не блестело на Золотом Роге и на куполах, вид под нами казался мне красочной панорамой Востока. Здесь мы слегка изменили наше направление к северу и, как мне показалось, очень скоро пересекли Черное море и опустились в Саки. Никто не потребовал от нас опознавательных сигналов и не попытался нас сбить.

Перед тем как разрешить пассажирам ступить на землю, целой батареей советских киноаппаратов были сделаны снимки всех, бывших на борту нашего самолета. Я почувствовал что-то подозрительное в этой, яко бы дружественной, процедуре, будто бы имеющей целью нашу охрану. Каждый из нас должен был заполнить нечто вроде эмиграционной анкеты, которая включала, помимо других вопросов, еще и вопросы о нашей родословной. Эта процедура мне тоже показалась не совсем соответствующей дружеским дипломатическим отношениям, но, когда дело касается иностранцев, могущих оказаться рядом со Сталиным, никакая предосторожность у советов не считается излишней. Так нас «встретили» советчики. Ни единого американского советника, который мог бы нас защитить, при этом не было.

Меня поместили на ночь в удобной теплой комнате, в здании недалеко от аэропорта, в котором перед войной помещался санаторий. Два других офицера тоже были расквартированы близко, и мы втроем поужинали в огромной, барачного вида, столовой. Помещение этой столовой было разделено на четыре отделения, каждое для особой группы воен-

ных: для старших офицеров, для младших офицеров, для унтерофицерского состава и для рядовых. В каждом отделении подавали хороший обед, но строго в соответствии с чинами. В советском «бесклассовом» обществе для каждой группы подавалось особое меню. Развлечения, однако, были для всех общие – военный оркестр и прекрасный хор. Для нас, «специалистов» по Советсткому Союзу, убранство столовой было не ново: например, огромные плакаты с разными «патриотическими» лозунгами, вроде «За американскую, британскую и советскую дружбу!» или «Смерть немецким агрессорам!» и т.д. После Тегерана все это было знакомо.

Несмотря на задержку в Афинах, оказалось, что я не опоздал: главные участники конференции не ожидались раньше полудня следующего дня.

3 февраля 1945 г. Полевой аэродром Саки, близ Евпатории в Крыму.

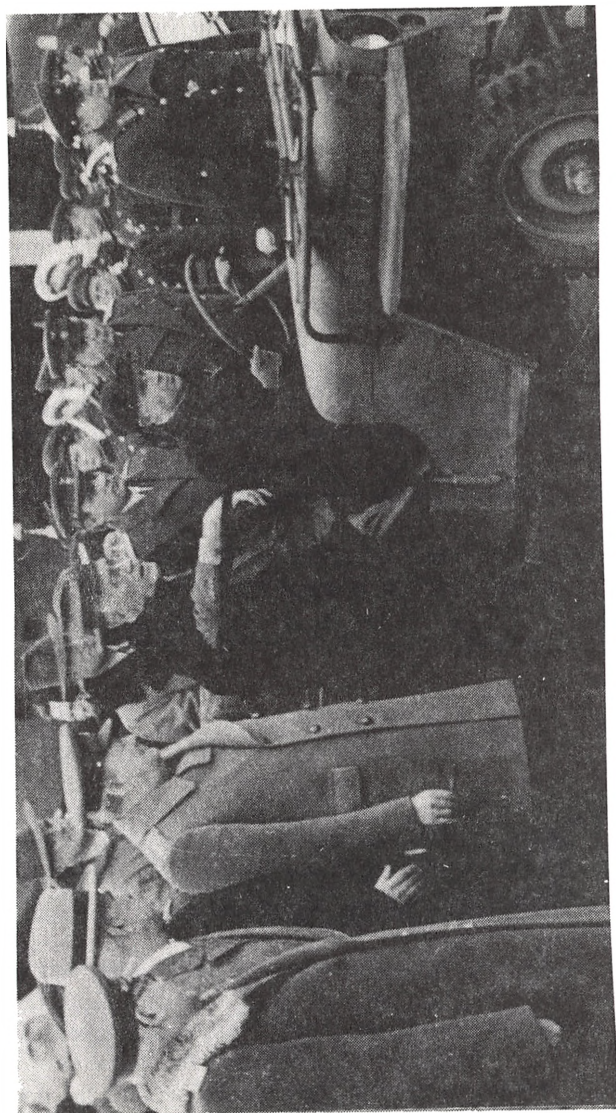
На этом аэродроме я мерз два часа, ожидая двух главных участников конференции, которые должны были прилететь с Мальты. Было холодно и ветрено, но снег, выпавший вчера, был уже убран с летных площадок и свален в кучи по сторонам. С приближением времени прибытия гостей увеличивалось и количество советских офицеров. Среди них был один воздушно-морской генерал и три генерала контрразведки НКВД. У меня с собой был маленький фотоаппарат и я сделал снимки. В двенадцать прибыли первые самолеты, на одном из которых прилетели посол Харриман и генерал Дин из Москвы, на другом – генерал Маршалл и адмирал Кинг из Вашингтона.

Все присутствующие наблюдали как советский почетный караул и оркестр подошли к предназначен-

ному для них месту. Все восхищались легкостью и точностью их маршировки, их до блеска начищенными сапогами на мокрой мостовой, и их новыми темнозелеными формами, которых большинство из нас раньше не видело. Блестели золотые пуговицы и погоны. Офицеры шли с обнаженными саблями. Бойцы были не очень большого роста, но все как на подбор, и это создавало сильное впечатление, чему способствовала и их исправная выправка. Рядовые были очень молоды и без боевого опыта, т.к. ни одного ордена не красовалось у них на груди. Лишь у двух из пяти молодых офицеров было по одному знаку отличия.

По прибытии в Саки на своем самолете «Сейкред Кау», президент Рузвельт остался в нем до приезда Черчилля; только тогда он спустился на специальном лифте, устроенном в его аэроплане, и был вынесен (под прикрытием его собственной секретной полиции) и посажен в джип со специальными перилами. Президента подвезли к тому месту, где расположился оркестр, позади которого столпились другие важные лица. Президент был одет, как казалось, в легкий костюм и черную пелерину с отделкой из тесьмы. Президент снял и держал в руке свою фетровую шляпу, пока оркестр играл все три гимна по очереди. Черчилль держал руку под козырек, а Молотов, по причинам неизвестным, остался в своей каракулевой шапке. Может быть, его голова была в это время занята другими вещами. Все же этот момент был такой особенный, что я вытащил свою лейку и щелкнул два снимка.

Я должен сознаться, что меня сильно удивил вид президента. Может быть ему было очень холодно, но, помимо этого, его вид заставлял желать много лучшего: у него были впалые щеки и впечатление

3-го февраля 1945 г. на аэродроме «Саки» с левой стороны: 1. Вышинский.
2. Секр. Иностраннных Дел Стетиниус. 3. Премьер Министр Винстон Черчилль и 4. Президент Рузвельт.

было, что он или очень устал, или был болен. Во всяком случае, он был не тем крепким и бодрым на вид человеком, которого я видел в Тегеране в ноябре 1943 года.

После официальной части начал формироваться конвой в Ялту. Президента пересадили в легковую машину. Адмиралы Лехи и Кинг заняли другой автомобиль. Тут оказалось, что им захотелось выпить. Они послали меня в палатку с угощениями за бутылкой коньяка. Только тогда я увидел, что там был роскошный «буфет». После стольких часов на холодном аэродроме я зверски проголодался, но конвой собирался двигаться и времени поесть у меня не было.

Я не знал, ехать мне тоже или оставаться в Саки. Мне не было дано никаких распоряжений и места в машинах для меня тоже не было. Пока я стоял, раздумывая, что мне делать, г-н Бауман, сотрудник отделения охраны Белого Дома, с которым мы встречались в Тегеране, узнав меня, крикнул:

«Едем! Здесь вам нечего будет делать».

Американский морской офицер из ближайшего джипа крикнул, что у него есть место в машине, и я, не медля, залез в его джип. Как раз в это время передовая машина тронулась. Джип с охранниками последовал за тяжелым Бюиком президента, а за ним тронулся наш джип, который вез доктора военного флота и меня. Доктор оказался капитан-лейтенантом Хауард Бруенн, специалистом по сердечным болезням, обслуживающим Белый Дом.

В открытом джипе было очень холодно и вдобавок я, по глупости, отказался от половины бутерброда, который предложил мне доктор. Проехав, приблизительно, пятьдесят миль, мы пересекли Симферополь и, несмотря на то, что мы были далеко от железнодорожной станции, на меня нахлынули вос-

поминания...

Вскоре после того, как моему отцу пришлось бежать из Москвы в ноябре 1917 года, мы получили сведения, что ему удалось благополучно добраться до Ялты. Несколько недель спустя мать и мы, двое детей, последовали за ним. Симферополь – южный предел железнодорожной сети, и тут мы сошли с поезда. После утомительной ночи, проведенной на чемоданах и на полу станции, матери удалось найти извозчика, который согласился отвезти нас на лошадях в Ялту, около пятидесяти миль к югу, по крутым и извилистым дорогам. Ниже привожу слова моей матери об этом эпизоде из прошлого нашей семьи.

«Только на пятый день, поздно вечером мы приехали в Симферополь. Пол станции был заплеван, засыпан семечками и весь занят скарбом и сидящим народом... Жара и духота... С трудом мы нашли место, где можно было расстелить бурку и поставить вещи. Игорь покорно лег на приготовленное сооружение вроде постели, а Олег не согласился и предпочел сидеть. Маня была вся красная от жары: она была одета в военный полушубок, который волочил-ся по полу. Это было сделано, чтобы его не «экспроприировали» в пути. Маня хлопотала с чайником для кипятка. Пришлось провести на станции всю ночь до утра в ожидании, когда можно будет нанять экипаж.

На рассвете Маня пошла на разведку. Оказывается есть попутчик, который хотел бы ехать с нами. Это был немолодой человек, болезненного вида – «неопасного». Сговорились с извозчиком. Мы усаживаемся и едем. Олеша между мною и попутчиком. Игорь у меня на коленях. Маня напротив. Ехать прохладно и уныло, и эта последняя часть пути кажется бесконечной. Мы едем очень медленно. Попут-

чик оказался поваром по профессии. У него перевязано горло и в разговоре он выказывал себя очень кротким и благонамеренным человеком. Мы где-то в пути останавливались, закусывали и угощали его. Едем дальше.

Игорь настоящий 'дядя Пуд' – такой тяжелый, но я все время держу его у себя на коленях и колени онемели. Дети ведут себя примерно. Олеша, как всегда, немного взолнован и всем интересуется. В Алуште возница два часа перепрягает лошадей и мы боимся, что он исчезнет со всеми нашими вещами. Маня отправляется караулить вещи. Закусываем в ресторане на берегу моря. Наконец экипаж подъехал и мы двинулись дальше. Теперь дело пошло еще медленнее. Возница заходил по пути в какие-то дома и подолгу отдыхал. У спутника нашего настроение заметно портилось, но он не соглашался серьезно поговорить с извозчиком. И чем дальше, тем больше казалось, что он в заговоре с ним. Было совсем темно, когда мы доехали до Никитского сада, но тут вдруг я не могла вспомнить дорогу в Магарач. Вместе со спутником я взошла на небольшую гору в надежде увидеть дорогу. Магарач был тут под нами, но дорога не была видна. Спутник теперь был очень сердит на меня, так что я поспешила к экипажу. Мы поехали обратно к Никитскому саду, где я зашла к Кузнецовым и попросила их сына-скаута показать нам дорогу. Было часов десять вечера, когда мы, наконец, приехали. Олег Иванович уже ждал нас у ворот. Встретили и Плотницкие. Олег расплатился с извозчиком, угостили недовольного спутника вином и они поехали в Ялту. Нас ждали хлеб, соленая камса и хорошее старое вино».

И вот я оказался здесь 3 февраля 1945 года. Мысленно я был весь в прошлом и в то же время

свидетелем настоящего. Хотя я и ехал по той же дороге, как и в том тревожном 1917-ом году, на этот раз я ехал в американском джипе, а в машине, которая шла передо мной ехал президент Соединенных Штатов. Чуть проехав Симферополь, конвой сделал единственную остановку по пути в Ялту, но никто не пожелал выйти из машины, кроме Анны Боеттингер, дочери президента, ехавшей вместе с ним. Никто другой и с места не сдвинулся, и, хотя я вылез, чтобы размять застывшие ноги, никому не понадобились мои услуги в качестве переводчика. Конвой снова тронулся и немногим позже проехал мимо военного кладбища с красными звездами вместо крестов над могилами погибших советских солдат. Мы опять увидели развалины разбитых бомбами или артиллерийскими обстрелами зданий, но в общем тут было мало селений. Вдоль нашего пути стояли караулом несколько рот советских солдат. Они отдавали честь каждой проходящей мимо них машине, а я задавал себе вопрос, сказали ли им, кто пассажиры в едущих мимо машинах? Знают ли они, кто едет во главе колонны? Для безопасности никогда и никому не сообщают, когда Сталин уезжает из Москвы в свои редкие поездки. Соблюдается ли та же секретность в отношении его иностранных гостей?

Я все ожидал, что из-за одного из поворотов, перед нами откроется вид на Черное море и что вдоль дороги будут прекрасные виды. Я знал, что наш водитель, как и шофер машины президента, были членами охраны «Джо», чинами НКВД; несомненно они прошли маршрут накануне. По словам чинов охраны президента, ранее у них был «большой спор» о том, кто его повезет... По американским законам, телохранители отвечают за безопасность президента и потому они настаивали на том, что

американец должен вести его машину. Однако, было ясно, кто в этом споре одержал верх. Все водители были в штатском, в теплых кепках и шарфах, и я мог видеть, что по крайней мере наш шофер точно исполнял доверенную ему обязанность.

Наконец мы увидели Черное море и стали спускаться с высоты двух тысяч футов к некогда знаменитому курорту Гурзуф. По мере того, как мы спускались, растительность сменилась кустами и деревьями, покрытыми свежей зеленью. Стало теплее и в воздухе запахло кипарисом и пробковым дубом. Все предвещало весну. На побережье пейзаж был совсем иным. Тут все дома были разбиты. Запутанные проволочные ограждения, теперь уже обвислые, все еще стояли у моря. Здесь февральский туман смешивался с пылью развалин. Маленькие поселки, которые лепились вдоль дороги, идущей на уровне моря, фактически были пустыми. Из-за предстоящего события вся местность была запретной зоной практически для всех. Но вот в поле нашего зрения появилась Ялта и снова мои мысли улетели в далекое, но удивительно живое для меня, прошлое. Вспомнилось то, что нам пришлось здесь пережить, когда я был восьмилетним мальчиком.

В первые годы после Мировой войны, а именно в 1918 году, часть южной России, включая и Крымский полуостров, попала под оккупацию немцев, в то время, как во всей остальной европейской России бушевала гражданская война. Мы в Ялте были счастливыми, потому что получали немецкий паек, который давал нам минимум пропитания. Но после того, как союзники подписали мирный договор, немцы ушли к себе домой. Через месяц, засевшие в Петрограде советы послали матросов-революционеров на юг «просвещать» своих братьев Черноморского

флота, учить их прелестям и методам революции. Результат можно было предвидеть: массовое убийство морских офицеров на соседней военноморской базе в Севастополе . . . Несколько дней спустя покой в Ялте тоже был нарушен прибытием туда крейсера, украшенного красными флагами. Крейсер обстрелял несколько больших вилл и отель. Это напугало мирных жителей. Мы, т.е. мать, Игорь и я, спрятались на берегу под скалами вместе с другими нашими чукурларскими соседями. Сам по себе обстрел много не повредил, но послужил сигналом ялтинской толпе и скрытым будущим комиссарам к началу безобразий: воровству, стрельбе и вылавливанию офицеров. Моему отцу пришлось тогда уйти из Ялты и скрываться в горах. Те, кто остались, были схвачены, отвезены на мол, где им связали руки и к ногам привязали мешки с камнями . . . Моя мать писала о Севастополе следующее:

«Но такие случаи еще были ничто по сравнению с злодействами и ужасами, творившимися в соседнем Севастополе. Там, под Рождество 1917 года, так называемые ‘выборные’ матросы, в значительном числе приехавшие из Кронштадта и уже проливавшие там кровь, совершили такие преступления и убийства, которые трудно было бы описать. Местные жители называли эти ночные зверства Варфаломеевскими ночами. Передавали, что там за несколько дней было убито около девятисот морских офицеров и верных долгу служащих».

Но остались у меня и некоторые более радостные воспоминания о жизни в Ялте. Например, тут тоже мой отец организовал скаутов и помогал с изданием *Ялтинского Листка Скаутов*. Кроме того, он пред-

седательствовал в Обществе Георгиевских Кавалеров. Я же прислуживал в соборе и, если не скаутом еще, то волченком карабкался по горам и собирал бабочек.

Теперь, в феврале 1945 года, мы проехали через Ялту и, когда конвой сделал поворот в гору и объезжал Чукулар, я уверен, что мельком я видел дом Карсаковых, в котором мы жили...

Проехав несколько миль дальше, мы въехали в ворота бывшего царского имения Ливадия. Наш советский шофер хорошо знал здешние правила и потому остановился на расстоянии немного более обычного от машины президента. Я все же мог видеть, что, как только г-ну Рузвельту помогли вылезти из автомобиля и сесть в кресло на колесах, Сталин вышел из здания и встретил его. Я не подошел ближе, но слышал, как Сталин приветствовал президента как гостя, а президент ему ответил, что он здесь не гость, а на равных правах...

* * *

Моя комната находилась на третьем этаже главного особняка, того же, в котором помещался президент и где предполагалась сама конференция, т.е. в главном здании Ливадийского дворца. Кровать, предназначенная мне, оказалась в комнате на восемь человек, хотя теперь были заняты всего три постели. Только я успел вымыться, как уже позвали к ужину, чему я лично был крайне рад. Столовая была уставлена маленькими столами и я оказался за столом с морским капитаном и двумя более молодыми сотрудниками Государственного департамента.

Несмотря на скромное жилье на третьем этаже, я, подобно пассажиру хорошего океанского парохода, пользовался столовой со всеми привилегированными

(может быть, «высокопоставленными» – более здесь подходящее слово). Ужин наш начался самой лучшей черной зернистой икрой...

Сталин, как говорили, занимал виллу Юсуповых, в нескольких милях от нас. Я не спрашивал, где точно она находилась, т.к. соблюдал секретность для безопасности. (Совсем так же было, когда мы жили здесь в 1918 году и грозила опасность второго большевистского захвата. Тогда о местонахождении разных членов царской семьи не говорили и даже не заикались). Премьер министра поселили в бывшем особняке графов Воронцовых, а Алушке. Вообще эта часть крымского побережья как нельзя лучше подходила для размещения такого количества высокопоставленных лиц, несмотря на военные разрушения прокатившегося здесь фронта в 1941 году и на совсем недавно повторившиеся военные действия. Членам американской группы были розданы заметки на семи страницах с описанием Крыма – заметки, составленные в американском посольстве в Москве. В них было немного исторических сведений из скифских времен и немного о каждом из трех городов Крыма. В Ялте, сообщал нам автор, существует водопад Утчан-Су, что значит «Летучая вода». «Отсюда прекрасный вид на Ялту и море». А я помню Утчан-Су по другой причине. В 1918 году, после вторжения сюда красных, здесь убили одного особенно зверствовавшего комиссара и сбросили его в Утчан-Су. Из-за этого опять начались преследования бывших офицеров и всех других, кто не был революционером. Моему отцу пришлось скрываться во второй раз.

В посольской заметке говорилось, что комната, которую сейчас занимает адмирал Кинг, была когда-то будуаром царицы, а генерал Маршалл занимает императорскую спальню. В конце заметок были сло-

ва, которые, по всей вероятности, полностью были взяты из советских источников:

«После революции Ливадия была превращена в дом отдыха для туберкулезных больных. Во время немецкой оккупации она была занята под Главную комендатуру, которая основательно ограбила Ливадию. Единственными оригинальными вещами из обстановки дворца остались две картины в спальне президента. Остальная мебель специально привезена для конференции».

Крайне неправдоподобно, чтобы советы оставили оригинальную обстановку на месте, когда они превратили дворец в санаторий. И когда немцы наступали на Крым в 1941 году, не советы ли разорили все, «чтобы не оставалось гуннам»? Что могла немецкая Главная комендатура грабить? Госпитальные кровати? (В 1979 году я читал, что советские гиды показывают дворец в Ливадии туристам и говорят им, что все реставрировано и приведено в такой же вид, как там было при Государе, что, яко бы, вся обстановка и даже мелкие украшения возвращены туда и поставлены на свои прежние места...).

Хотя в Афинах и в аэропорту в Саки было очень холодно, здесь на берегу Черного моря, защищенного горным хребтом с северо-запада, климат был как на Ривьере. Дворец Ливадии прячется в садах полутропических растений с запахом букса и явным ароматом лавра. Дворцовые террасы обращены в сторону моря.

Никто до сих пор и не заикнулся мне о моих возможных обязанностях. Единственная работа, которая подвернулась мне в первый вечер, была помощь г-же Боедттингер, которая искала прислугу.

Для обслуживания целого этажа была всего одна женщина и она, понятно, была очень занята. Беспокойство г-жи Боедттингер заключалось в том, что ей «нечего» было надеть. Все ее платья были помяты от лежания в чемоданах, а она не подумала взять с собой утюг. Прислуге дали одно платье и, когда она собралась уходить, появилось второе, затем третье, пока ее не нагрузили пятью... Несчастливая женщина никогда еще не встречала никого с таким количеством одежды. Она остолбенела не столько от уймы работы, взваленной на нее, сколько от этой небывалой роскоши. Выражение удивления на ее лице стоило бы сфотографировать. Я ушел с чувством отвращения. Советские войска сражались всего за несколько сот миль, женщины рыли окопы, а здесь эта особа требовала, чтобы ей выгладили энное количество платьев.

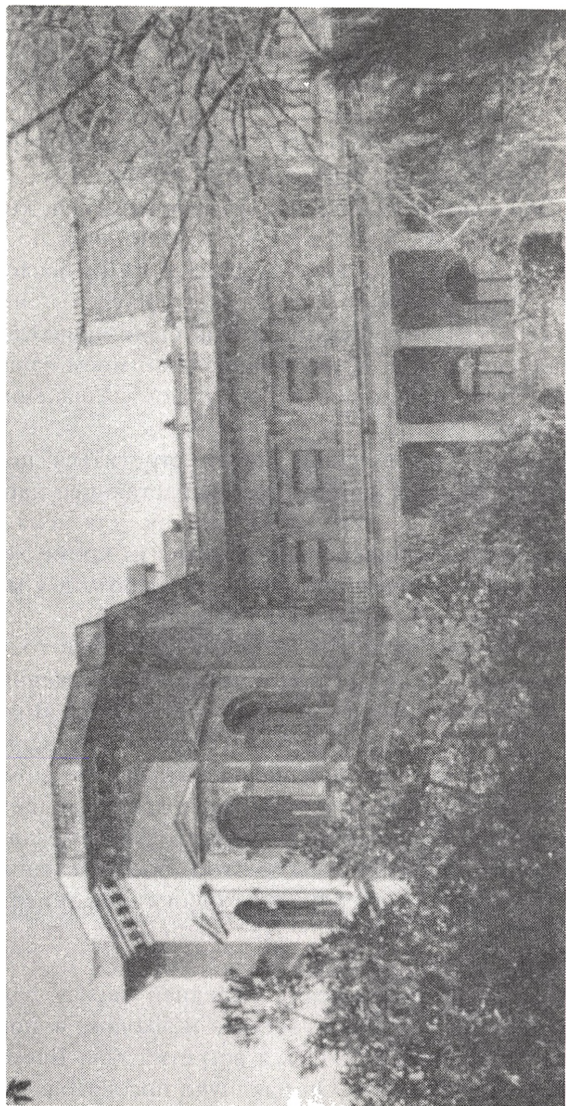
Воскресенье 4 февраля 1945 г. Ливадия.

Двое офицеров, которых я встретил на Мальте, теперь тоже приехали из Евпатории и заняли кровати рядом со мной на третьем этаже. Ни у одного из них не было еще никаких обязанностей и потому мы воспользовались свободным временем, чтобы осмотреть сад и павильон, где некогда бывала Царская Семья, и море, в котором я когда-то купался.

Мы делали снимки сада, раскинувшейся перед нами Ялты, меня с советским часовым, и летнего дворца, где сейчас остановился президент Рузвельт. На крыше этого дворца было два советских стражника (две маленькие фигурки вышли потом на снимке). На площадке дворца я увидел Джеймса Бернса, углубленного в книгу, что-то тщательно изучающего. Два года спустя министр иностранных дел Бернс издал

Автор с одним из многих советских часовых.
Вдали – вид города Ялты.

Дворец в Ливадии, некогда летняя резиденция Царской Семьи. В 1945 г. дворец был местом конференции Великих Трех. На крыше видны два охранника.

свою книгу «Speaking Frankly» (по-русски – «Откровенно говоря»). Вторая глава этой книги названа «Ялта – кульминация единства Трех Великих». В конце этой главы мы читаем: «Едва президент Рузвельт успел вернуться из Ялты на американскую землю, как дружба великих держав начала охладевать».

Я видел посла Харримана и генерала Дина, когда мы встречали президента. Я их хорошо знал по Тегерану и Москве, но тут не успел с ними поздороваться. Зато на второй день я столкнулся с ними прямо перед главным зданием. Они были приветливы со мной, как всегда, и расспрашивали о моем начальнике генерале Коннолли и о его новом назначении в Вашингтоне.

Великие Три должны были встретиться после обеда, и поэтому чувствовалось нарастающее напряжение. Меня это не очень трогало, т.к. для меня это была не первая конференция великих и, кроме того, меня еще не назначили ни на какую работу и у меня не было еще никаких прямых обязанностей.

Чуть после пяти г-н Харриман наконец-то вызвал меня. Он показался мне чем-то раздраженным, но поручил мне спешно позвонить во дворец Воронцовых и узнать, где премьер министр, т.к. Рузвельт и Сталин были уже на совещании. Англичане моментально ответили, и голос с оксфордским акцентом сообщил мне, что премьер министр уже выехал на собрание. Когда я доложил об этом, премьер министр как раз появился в дверях. Еще один такой телефонный звонок и я бы оправдал свой паек, если не жалование...

Я все еще оставался в передней между залом конференции, с одной стороны, и входом в покои президента, с другой. Здесь я встретил г-на Баумана из охраны президента. Он накануне посоветовал мне

залезть в джип: теперь он, открывая дверь, предложил мне показать комнаты президента. Я, однако, воздержался и не вошел. С места же, где я стоял, я отлично видел гостиную, резной письменный стол, огромную картину на стене и большое количество персидских ковров. Все это говорило об отсутствии вкуса и того шарма, которые, должно быть, были здесь тридцать лет тому назад...

Вечером, после обеда, все были приглашены на фильм «Дерево растет в Бруклине». Тут в главном кинотехнике я узнал того человека, с которым я летел из Нью-Йорка в Касабланку. Как раз до начала фильма через помещение, деловито и спеша, прошли генерал-лейтенант П.Д. Иванов, самый старший офицер НКВД из свиты Сталина, с генерал-майором Н.Д. Горлинским. На сей раз Иванов был в форме, соответствовавшей его высокому чину, и я вспомнил его фигуру в Тегеране, когда он был ответственен за окончательную уборку и приготовление квартиры президента. Я и не знал, что он был генерал-лейтенантом и членом свиты. Я писал об этом в свое время... Хотя у меня не было надобности обращаться к ним, я все же поздоровался с ними по-русски, и, кажется, этим их несколько ошарашил; они прошли мимо меня без намека на улыбку, с вытянутыми физиономиями...

На следующее утро генерал Дин и генерал Хилл спросили меня, к кому я тут прикомандирован. Я сказал им, что здесь не нахожусь ни в чьем распоряжении и готов быть полезным, где угодно. Они спросили еще, не знаю ли я какой-нибудь причины, по которой я мог бы быть чем-то неприемлемым советам. На это я ответил, что мои два года службы с ними в Иране были доказательством того, что советчики против меня ничего не имеют и добавил, что,

когда я уезжал из Тегерана, советский начальник генерал Каргин коротко похвалил мою службу в письме.

Мне было хорошо известно из газет, что идут разговоры о создании какой-то объединенной комиссии для разрешения вопроса о польском правительстве. Тут генерал Дин спросил, нет ли каких-либо причин, по которым меня могли бы не назначить в такую комиссию в Москву. Я сказал, что уверен в том, что генерал Коннолли меня отпустит. Вот и все, что было тогда сказано. Но я почти не спал в ту ночь от волнения, думая, что я смогу оказаться опять в России.

Утром я думал о возможном для меня назначении, но ни с кем не говорил по этому поводу.

В Севастополе стояло одно или два американских транспортных судна и вспомогательное судно «Катоктин», «вооруженное» всякого рода техническими приспособлениями для связи. На нем было несколько русских переводчиков. Одному из них советы не разрешили сойти на берег, повидимому потому, что его отец был князь Георгий Щербатов, лейтенант запаса американского военного флота, из-за своего происхождения не смог исполнить предписания своего начальства и прибыть в Ялту.

Шел третий день моего пребывания в Советском Союзе и второй в Ливадии, когда мне дали знать, что глава охраны президента Майк Райлли ищет меня. У меня появились надежды: я предполагал, что у Майка есть для меня дело. Кажется, в это время не происходило заседание Великих Трех, так как президент не хорошо себя чувствовал. Я пошел искать Райлли и нашел его в канцелярии советской охраны. Там, в приемной, за маленьким столом сидел советский полковник НКВД Карецкий. Когда я ему сказал, что глава охраны Белого Дома ищет меня, он кивнул

головой и указал мне на вторую дверь. Я вошел.

Если бы у меня в руках была дымящаяся бомба, то и тогда мое появление не могло бы произвести большей сенсации. Своим появлением я как будто бы испугал сидевших в комнате. Тут присутствовало по крайней мере три толстых, усыпанных медалями советских генерала и целая плеяда полковников НКВД. Майк Райлли был среди них. Когда я вошел, все советчики вскочили как один. Эту сцену легче было бы нарисовать, чем описать. Но тут Майк Райлли спокойно сказал, что поговорит со мною, «но не сейчас, а немного позже». И пятнадцати секунд не успело пройти, как я уже вышел оттуда тем же путем, как и вошел, и вернулся во дворец ожидать объяснения такого странного напряженного приема, коего я удостоился.

Через час Майк сообщил мне, что именно в ту минуту, когда я вошел, советы требовали моей немедленной высылки из Ливадии. Майк дал мне понять, что «при сложившихся обстоятельствах» советы даже не обязаны давать никаких объяснений своим требованиям. (Он мог бы добавить, что мы фактически подчиняемся московским указаниям...) Все это, конечно, тут же разрушало всякую возможность назначения в Москву, как и вообще моей дальнейшей работы с советами. Майк сказал, что я должен буду покинуть территорию Советского Союза сегодня же после обеда.

Я не пошел ни к генералу Дину, ни к господину Харриману, ни к офицеру администрации МакФарлейну, чтобы объяснить положение или хотя бы попроситься. По всей вероятности никто не позаботился доложить им или кому-нибудь другому, что советы не пускают американского офицера военного флота Щербатова на советскую почву, а также, что советы

аннулировали свое молчаливое разрешение мне оставаться здесь. Скорее всего это был типичный пример того, как советы отстраняют людей, с которыми они не согласны сотрудничать. Теперь-то понятно, что они ничего не имели против Алжера Хисса, который в Ялте был в почете.

Сколько я не размышлял, я не мог объяснить себе и найти настоящую причину такого действия со стороны советов. Представители советской тайной охраны иногда выбирают жертву наугад, только, чтобы доказать свои права. В своей стране они часто ловят свою жертву словно большими сетями и только потом разбираются, кого они поймали. В случае со Щербатовым и со мной они убрали из Советского Союза двух людей просто, чтобы показать своему высшему начальству, что НКВД не спит.

Из моих записок должно стать ясно, что я никак не действовал против советов во время войны и был лоялен по отношению к официальным решениям президента всячески сотрудничать с «красными» в целях общего дела. Конечно, что касается частных разговоров и личных мнений я не был беспристрастен... Однако, какова бы ни была причина, «красные» не желали моего присутствия ни в Ялте, ни в комиссии по польскому вопросу.

* * *

Я прошелся в последний раз по парку и кто-то снял меня на фоне сада. Я сорвал веточку крымского кипариса для моего отца и он был очень доволен, когда я ему ее преподнес по возвращении.

Вскоре после обеда за мной приехала легковая машина, которую вел американский матрос, и меня повезли через ворота, где я должен был сдать свой пропуск. Дальше мы проехали через Ялту, затем

вверх на плато и, наконец, в дом отдыха в Евпатории, где я ночевал по приезду из Афин.

6 февраля 1945 года. Каир.

Сегодня был самолет, который доставил меня прямо на юг, через все еще нейтральную Анкару, в Каир. Тут я уже сам решил отдохнуть пару дней, чтобы успокоиться. Я не хотел возвращаться в Вашингтон до конца конференции и отвечать на вопросы о причинах моего преждевременного возвращения. Я также думал, что хорошо бы было побывать в недавно освобожденной Флоренции, а затем в Париже. Все, что мне для этого было нужно, это твердое решение. Когда я пришел к офицеру транспортного бюро, чтобы записаться на следующий полет, то тот заметил, что моя путевка была выписана «властью генерала, командующего транспортом» – его собственным начальством. Он тогда попросил меня войти в его канцелярию, чтобы не обсуждать секретных заданий при посторонних. Этот транспортный офицер был очень осторожен, и когда увидел порядок срочности номер один, стал особенно любезным. Он не ожидал никаких полетов во Флоренцию: она находилась еще слишком близко от линии фронта. Однако, он устроил меня на первый полет в том направлении, в Неаполь, с остановкой по пути на час в Афинах. На ночь в Каире меня поместили в Шепарде, большом отеле в центре города, с удобствами, о которых и не снится в транзитных бараках военного транспорта.

7 февраля 1945 г. Неаполь.

В каирском аэропорту я встретился с двумя зна-

комыми майорами, сопровождавшими футбольную команду американских войск Персидского залива. Я попросил их передать привет всем тем, кто еще помнил меня в Тегеране. В Афинах я сразу узнал самолет со сломанным крылом и подумал, что он еще долго тут так простоит.

Париж.

В Париже 12 февраля я читал в газете «Хералд Трибун» догадки о результатах встречи Великих Трех, а 13-го я записался на полет в Нью-Йорк. Мне помогло то, что у меня был порядок срочности номер один – ведь огромное количество американских военных, да и штатских, теперь стремилось попасть домой. У меня затруднений не было: я отказался от одного полета сегодня и заказал билет на завтра в 1400. Пока же, купив газету «Нью-Йорк Таймс», я читал:

«ВЕЛИКИЕ ТРИ ОСУЖДАЮТ НАЦИЗМ И МИЛИТАРИЗМ РАЙХА. ДОГОВАРИВАЮТСЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОСВОБОЖДЕННЫХ СТРАН И СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ. СОЗЫВАЮТ ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ В США 25 АПРЕЛЯ.

Ялтинские переговоры закончились. Единогласно осуждают Райх, вырабатывают сферы влияний и репарации. Намечены тайные голосования. Польше и Югославии гарантированы более свободные режимы – принято соглашение о линии Курзона. Сделан намек на роль советов в районе Тихого океана. Репарации для Германии будут определены . . .»

* * *

На этом мои записки о Ялте закончились и пролежали под сукном вот уже сорок лет. Я был возмущен тем, как со мной в Ялте поступили, не только советы – от них всего можно было ожидать – но свои же американцы, давшие молчаливое согласие на высылку своего человека. Теперь же, в 1984 году, один из американских представителей в Москве в 1944, находящийся в отставке, адмирал Кемп Толлей указал мне на статью об Ялте в январском номере журнала «American Heritage» 1972 года. Без указания имени, в статье говорится об одном американском офицере, которого выслали из Ялты, «предупредив всего за один час». Мне кажется, я знаю, о ком здесь идет речь... В статье далее пишется, что американский офицер «не возражал...». Да, я не возражал, но я полагал, что мое начальство должно было бы это сделать, по крайней мере оно должно было опротестовать. Все же я был проверен и избран для моего назначения в Ялту!

После моего возвращения в Вашингтон из Ялты мои фотографические снимки были проявлены и оказались очень хорошими, но, как мне показалось, вид президента на фотографиях был таким, что мне не следовало эти фотографии показывать. Я счел за лучшее отнести их к военному цензору. Цензор разрешил мне оставить фотографии себе, но поставил на обороте их печать – «Не для публикации».

2 марта 1945 года, будучи в Вашингтоне, я слушал по радио речь президента в Конгрессе. Его было больно слушать. Голос президента был совсем не тот, к которому мы привыкли, когда мы все слушали его «беседы у камина». Теперь президент казался серьезно больным, а не просто усталым. Во время чтения речи он ошибался и много раз менял текст. В «Нью-Йорк Таймс» на следующее утро сообщалось:

«Президент ввел много интерполяций в текст... но многие из его отклонений не будут внесены в официальный архив теми словами, какими они были сказаны...»

Через пять недель, 12 апреля, президент Рузвельт скоропостижно скончался, позируя русской художнице Елизавете Николаевне Шуматовой, писавшей его портрет. В момент смерти президента присутствовал и доктор морской службы Хауард Бруенн, в джипе которого мы, казалось так недавно, ехали в Ялту.

НАША СТРАНА

Еженедельная газета

Основана в 1948 г. И. Солоневичем

Орган русской монархической мысли

Цена номера газеты воздушной почтой:

**Австралия — 0.80 австр. долл., Италия — 1.100 лир,
Германия — 1.80 нем. марок, США — 0.80 ам. долл.,
Франция — 5 фр. франков, Чили — 0.30 амер. долл.,
Парагвай — 0.30 амер. долл.,**

Остальные страны — 0.80 амер. долл.

Чеки посылать по адресу:

Sr Miguel Kireeff

Monroe 3578 II,

1430 Buenos Aires, Argentina

ПРИГОВОР

ПО «ДЕЛУ» В.Д. СОКОЛОВА-САМАРИНА

Суд штата Коннектикут вынес по «делу» В.Д. Соколова-Самарина приговор, согласно которому «обвиняемый» лишается гражданства Соединенных Штатов Америки. В обосновании приговора, датированном 2 июня 1986 г., речь идет о том, что В.Д. Соколов-Самарин обвинялся в введении в заблуждение комиссии ИРО и консульства США в Гамбурге при получении эмиграционной визы в 1951 году.

В этом обосновании указывается, что на судебном разбирательстве «дела» конкретных доказательств вины В.Д. Соколова-Самарина **найден не было**. Не имея доказательств вины «обвиняемого», суд избрал путь отыскания истины методом: «если бы, да кабы...» Следуя этому методу, судья Т. Мэрфи пришел к заключению, что В.Д. Соколов-Самарин **не мог не совершить инкриминируемого ему поступка!**

Вот и все доказательство «вины», от которого у каждого здравомыслящего человека могут волосы стать дыбом!

В подтверждение того, что В.Д. Соколов-Самарин **мог бы** быть виновным, более половины обоснования приговора отводится рассуждениям о статьях «обвиняемого», опубликованных почти полстолетия назад в газете «Речь», издававшейся в 1942-43 годах в городе Орле. Ни текста статей, ни цитат из них в обосновании не приводится. Лишь указывается, что по мнению обвинителя и суда, статьи эти следует считать антисемитскими.

Поскольку в ходе судебного разбирательства не найдено доказательств вины «обвиняемого» по единственному пункту обвинения, суровый приговор В.Д. Соколову-Самарину вынесен только за то, что он писал в своих статьях (а может быть за то, что добавил к ним главный редактор-немец), в 1942-43 годах. Иными словами: состав «преступления» В.Д. Самарина – его взгляды, высказанные более 40 лет назад.

Не говоря уже о том, что насколько известно, по законодательству США никто не может быть привлечен к судебной ответственности за взгляды, вывод судьи Т. Мэрфи относительно предосудительности – именно предосудительности, а не преступности, – этих взглядов, совершенно вздорный – ни одной цитатой вывод этот не подтверждается.

Вопрос можно рассмотреть и с другой стороны. На основании какого закона США, мог бы быть привлечен к судебной ответственности человек, рожденный в Америке, которого нельзя лишить гражданства, высказавший не только 40 лет назад, но вчера, те же взгляды, за которые В.Д. Соколова-Самарина лишили гражданства? Такой закон неизвестен! Следовательно, суд над В.Д. Соколовым-Самариным – явное беззаконие!

Но приговор – налицо. И приходится расценивать его, как результат «плодотворного» сотрудничества Комитета Государственной Безопасности СССР и Отдела спецрасследований министерства юстиции США.

Если приговор не будет аннулирован высшей судебной инстанцией США, он станет прецедентом, на основании которого будет осуществлен дьявольский план КГБ, по которому все оставшиеся в живых русские противники коммунизма, нашедшие после войны приют в США, ставшие гражданами этой страны, должны подвергнуться преследованиям американских

судебных инстанций.

Не случайно, в сообщении ТАСС, опубликованном в советской газете «Известия» от 12 июня с.г. указывается, что в США получили пристанище и «укрываются от возмездия, свыше 10.000 нацистских военных преступников». Речь идет не о немцах, а о **русских американцах** и только наивным глупцам может быть неясно, кто берется «на мушку». И если приговор по «делу» В.Д. Соколова-Самарина, вынесенный судом штата Коннектикут будет утвержден вышестоящим судебным органом США, следует ожидать лавину сходных «дел» и сходных приговоров, жертвами которых станут тысячи русских американцев.

Перед русской общественностью не только США, но и всего свободного мира, во всей серьезности и категоричности встал вопрос о создании Международного Комитета защиты В.Д. Соколова-Самарина, деятельность которого должна основываться на тех же моральных принципах, на которых основывается деятельность многочисленных комитетов защиты академика А. Сахарова. К оказанию помощи этому Комитету должны быть призваны широкие круги общественности всех стран мира!

Инициативу создания такого Комитета должен был бы взять на себя Конгресс русских американцев.

* * *

Абсурднейшее и возмутительнейшее судебное «дело» против В.Д. Соколова-Самарина стоило ему и его супруге не только колоссального нервного напряжения, здоровья, тяжких переживаний и мытарств, но и огромных денежных средств. Русская зарубежная общественность оказала через Конгресс русских американцев В.Д. Соколову-Самарину большую матери-

альную поддержку, без которой он не мог бы выстоять (подумать только, последний счет адвоката составил около 25.000 долларов!), однако, собранные средства исчерпаны.

Предстоит разбирательство «дела» в следующей судебной инстанции, а вместе с этим предстоят и огромные расходы. Русское зарубежье обязано помочь В.Д. Соколову-Самарину не только морально, но и материально. Каждый русский, особенно те русские, жизненный путь и судьба которых, сходны с судьбой В.Д. Соколова-Самарина призваны поддерживать его по-совести.

Он ведет борьбу не только за себя, но за всех!

Чеки и почтовые переводы («моней ордерс») следует выписывать на: C.R.A. – Civil Rights Defence Fund.

Чеки, а также письма, с выражением моральной поддержки, посылать по адресу:

Congress of Russian Americans, Inc.
P.O. Box 818, Nyack, N.Y. 10960, USA

«Вече», № 22, 1986.

ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ

Двухнедельный Церковно-Общественный журнал.

**Основан Братством преп. Иова Почаевского
в 1928 году**

Подписная плата на год 20 долл.

Отдельный номер 1.-

**Russian Orthodox Holy Trinity Monastery
Jordanville, N.Y. 13361**

А.А. Никольский

НАЧАЛО ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВА НА РУСИ.

**(ЦЕРКВИ ДЕСЯТИННАЯ И СВ. СОФИИ
ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ В КИЕВЕ).**

Христианство проникало в Русь постепенно из Греции. Христиане были в Киеве и до Владимира, как между гражданами киевскими, так и в самой дружине княжеской. Князья не преследовали христиан, хотя сами упорно держались язычества. С распространением христианства началось естественно и храмостроительство. В договоре Игоря с Греками (944 г.) уже упоминается церковь св. Ильи в Киеве, в которой княжеские дружинники-Варяги клялись исполнять этот договор. Известны также церкви в селе Василеве, на Берестове, в Вышгороде (при Владимире), а кроме того киевский Патерик приписывает Олме (Варягу?) построение церкви св. Николая на Аскольдовой могиле, а кн. Ольге – построение церкви св. Софии. Более об этих церквях ничего не известно. Мы не знаем даже, были ли они деревянные или каменные, но можно полагать, что деревянные, каковой была Вышегородская церковь. После принятия кн. Владимиром и русскими людьми христианства началось массовое храмостроительство. По летописи, он приказал повсюду уничтожать идолов, капища и требища и на их местах строить церкви:

«повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумиры, и постави церковь св. Василія, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людіе. И нача ставити по градамъ церкви и попы». По свидетельству Лаврентьевской летописи в 1124 году пожар в Киеве истребил 600 храмов.

І. Десятинная Церковь.

Выдвигая значение Десятинной церкви среди других киевских храмов, летописец так говорит о ее построении: «Посемъ же Володимеръ (т.е. после крещения) живяше въ законѣ христьянскѣ, помысли создати церковь пресвятыя Богородицы. Пославъ, приведе мастера отъ Грекъ. И наченшю же ему здати и яко конча зижа украси ю иконами и поручи Настасу Корсунянину, и попы корсунскіе пристави служити в ней, вдавъ ту все, еже бѣ възлѣ въ Корсуні, иконы и сосуды и кресты» (Лавр. лет., а в 1-й Новгород. лет. по Синод. сп. прибавлено: «иконы и кресты честные съ драгимъ камніемъ»). По словам проф. Голубинского, «Владимир в данном случае решил построить церковь всерусскую, церковь совершенно исключительную по своим размерам и великолепию, единственную 'каменную' среди других церквей деревянных» (Ист. р. церкви, М. 1904. I, 181). Ввиду сего и были призваны греческие мастера, так как русские еще не умели строить каменные церкви. В житии свв. Бориса и Глеба, составленном Нестором, Десятинная церковь посему и названа «нашей кафеолической (т.е. соборной), церковью». Построена она была по греческому архитектурному плану и богатством своих украшений превзошла все известное до сих пор в Киеве убранство церквей.

Как видно из отчета о раскопках Десятинной церкви, предпринятых Импер. Археолог. Комиссией в 1908 г., эта церковь была выстроена на месте более древнего кладбища, т.е. на т.н. рушенной земле, что и послужило причиной ранней гибели ее во время осады Киева Батыем. Фундамент и стены не выдержали перегрузки здания народом, прятавшимся здесь со своим имуществом. Летопись объясняет, почему было выбрано это место для постройки церкви. Здесь стоял дом и был двор Варягов Иоанна и сына его Феодора, которого язычники хотели принести в жертву Перуну, а так как отец не выдал сына, то оба были убиты разъяренной толпой. Это были первые христианские мученики на Руси, и на месте их убийства Владимир и создал первый каменный храм в честь Божией Матери. Посему, говоря о построении Десятинной церкви, митрополит Иларион добавляет, что Владимир «созда ю на правовѣрнѣй основѣ», т.е. на крови мучеников, в отличие от языческой основы, на которой была ранее построена им церковь св. Василия «на мѣстѣ идѣже стояше Перунъ и прочіи».

Десятинная церковь была заложена в 989 году, а окончена постройкой и освящена, как полагает проф. Голубинский, 11 мая 996 г. С того же времени Владимир определил выдавать десятую часть своих доходов на содержание нового храма, отчего он и получил название «Десятинного». Храмовым праздником, как утверждают Голубинский и Айналов, было Успение Божией Матери, чем устанавливалась связь русского храма с цареградским «Влахернским». В описании же святынь г. Киева известного путешественника по св. местам А.Н. Муравьева этим праздником назван второй день Рождества Христова, когда празднуется «Собор Пресвятой Богородицы».

Все имеющиеся данные, касающиеся Десятинной

церкви, показывают, что в Киеве явилось роскошное здание византийской архитектуры, выстроенное византийскими зодчими и украшенное мозаикой и живописью греческими мастерами, прибывшими в Киев по вызову князя Владимира. Летописец не без основания влагает в уста его следующую молитву, выражающую его настроение по окончании строения храма, говоря так:

«Володимеръ, видѣвъ церкву свершену, вшедъ въ ню помолися Богу, глаголя: Господи Боже, призри съ небесе и виждь и посѣти винограда Своего и сверши, яже насади десница Твоя, новыя люди си, имъ же обратилъ еси сердце въ разумъ познати Тебе, Бога истиннаго и призри на церковь Твою си, юже создалъ недостойный рабъ Твой во имя рожьшая Тя Матери Приснодѣвы Богородицы. Аще кто помолится въ церкви сей, то услыши молитву его, молитвы ради Пречистыя Богородицы» (Лавр. лет. 996 г.).

«Эта молитва», говорит проф. Айналов, «крайне поучительна в том отношении, что первая часть: *‘Господи Боже призри с небеси...’* встречается в надписях вокруг образа Христа Вседержителя в куполе. Владимир, вошедши в храм и подняв взоры, как бы видит Господа Бога и читает надпись. Далее в молитве упоминается Пречистая Дева Богородица, по *молитвам которой* будут услышаны моления всякого верующего. Владимир, произнося свою молитву, как бы обращает взор на алтарную абсиду и видит там Приснодеву Марию, *‘поднявшую за нас свои чистые руки’*, по выражению патриарха Фотия» (Д. Айналов. История древне-русского искусства. Симфероп. 1919, стр. 86).

Таким образом это место летописи дает возможность иметь некоторое понятие о внутреннем виде

Десятинной церкви. Что касается ее внешнего архитектурного вида, то открытые части ее фундаментов показывают, что она имела на востоке обычные три выступающие абсиды, из которых средняя абсида (алтарная) больше боковых, т.е. жертвенника слева и диаконалика справа. Все три абсиды с внешней стороны представляют выступающие полукружия, сомкнутые вместе, а не отделенные друг от друга. С внутренней стороны эти полукружия имеют вид, несколько напоминающий подкову, что встерчается в византийском зодчестве, отмеченном по преимуществу восточным влиянием. По сторонам этих трех абсид справа и слева примыкают какие-то пристройки, образовавшие на восточной стороне род заплечий. Повидимому это были боковые приторы (ibid. 84-85). Храм имел в длину 26 сажен и 16 в ширину. Для сравнения позволю себе указать, что длина Владимирского собора в Киеве, освященного в 1896 г., 22½ сажени.

Главной святыней храма были перенесенные сюда мощи св. Климента, епископа Римского (глава его), положенные в придел его имени. Владимир очень чтит Десятинную церковь, как главную и соборную в Киеве. Сюда перенес он останки своей бабки, великой княгини Ольги. Здесь он похоронил в 1011 году и свою супругу, греческую царевну Анну, и завещал, чтобы и его похоронили здесь же, что и было исполнено, а сын его, благочестивый Ярослав, вырыл кости своих дядей Ярополка и Олега, убиенных в язычестве, торжественно окрестил их и положил в этом же храме. Здесь же были похоронены и внуки Ярослава – Изяслав и Ростислав Мстиславичи; сам же Ярослав, как известно, был погребен в сооруженном им Софийском соборе. В 1017 г. Десятинная церковь сгорела и возобновлена только через 22 года (в

1039 г.) при митрополите Феопемпте (1035-1049).

Очень значительные материальные богатства Десятинной церкви привлекали к себе грабителей, к стыду нашему даже из князей. Так, когда Киев был взят в 1169 г. кн. Мстиславом Андреевичем Суздальским в союзе с другими 11 князьями – волинскими, черниговскими, северскими и смоленскими, то, по свидетельству Карамзина, «победители, к стыду своему, забыли, что они Россияне: в течение трех дней грабили не только жителей и дома, но и монастыри, церкви, богатые храмы Софийский и Десятинный; похитили иконы, драгоценные ризы, книги и колокола». Затем Десятинная церковь в 1203 году была ограблена черниговскими Ольговичами и половцами при великом князе Рюрике II. Окончательно же все достояние храма погибло при монгольском нашествии вместе с самою церковью, так как к ней примыкала городская стена старого Владимирова города и около нее велся самый жестокий и упорный бой.

Под роковое не только для Киева, но и для всей Руси утро *6 декабря 1240 года* татары, захватив Киев, всей силой обрушились на Десятинную церковь, где, оградив себя тыном, укрылись горожане и защитники Киева с доблестным тысяцким Димитрием во главе. Церковные стены, построенные как сказано выше, на рушенной земле, не выдержали жестокого натиска, и пали. Тогда озлобленные татары истребили всех оставшихся в живых воинов, кроме тысяцкого Димитрия, которого Батый пощадил за его изумительную храбрость. От всего великолепного храма чудом сохранился только один южный придел святого Николая с частью церковной стены. В таком ужасном состоянии это святое место оставалось в продолжении четырех столетий. В это время и Киев представлял очень грустную картину общего разру-

шения. Случайные путешественники говорили, что в Киеве никто не жил. Только потом уже несколько иноков Печерской обители, из привязанности к святому месту, стали по временам собираться из соседних лесов по унылому и протяжному звону колокола, раздававшемуся по ночам, в уцелевший придел обительской церкви. Киев долго еще представлял вид бедной деревни. Стал же обстраиваться лишь с половины XIV столетия, но и потом подвергался всяким бедствиям и неприятностям. В 1482 г. был разграблен крымским ханом Менгли-Гиреем. После унии 1596 г. Печерский монастырь и Софийский собор захватили униаты. Десятинная церковь оставалась в развалинах до 1635 года, когда знаменитый митрополит Киевский Петр Могила, известный ревнитель православия, приказал «выкопать ее из мрака подземного и открыть дневному свету». Рассказывают, что придя раз помолиться над остатками Десятинной церкви в полуразрушенном ее приделе св. Николая, митрополит случайно обратил внимание на небольшое углубление около храма и приказал его раскопать. К великому его утешению там были открыты два гроба, в коих, судя по надписям, покоились св. князь Владимир и его супруга Анна. С благоговением перенес он честную главу князя сначала в древнюю его церковь в селе Берестове, где был некогда княжеский двор, а затем, ради безопасности, в Киево-Печерскую Лавру. Из остальных частей мощей – ручная кость была передана в Киевский Софийский собор, а челюсть была послана в 1640 г. в Московский Успенский собор, как дар от митрополита Петра Могилы царю Михаилу Феодоровичу, причем митрополит просил Государя, чтобы он «велел своим государевым мастерам своею царскою казной сделать раку на мощи прародителя своего святого и равноапостольного

князя Владимира, которая будет поставлена с его мощами в святой Софии, юже сооруди великий князь Ярослав, сын его» (Акты южной и западной России III, 29 и 44).

К оставшимся частям Десятинной церкви митрополит Петр Могила пристроил, частью каменную частью деревянную малую церковь *во имя Рождества Богоматери*, что дает основание, как думают некоторые (напр. Н.Н. Мишеев), полагать, что и храмовым праздником Десятинной церкви был не Успение Божией Матери и не день Ее собора, а именно день Ее Рождества (8 сент.). Такого же мнения держится и составитель исторического описания Десятинной церкви для «Православно-Богословской Энциклопедии» изд. проф. Лопухина (стр. 1022).

В верхнем ярусе этого храма был тогда же устроен придел во имя апостолов Петра и Павла. Между кирпичами новой церкви были вставлены камни с греческими словами из древнего храма для взаимной связи нового со старым храмом. Прочие же части обширных развалин оставались под землей еще два столетия, когда (в 1824 г.) митрополит Киевский Евгений обратил серьезное внимание на этот храм. Богатый житель Киева гвардии поручик Александр Анненков получил разрешение произвести раскопки около Владимирова храма и выстроить на этом месте на свой счет новую церковь под наблюдением командированного Академией художеств архитектора Ефимова. В июле 1826 г. было раскрыто основание древнего храма; исследован фундамент; найдены были мозаики, колокола, мраморные украшения, две гробницы с остоном и башмаками из шелковой материи. 2 августа 1828 г. был заложен новый храм, а 19 июля 1842 г. освящен киевским митрополитом Филаретом. Сооружен он в новом стиле с двумя приделами во

имя св. князя Владимира и чудотворца Николая. В последнем приделе была помещена и икона святителя Николая, чудом сохранившаяся из привезенных из Корсуня св. Владимиром. Постройка церкви обошлась Аннекову в 100.000 руб. Размеров и форм старого храма она не сохранила. Проф. М.П. Погодин назвал ее «несчастливым недоразумением» (см. «Моск. Вед.» 1875 г. № 84). По газетным сообщениям она разрушена большевиками.

(Продолжение следует).

Наши Вести

Издание Союза Членов Русского Корпуса
Редактор Н.Н. Протопопов

Адрес: Nashi Vesti
P.O. Box 5741
Presidio of Monterey, CA 93940

Подписка: \$12.00 в год.

Т.Л.

ВСТРЕЧА В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Утро было холодное и на всем лежал сырой, молочный туман. Не знаю почему, но раннее Московское утро, несмотря на чрезвычайно скверный вид, мне очень нравилось. Весь этот спешащий по своим делам и всегда задумчивый люд имел для меня, в восьмом часу утра, нечто особенно привлекательное. Москвич, среди дня или к вечеру, становится менее общителен и, чуть что, готов и обругать и надсмеяться. Совсем другое рано поутру, еще до начала работы, в самую трезвую и серьезную пору.

Собиралась я к Литургии. Мне хотелось побывать в маленькой деревенской церкви, где, казалось, живет настоящая Россия. Еще за день до этого я познакомилась с молодежью, которая обещала мне показать жизнь за городом. Воспользуясь этим случаем, я сговорилась встретиться с ними на станции электрички, с тем, чтобы попасть к Литургии в их церкви. Долго я собиралась, все стараясь одеться и причесаться по русской моде, чтобы не приняли меня за иностранку.

Мои друзья были явно верующими, но не церковными. В поезде зашел разговор о Церкви, о нашей русской колонии за границей, о бытовой жизни в США. Сидела против нас пожилая женщина, лет, на вид, под шестьдесят, белокурая, в платочке с ввалившимися глазами и щеками, с пожелтевшими зубами. Да и все в ней отзывалось какой-то желтизной: кожа

на лице и руках походила на пергамент, темненькое платье ее от ветхости тоже совсем выцвело, а один ноготь, на указательном пальце правой руки, был залеплен желтым воском тщательно и аккуратно (эта деталь, не знаю почему, уцелела в моей памяти). Спутница наша усердно вслушивалась в наш разговор и старалась даже присоединиться к нему.

Мы спорили о вере: мои знакомые говорили, что вера есть жизнь и что верить надо в жизнь. На это я им ответила, что вера есть Христос, что вокруг Него надо строить жизнь, а не наоборот. Вдруг незнакомка начала защищать меня, а моих спутников ругать. Кончилось тем, что между мной и нею возник разговор. Меня поразила ее открытость и добродушное отношение ко мне, иностранке. (Она так и сказала, что как только я села в поезд, она всю меня рассмотрела и сразу определила, что я иностранка. После моих долгих утренних стараний, это замечание меня даже немного обидело).

Я ей рассказала о том, как мы в Америке храним русскость: что я учусь в русской школе, что мы справляем все церковные праздники, соблюдаем посты, и т.п. Тогда она меня спросила, в какую я хожу церковь.

– Отец мой священник в Нью-Йорке, там я и хожу в церковь – отвечала я.

– А знакомы ли Вы с отцом Александром Киселевым? – спрашивает меня моя собеседница. Меня этот вопрос немного смутил, т.к. я никак его не ожидала.

– Да, – отвечала я, – знаю. И живет он недалеко от нас.

Щеки у нее разгорелись, глаза засверкали. Взяла она мою руку, не отпускает. Передать не могу, каким радостным томлением заняла моя душа.

– Вы знаете о журнале «Русское Возрождение»? Читаете ли Вы его?

– Да, читаю, – отвечала я, стыдясь признаться в том, что не так уж часто заглядываю в него.

– А мне Бог дал однажды поддержать его в руках. Помню, обложка такая яркая...

Оказалось, что эта женщина никогда не читала журнала, но много о нем слышала. Какие-то друзья раз дали ей его поддержать. У меня с собой были Евангелие и молитвослов. Я отдала молитвенник моей попутнице. Был у нее и раньше молитвенник, но она отдала его своему внуку. Слезы застлали ей глаза и она с благодарностью поцеловала меня.

Душа моя была переполнена всякими чувствами и переживаниями, но некоторые из них были совершенно определенны. Всего больше меня волновало мое собственное положение, мое отношение к такому делу, как «Русское Возрождение». Ведь сколько еще таких людей есть на нашей родине, читающих, а если не читающих, то хоть знающих о работе, которая происходит у нас за границей... И я решила рассказать об этой неожиданной встрече в электричке в надежде, что она и других побудит к более живому участию в возрождении России, как и меня побудила.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУТЬ ЖИЗНИ»

1. ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ
В.Н. ИЛЬИН. 206 стр. долл. 6.00
2. ИЗБРАННОЕ
Борис ЗАЙЦЕВ. 252 стр. 6.00
3. РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ (Сборник статей)
Е.Е. КЛИМОВ. 263 стр. Илл. 8.00
4. ЛЕТО ГОСПОДНЕ
Ив. ШМЕЛЕВ. 529 стр. 12.00
5. ОБЛИК ГЕНЕРАЛА А.А. ВЛАСОВА
(Записки военного священника)
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 200 стр. Фото.
Второе дополненное издание 9.00
6. ВОСПОМИНАНИЯ
М.В. ДОБУЖИНСКИЙ. 400 стр. Илл. 10.00
7. ЧУДОТВОРНЫЕ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
В РУССКОЙ ИСТОРИИ
Прот. Александр КИСЕЛЕВ (Издание Комитета
русской молодежи) 144 стр. Многочисленные
изображения икон Богородицы в красках .. 12.00
8. АКАФИСТ ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ
САРОВСКОМУ 3.00
9. О ПОДВИГЕ ОБЩЕНИЯ
Архиепископ Сергей ПРАЖСКИЙ 3.00
10. ...ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД
(То, что надо знать, сохранить, донести)
Прот. Александр КИСЕЛЕВ. 112 стр.
Твердый переплет, редкие фото. 8.00

St. Seraphim Foundation, Inc.
322 W. 108 St., New York, N. Y. 10025 USA

О.И.

ДЕСЯТЫЙ СЪЕЗД ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

С 29-го августа по 1-ое сентября 1986 года, в имении «Отрада» под Нью-Йорком происходил, ставший за последние годы традиционным, десятый по счету, Съезд православной русской общественности. Эти съезды связаны с подготовкой к тысячелетнему юбилею Крещения Руси. Десятый Съезд был посвящен теме и проблеме оцерковления жизни. Эта сложная, многогранная и для нашего времени чрезвычайно актуальная тема, как и следовало ожидать, привлекла многочисленных слушателей – в этом году съезд был еще более многочисленным, чем в предшествующие годы.

Тема оцерковления жизни очень широка. Она касается как каждого человека в отдельности, определяя его жизненный путь в лоне церковного сознания, так и сложных комплексов культуры. Человек живет в обществе и его созидательная деятельность может быть направлена на самые разнообразные области, где создание ценностей культуры занимает значительное место. Тема оцерковления, таким образом, неминуемо затрагивает не только проблемы христианской культуры, но и вопросы отношения православных людей к тем кризисным явлениям нашей современности, среди которых мы живем. Содержание докладов и вопросы затронутые в дискус-

сиях, были очень разнообразны, и обсуждения их носили подчас горячий характер. Можно отметить, что общий тон съезда был очень оживленный. Актуальность затронутых проблем ощущалась всеми участниками съезда. Этому немало способствовали высказывания многочисленных очевидцев о крепнущей религиозной жизни в России. С радостью должно отметить, что в дискуссиях по этому поводу и по докладам чрезвычайно активное участие принимала молодежь.

Вечером в пятницу съезд начался молебном, после чего состоялся доклад молодого художника Н.А. Охотина на тему – «Русско-православное восприятие красоты». Докладчик отметил глубокое различие восприятия красоты в русском и западном сознании. Он указал, что цели православного иконописца совершенно иные, чем у художников Запада. Православный иконописец выражает внутренний религиозный смысл изображаемого лица или священного события, в то время, как западный художник рано прошел процесс секуляризации своего искусства и в связи с этим, вносит в трактовку религиозных сюжетов элементы совершенно чуждые религиозному сознанию.

Вечером, после чая, состоялось оживленное и содержательное собеседование на тему о современной жизни Православной Церкви в России (вступительное слово д-ра Г.С. Роснянской). Присутствующие делились впечатлениями от поездок в Россию. Общие выводы из дискуссий в достаточной мере оптимистичны – несмотря на огромные трудности, русские церковные люди крепко держатся за Церковь, а количество людей, связанных с Церковью, все время растет. Несмотря на то, что процесс оцерковления идет медленно, возрождение религиозной жизни в России есть

несомненный факт.

На другой день, после Литургии, о. Владимир Дерюгин, молодой священник из Калифорнии, прочел доклад на тему «Святители земли русской и их влияние на ход русской истории». Основное внимание докладчик сосредоточил на деятельности св. Алексия, митрополита Московского. Докладчик отметил, что облик митрополита Алексия живет в нашей истории главным образом силой и правдой его жизненного дела. История хранит память его подвига, как предстоятеля за Землю Русскую перед татарами. Исключительная духовная сила, свойственная митрополиту Алексию, сосредоточилась для нас в совершенном им чуде – исцелении татарской ханши Тайдулы. Это чудо, как известно, расположило в его сторону татар, что было в тот исторический момент чрезвычайно важно для судеб Русской Церкви. Это чудо стало символом личности святителя Алексия. Он остался в истории как бы озаренный светом этого чуда. Особый интерес и красочность доклада о. Владимира придавали обширные цитаты из повествования архидиакона Антиохийской церкви, Павла Алепского, посетившего Россию в царствование Алексея Михайловича. Слушатели как бы своими глазами заглянули в ежедневную жизнь русской Церкви этого периода. Эта эпоха не только стремилась к оцерковлению жизни, но в значительной степени и достигла этого.

В своем докладе «Право и правда в русской истории», молодая юристка Е.С. Зезюлина отметила, что, хотя основной задачей юриспруденции является выяснение и юридическое оформление принципа правды, т.е. идеальной справедливости, явления эти в юридической практике далеко не всегда совпадают. В русском народе, по словам докладчицы, исконно жило именно ощущение правды, а так же – чувство,

что эта правда значительно шире юридических норм. На ряде периодов русской истории докладчица проследила пути осуществления этой правды в русском судопроизводстве. Особенное внимание она уделила юридической реформе императора Александра II и реформам Столыпина. Докладчица нарисовала исключительно яркую картину этих двух важнейших исторических эпох. Дискуссии по ее докладу носили очень оживленный характер. Наметила некоторая двойственность в оценке того влияния, которое столыпинская реформа могла иметь на религиозно-нравственное состояние русского крестьянства. В ходе дискуссии было указано на то, что в ряде случаев среди крестьян, выделенных по столыпинской реформе на хутора и, таким образом, оказавшихся вне влияния сельской общины и Церкви, замечались явления нравственного упадка и разложения. Таким образом, подъем экономического благосостояния крестьян имел и свою теневую сторону.

Профессор В.П. Петров сделал обзорный доклад – «Женщина в истории русского государственного строительства», остановившись, главным образом, на деятельности президента Российской Академии Наук княгине Е.Р. Воронцовой-Дашковой, и развитии научных контактов с учеными других стран. Докладчик отметил так же роль русской женщины в деле освоения «Русской Америки».

Профессор Л. Келер в своем докладе «Христианская суть русской классической литературы» кратко коснулась целого ряда явлений русской литературной культуры, так или иначе связанных с религиозной проблематикой.

Вечером, после всенощной, состоялся доклад на тему «Попытка понимания философии русской самобытности – русская изба» – докладчик С.И. Белико-

ва. На огромном фактическом материале (архитектура, этнография, история, быт) были показаны основные характерные и идеологические особенности строительства избы. Докладчица подчеркнула, что в архитектуре избы ярко и целостно отразилось мировосприятие русского крестьянина, его сложившиеся веками представления о семье, дисциплине и нормах отношений между людьми. Чрезвычайно живой и содержательный доклад сопровождался демонстрацией макета русской избы (работы супругов Беликовых) и диапозитивами.

Следующий день, после Литургии, начался докладом профессора В.И. Алексеева «Социальный вопрос в русском государстве», посвященный, главным образом, вопросу крепостного права, его происхождению, развитию и наконец – освобождению крестьян в эпоху Великих Реформ Императора Александра Второго. Построенный на глубоком изучении исторического материала, доклад профессора Алексеева затронул много важных и трудных проблем русского исторического развития.

Профессор Н.П. Полторацкий в своем докладе «Образ идеального правителя у И.А. Ильина», подчеркнул, что неперменным качеством идеального правителя России должно быть чувство высокой моральной ответственности за свое служение. Докладчик выделил две основных концепции, на которых может строиться отношение между государством и подданными: – согласно концепции, на которой строилась Россия, и Государь и подданный на разных уровнях служат государству. Другая возможная концепция, имеющая распространение на Западе, сводится к тому, что государство есть лишь административное учреждение, выполняющее функцию «ночного сторожа». И.А. Ильин был сторонником крепкой вла-

сти (монархии), и подчеркивал необходимость именно нравственной и религиозной основы государственного строительства и общественного бытия. Профессор Полторацкий, многолетний участник, чрезвычайно ценимый и любимый лектор на наших съездах, является ведущим специалистом по творчеству И.В. Ильина.

В послеобеденном докладе «М.М. Бахтин и проблема оцерковления жизни», д-р О.П. Ильинский стремился дать развернутое определение самого понятия «оцерковление». Некоторые аспекты научной деятельности и личности Бахтина служили ему примером того, чем и как деятельность большого специалиста-литературоведа может быть связана с глубокими религиозными проблемами.

Протопресвитер о. Александр Киселев в обобщающем докладе «Так что же такое ‘оцерковление жизни’», как бы подвел итоги этой центральной теме съезда. Отец Александр раскрыл духовный и насущный смысл понятия оцерковления – т.е. жизни с Богом, в Боге. «Стремясь к подлинному оцерковлению своей жизни – сказал о. Александр, – каждый отдельный человек вносит мир и свет Божий в общественную и государственную жизнь». Помимо своего выступления, о. Александр был председателем всего съезда и провел его с огромным подъемом, участвуя в дискуссиях по докладам, зачастую одним словом дополняя и поясняя сложные проблемы и разрешая спорные положения.

В понедельник, после Литургии состоялся доклад протоиерея Романа Лукьянова «Колокольный звон на Руси». Доклад сопровождался иллюстрациями на звуколенте. Отец Роман поднял глубокую и новую тему, осветив ее интересно и многогранно. Его доклад имел большой успех у слушателей.

Последней лекцией съезда был доклад профессора В.П. Морозана «Церковное пение древней Руси и его применение в наше время». Лектор – специалист-музыковед не только всесторонне осветил свою тему, но и выразил ряд пожеланий, касающихся улучшения практики церковного пения. Докладчик считает, что церковное пение должно звучать так, чтобы слова песнопений ни в коем случае не приносились в жертву мелодии. Во всех случаях мелодия должна служить слову, а не наоборот. Примеров правильного соотношения между словом и мелодией следует искать в древних церковных напевах.

По традиции в последний день все участники съезда причащались. На съезде присутствовали митрополит Виталий и владыки Григорий и Иларион. Благодаря их участию, многие спорные вопросы обрели ясность в четких и точных формах. Проблема оцерковления жизни получила на съезде богатое и многогранное освещение. Можно с удовлетворением отметить, что проблема эта присутствовала не столько в формулировках, сколько в живом факте общения людей между собой. Люди принесли на съезд свои интересы, проблемы и чаяния. Они имели возможность поделиться всем этим с близкими по духу. В этом и состояло главное значение съезда.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ ПЯТОГО ВСЕЗАРУБЕЖНОГО СЪЕЗДА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.*

С 3 по 13 августа 1986 г. неподалеку от Нью-Йорка, в г. Наяк, проходил 5-й Всезарубежный съезд русской православной молодежи. В нем приняли участие около 80 человек – из Северной и Южной Америки, Европы, Австралии. Было прослушано 20 докладов на религиозные и культурно-исторические темы, завязалось несколько дискуссий (в том числе в кулуарах) об актуальных проблемах. Была экскурсия в Манхэттен, был традиционный бал, банкет на пароходике, ночной костер с песнями в Катскильских горах. И вся эта съездовская жизнь, серьезные занятия и отдых, была заключена в строгую рамку церковных служб, которыми начинался и заканчивался каждый день заседаний. А в завершение всего – паломничество в Свято Троицкий монастырь (Джорданвилль), ставший сегодня для многих центром русской духовной жизни на американском континенте: там настолько проникаешься общей гармонией почти русской природы и монастырской атмосферы, что порою какой-нибудь встречный «Кадилак» или «Додж» удивляет среди русских полей своими латинскими буквами и иностранными номерами...

* Заимствуем отчет о Съезде русской молодежи из газеты «Русская Мысль», печатая его с некоторыми сокращениями.

Такие съезды устраиваются со второй половины 70-х годов, по инициативе Русской Православной Церкви за границей. Однако, цель съездов – способствовать развитию у эмигрантской молодежи русского национального самосознания, укорененного в Православии, – актуальна не только для Церкви. Эта проблема не ограничивается рамками той или иной церковной юрисдикции, той или иной молодежной организации (Организация русских юных разведчиков, Национальная организация русских разведчиков, РСХД, «Витязи» и др.). Проблема стоит перед всей эмиграцией: как перед родителями, стремящимися воспитать своих детей русскими в иностранном окружении, так и перед самими детьми, выросшими в эмиграции и пытающимися всмотреться в себя: кто они? Русские ли еще, несмотря на порою корявый русский язык, или уже американцы, немцы, французы? . . . Как им, не кривя душой, реагировать, с одной стороны, на давление родителей и, с другой стороны, на ассимилирующее воспитание школы и улицы: «не выделяйся, будь как все»?

Но прежде чем перейти к самой проблеме, хочется сделать одну оговорку – для тех, кто, прочтя эти первые абзацы, уже думает: «Русское, национальное, самосознание – и нужно это все сохранять? Зачем? Пусть себе дети ассимилируются. Национальность – это только платье на человеке. Главное – каков человек».

Конечно, очень важно, каков сам человек. Но, думается, и хорошему человеку ходить без платья тем более не следует. В иерархии духовных ценностей человека национальное самосознание занимает хоть и не главенствующее место («народ – не Бог, и возносить его на уровень Бога грешно». – И.А. Ильин. *Путь духовного обновления*), но все же, с точки

зрения многих мыслителей, место важное и необходимое. Это только перед Богом «нет ни эллина, ни иудея». Друг перед другом, в ходе исторического процесса, мы выступаем как представители того или иного народа, и, по мнению Ильина, «все гениальное родится именно в лоне национального опыта», в котором «живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли... Национальная культура есть как бы гимн, всенародно пропетый Богу в истории», и каждый народ создает свой собственный гимн. По определению Достоевского, нация выступает в истории как соборная личность. Без этого многообразия наций-личностей мир был бы беднее, он был бы лишен жизненных сил, возникающих, как магнитное поле, между разными полюсами притяжения. Потеря хотя бы одного из этих полюсов – обеднение всего мира.

Но, думается, и потеря человеком своей национальности – обеднение его как личности. Обретение национального самосознания – творческий акт духовного самоопределения в окружающем нас мире. Это одна из естественных ступеней духовного роста человека, углубления его самосознания из сферы только личного «я» в область духовного единения с другими людьми и прежде всего со своими предками, связь с которыми ощущается уже не только как причинно-физическая (мое бытие – следствие их бытия), но и как духовная, вневременная. Эта связь придает единый смысл и их тогдашней жизни, и моей сегодняшней, и моей будущей в сознании моих потомков. Она объединяет всех нас соучастием в едином историческом процессе, имеющем какую-то единую цель. Только в этом единении мы приобретаем онтологическую полноту личности. Эта связь лежит в основе национального самосознания. Утерявший же его те-

ряет собственное прошлое, сокращает свои духовные размеры до рамок сегодняшнего дня, из которого трудно разглядеть целостный смысл нашей жизни.

Так это или иначе – русская эмиграция в Америке, насчитывающая несколько миллионов человек, дает нам пищу для размышлений на эту тему, проявляя в более яркой форме те же основные тенденции, которые свойственны и для других стран русского рассеяния.

Первая из этих тенденций – сохранить на чужбине и передать детям национально-духовные ценности, для которых, как казалось, не осталось больше места в самой России, – в 1986 г. выразилась в самом девизе Съезда и была представлена в таких докладах, как «Преп. Паисий Величковский и его духовное наследие» (архиеп. Лавр), «Оптина и ее старцы» (П. Иванов), «Духовное состояние свободного мира» (о. Георгий Ларин, один из главных руководителей Съезда), «Женский идеал в древнерусской литературе» (М.А. Холодная), «Митрополиты русского происхождения до Петра I» (архиеп. Антоний Сан-Францисский), «Мысли русских художников и писателей о прекрасном» (Е.Е. Климов) и др.

Стремление к участию в жизни своего народа – вторая из отмечаемых нами тенденций, которая тоже всегда присутствовала в кругах русской эмиграции: чувствовать себя пусть малой, но не отрывной частью России, волею судеб проросшей, как ветвь дерева, через ограду на чужую территорию, но питающейся от того же ствола. Такое ощущение предполагает веру, что советский режим не вечен и что эмиграция – вынужденное временное состояние. И оно связано с необходимостью оправдать в глазах несвободных соотечественников свое пребывание в условиях свободы и материального благополучия.

Эмиграцию можно рассматривать и как генератор тех, пусть небольших, струек свободы, которые постоянно проникают из-за кордона в большой организм страны и которые могут быть катализатором для расширения сферы свободы теми силами, которые зреют в стране и которые только и могут – изнутри, а не извне – прорасти и раскрошить собою бетон тоталитарной системы.

В этом ответ и на один из вопросов, заданных на съезде в Няеке: «А кому мы, родившиеся здесь, нужны в России?» Обе части России нужны друг другу. Может, в этом вообще уникальность происшедшего с нашей страной: зарубежная часть России имеет опыт свободы, внутри страны пережит опыт несвободы (пожалуй, нет другого народа в мире, который бы в таких масштабах познал это состояние). И тот и другой опыт не столь однозначны, как кому-то может показаться. И в том и в другом состоянии по-своему раскрываются и лучшие и худшие стороны человеческой природы. И как бы ни были различны обе части России по своим размерам – дело не в количестве участников эксперимента, а в качестве собранных результатов. Если обеим частям России удастся взаимно питать друг друга своим опытом – мы лучше поймем, на что способен человек в той или иной общественной системе, и на основании этого более полного знания о человеке сможем сделать новый шаг в направлении совершенствования человеческого общества.

Без связи с Россией и питания ее опытом – если бы даже русским удалось (как евреям в двухтысячелетнем рассеянии) сохранить в эмиграции свое национальное лицо – российской эмиграции нечего было бы сказать новым народам, принявшим ее. То новое и важное для самосохранения этих народов, что мы

способны сказать, – это опыт России XX века. Без связи с Россией эмиграция уподобилась бы просто переселенцам, потеряла бы смысл существования. И Россия без эмиграции оказалась бы сегодня в гораздо большем национально-культурном беспамятстве. И если в июне 1986 г. на съезде советских писателей впервые официально прозвучали доселе запретные имена Гумилева и Ходасевича, поставлен вопрос о более полных публикациях Пастернака, то это произошло не в последнюю очередь потому, что об этих именах не давала забыть эмиграция.

В результате следования первой тенденции эмиграция стала хранилищем тех духовных ценностей, которые оказались несовместимы с коммунистическим строем. Если бы эти ценности были действительно «исторически преходящими», ненужными в современной России, – это хранилище превратилось бы в музей. Может быть, некоторым новым эмигрантам, получившим в СССР другое воспитание, это так и кажется. Но тот факт, что культурная элита сегодняшней России, даже в лице многих официальных представителей, все больше считает эти отвергнутые большевиками ценности неотъемлемой частью русской культуры и защищает их – свидетельствует о том, что существование эмиграции было необходимо стране в этот трудный разрушительный период. А в наступающее время «собираания камней» – подключение такого «блока памяти» стране еще более необходимо.

Россия уже давно не «за чертополохом». Многие эмигранты, имеющие иностранное подданство, могут туда ездить, устанавливать и поддерживать научные и профессиональные связи с коллегами. Особенно полезны такие поездки для молодежи, никогда не видевшей России. Уже впечатление от одной улицы,

заполненной говорящими по-русски людьми, бывает поразительным: оказывается, вот она, действительно существует страна, от названия которой происходит название моей национальности. Конечно, молодые люди должны быть для такой поездки достаточно подготовлены, чтобы уметь отличить правду от пропагандной лжи, друга от «рубахи-парня»-кагебешника, и чтобы вообще в этом океане вынужденного двоемыслия держать себя свободным русским человеком.

В последние годы можно отметить некоторые благоприятные сдвиги в этом направлении. Поездки в Россию становятся все более частыми. По сравнению с предыдущими всезарубежными съездами молодежи, проблематика сегодняшней России на 5-м Съезде была затронута в гораздо большем количестве докладов, в таких, как – «Жизнь и творчество В.М. Шукшина» (докладчик А.И. Холодный), «Современное положение Русской Православной Церкви» (о. Виктор Потапов), «Русский национализм в СССР в 1980-1986 гг.» (проф. Дж. Данлоп)... Особенно стоит отметить выступление М. Беляевой «Впечатления о поездке в Россию» и живую дискуссию на эту тему.

Но создается впечатление, что в целом в русской эмиграции интерес молодежи к России превышает готовность многих духовных наставников и скаутских руководителей вместить эту инициативу снизу в свои политические представления («не надо смешивать воспитание молодежи с политикой»; «зачем детям знакомиться с советчиной» и т.п.). Будем все же надеяться, что эти наставники прислушиваются к словам известного и уважаемого в зарубежье священника о. Александра Киселева, который в заключительный день Съезда рассказал историю, как группа русских эмигрантов помогла верующим в России достать

краску для реставрации храма и какова была благодарность оттуда.

«Вот я и призываю вас. – сказал о. Александр. – шлите 'краску' в Россию. Вашей 'краской' может быть и просто переписка, и материальная помощь, и переправка литературы. Каждый может выбрать себе 'краску' сам. И когда вы почувствуете, сколько вы можете сделать полезного для людей в России и как там будут благодарны вам за помощь, то вопрос – как быть русским на Западе? – решится сам».

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» «LA PENSEE RUSSE»

РУССКАЯ МЫСЛЬ – самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensee Russe». 217, rue du Fg Saint-Honore - 75008 Paris

Tel. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	70	130	250
ЗАГРАНИЦА . .	97	184	357

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Независимый русский православный
национальный журнал

Подписка:

	США и Канада	Франция	Германия
На 1 год	24 ам. долл.	150 фр.	50 н.м.
Воздушной почтой	39 ам. долл.		
Отдельный номер	7 ам. долл.	45 фр.	15 н.м.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату, насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

Подписную плату следует посылать:

Russkoe Vozrozhdenie — St. Seraphim Foundation, Inc.

322 West 108 St.

New York, N.Y. 10025

В Европе, Канаде и Австралии — нашим представителям.

.....

Желаю подписаться на "Русское Возрождение"
на 198... г.

Фамилия:

Имя и отчество:

Адрес:

.....

С пересылкой обыкновенной почтой

воздушной почтой

добавляю поддержку

Подпись:

Дата:

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

12 нм

подписка на 4 номера

40 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

7 ам. долл.

подписка на 4 номера

25 ам. долл.

Чек или почтовый перевод
просим направлять:

**RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.**

**8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)**

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
<i>С. Троицкий</i> – Брак и Церковь	7
<i>Др. Л. Липеровский</i> – Таинство брака	34
<i>Др. Г.П. Калиновская</i> – Новые социальные законы в Австралии (Австралия)	44
<i>Др. Л.А. Ткачевская</i> – Эпидемия XX века (США)	50
<i>Др. Г.П. Калиновская</i> – О материнстве (Австралия)	73
<i>Кирилл Головин</i> – Непостыдно и мирно (Россия)	79
Из древнего патерика – Путь к человеческим душам	95
Стихи из России	100
<i>О.П. Ильинский</i> – Идеино-художественное кредо Гумилева (США)	107
<i>А.А. Хвостов</i> – Крестный ход	132
<i>О.О. Пантюхов</i> – Личные впечатления в связи с Ялтинской конференцией (США)	135
Приговор по «делу» В.Д. Соколова-Самарина ..	173

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

<i>А.А. Никольский</i> – Начало храмостроительства на Руси	177
---	-----

ГОВОРЯТ СВИДЕТЕЛИ

<i>Т.Л.</i> – Встреча в электричке	186
--	-----

ХРОНИКА

<i>О.И.</i> – Десятый Съезд русской православной общественности	190
<i>М. Назаров</i> – Размышления после V Всезару- бежного съезда русской молодежи	197

RUSSIAN RENASCENCE

Printed in U.S.A. New York, N.Y.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «РУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

АВСТРАЛИЯ:

Сидней – Mr. N.M. Serebriakov, P.O. Box A 310, Sydney South, 2000 N.S.W. Australia.

Мельбурн – Mr. A. Souprounovich, 7 Rendell Crt., Oakleigh 3166, Victoria, Australia.

Аделаида – Miss G.N. Lobatchevsky, 58 Elizabeth St., Croydon, South Australia 5008.

ГЕРМАНИЯ и АВСТРИЯ:

Herr V.A. Kutsche, Diesel Str. 19, Munchen 50, Germany.

КАНАДА:

Торонто – Mrs. N. Ivanchenko, 4 Indian Valley Crescet, Toronto, Ont., Canada M6R 1Y6.

Монреаль – Miss Sofia Apraxine, 5316 Duquette, Montreal, Quebec H4A 1J4 Canada.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ:

Нью-Йорк – 1000th Anniversary Committee, 322 W. 108th Street, New York, N.Y. 10025.

Mr. A.O. Rodzianko, 272 Germonds Road, West Nyack, N.Y. 10994.

Вашингтон – Mrs. G. Tunik-Rosniansky, 4920 Weaver Terrace N.W. Washington, D.C. 20016.

Массачусетс – Mrs. E. Vorobey, 16 Custer Street, Jamaica Plain, MA. 02130.

Сан-Франциско – Holy Virgin Community, 6254 Geary Blvd. San Francisco, CA 94121.

Mr. & Mrs. Sergei Kotar, 1300 26 Ave., Apt. 504, San Francisco, CA 94122

Mrs. Ludmila I. Kram, 1125 Chautauquo Blvd., Pacific Palisades, CA 90272.

ФРАНЦИЯ:

Париж – Mme Marina Déruguine,

17, rue de Boulainvilliers, 75016 Paris, France

Printed in U.S.A. by Multilingual Typesetting
56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, N.Y. 10989

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай не торопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святый Боже! Святый крепкий! Святый бессмертный помилуй нас! (три раза)

И. Ланской
Jordanville, N. Y. 13361

Присоединяясь к идее И. С. Ланского, призываем всех участвовать в молитве за спасение России. Другим издательствам предлагаем перепечатать воззвание.

Редакция